

СЕМЬЯ И ШКОЛА

11/1972

ЖУРНАЛ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

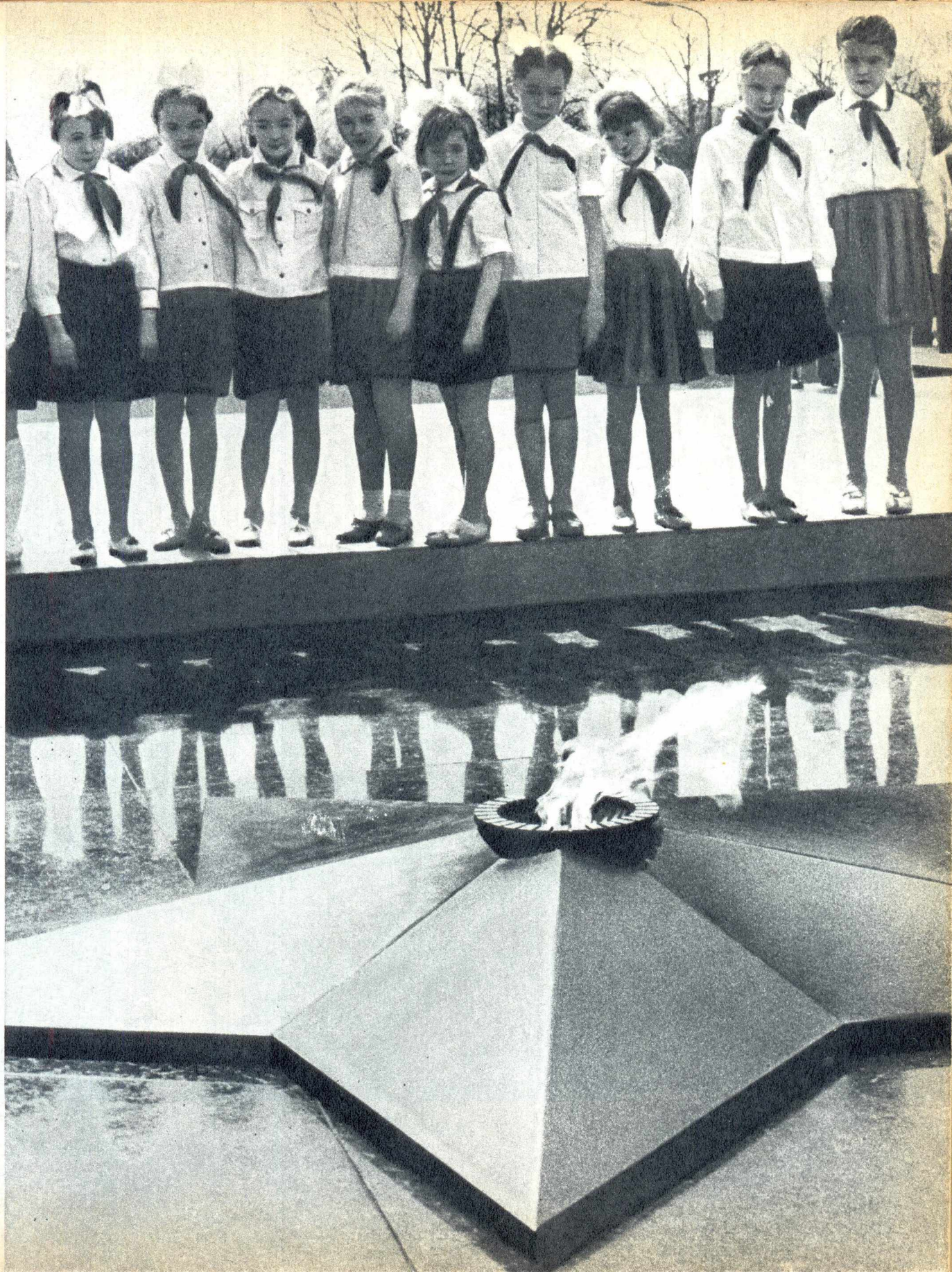
*Сколько будет
дважды два?
В школе
дошкольника
уроки
идут
без звонков
и больше
похожи
на игру...*

встреча с ветераном. помним о подвигах

Фото Н. Свиридовой и Д. Воздвиженской

Еще до того,
как дети
осознают смысл
и значение
таких
больших понятий,
как
«годовщина
Октября»,
«революционный
праздник»,
они видят
красочные
шестивия
на улицах,
слышат
торжественную
музыку.
Они ощущают
радостное
оживление
близких...
И с малых лет
ребенок хочет
найти
свое место
в общем празднике
со своим
маленьким
красным
флажком.

СОДЕРЖАНИЕ

Б. Яковлев. Звонкое эхо эпохи 2	М. Бондарюк. Сороки-вороны 44
<i>Родительский опыт</i>	<i>У врача</i>
И. Пакул. Всё богатство родины 6	В. Шеврыгин. Берегите уши 48
<i>Идут уроки</i>	<i>Детство замечательных людей</i>
Н. Салмина, В. Сохина. Схватить главное 8	В. Шатчинин. Прокофьев 50
Е. Мишарева. Пусть работает сам! 11	<i>Листая журналы</i> 52
<i>Почта</i>	<i>Книги</i>
Г. Логинов. Ревность? 14	В. Семенова. Главный праздник 54
А. Шифов. Счастливого плава- ния! 14	Э. Кузьмина. Заряд стойкости 55
Н. Жабицкая. Вот и стали мы на год взрослей 14	Советую: прочтите 56
М. Поносков. Не просто кормиль- цы 15	Недавно выпущено 57
Л. Михайлова. Гроза 15	Л. Успенский. Закон буквы. (Продолжение) 58
Образцово или нормально? (От- вет на письмо читательницы А. Нелюбовой) 16	Е. Овдак. Возвращение капю- шона 60
С парты на парту. (Ответ на письмо читательницы Тама- ры К.) 17	С. Глязер. Игры на столе 62
Из переписки 17	<i>На 64 клетках</i> 63
Советы 18	<i>Картины нравов</i>
<i>Конфликты</i>	А. Борисова. Маяр Нико 64
Б. Леонидова. Предостережение 20	На 2-й странице вкладки фото Н. Свиридовой
С. Соловейчик. Про пионеров. (Продолжение) 22	
<i>Истории из жизни</i>	
А. Прошина. Такая любовь 28	
<i>Школа дошкольника</i>	
Л. Левинова, Г. Сапгир. При- ключения Кубарика и Томати- ка, или Веселая математика. (Продолжение) 31	
<i>Музыка и каждый из нас</i>	
Ф. Розинер. Без рецептов 38	
А. Лунев. Откуда происходит искусство 42	

СЕМЬЯ И ШКОЛА

Ежемесячный журнал
для родителей
Академии
педагогических наук СССР
Ноябрь 1972 года
№ 11 27-й год издания

«МОСКВА. КРЕМЛЬ. ЛЕНИНУ» — традиционный для первых лет революции адрес писем не только партийных и государственных работников, командиров и бойцов Красной Армии, хозяйственников и ученых, писателей и художников... Ленину пишут и советские дети. Школьники и детдомовцы 1917—1924 годов. Первые комсомольцы и пионеры. Юные советские граждане всех возрастов — от семи до семнадцати лет от роду.

Перегрузка неотложными обязанностями главы правительства годами оставляет Владимиру Ильичу для отдыха не более... двух часов в сутки. Это лишает его физической возможности самому отвечать на все такие письма. А тяжелая болезнь мешает многие из них и прочитать...

И эти документы, однако, полноправно входят в Лениниану. Они свидетельство любви и доверия к Ленину тех, кто тогда не достиг и совершеннолетия, а сейчас перевалил за 60, а то и за 70...

Перед нами — звонкое эхо эпохи. Письма к Ленину показывают, как рано в годы революции обретает подросток политическую зрелость. Как стремительно и последовательно складывается его революционное самосознание. Как действенно помогает формированию личности самостоятельная работа в первых комсомольских ячейках и пионерских отрядах или «спартаковских» дружинах. В комитетах и «секциях» школьного самоуправления.

Люди моего поколения помнят, какой отличной общественной школой были наши ученические комитеты — учкомы. Как готовили они к активной общественной жизни, вооружая организаторскими навыками и опытом публичной речи. Как учила азбуке журналистики (а подчас и ее грамматике, если не логике) школьная стенная и «журнальная» — рукописная! — «печать».

В дни 50-летия нашего Союзного государства небесполезно перелистать хотя бы немногие из дошедших до нас детских писем...

ЗВОНКОЕ ЭХО ЭПОХИ

*Письма детей
Ленину...
По новым
документальным
публикациям*

ЮНЫЕ КОММУНИСТЫ

Начнем с коллективных писем, а от них перейдем к индивидуальным, представляющим, пожалуй, наибольший психологический интерес для педагогов и родителей наших дней.

Письма Владимиру Ильичу помогают точнее датировать зарождение движения юных коммунистов — «юков» в динамичном просторечии эпохи, предшественников пионерской организации, возникшей, как общеизвестно, лишь в 1922 году. Уже 14 сентября 1918 года Богородский отряд юных коммунистов «Страж революции» просит Владимира Ильича дать согласие на присвоение отряду его имени.

По письмам Ленину от советских детей можно составить представление о первых шагах нашей школы. 4 ноября того же года «все ученики и ученицы единой трудовой 4-й советской школы» Новгорода сообщают председателю Совнаркома, что у них теперь «идет дело как нельзя лучше прежнего». Шутка сказать:

— 1) будут выдавать горячие завтраки;

2) учат всякому мастерству, рукоделию — сапожничеству и разным прочим предметам. А раньше были ли когда в помине хотя бы эти предметы? Как молотом нам ебвали закон божий в голову.

В связи с 1-й годовщиной Октября новгородские школьники радостно заявляют:

— В прошлом году какой-нибудь царский проклятый день — и ученики не учатся, а этот праздник можно хоть отпраздновать, и есть, что праздновать, не правда ли?

Привет Ленину лихие потомки Василия Буслаева завершают оглушительным: «Ура-а-а-а!!!»

Столь энергичное нагромождение дефисов и восклицательных знаков призвано передать степень овладевшего сочинителями письма неподдельного революционного энтузиазма. Но он ведь и впрямь харак-

терен для «детей Революции», как называют себя авторы другого аналогичного приветствия Владимиру Ильичу.

Письмо от «Исполнительного комитета ученической организации Глазовского сельскохозяйственного училища» приходит в ЦК РКП(б) 12 ноября 1918 года. Будущие агротехники просят выслать «партийную литературу большевиков-коммунистов, в которой... ощущается большая нужда и потребность». Особенно огорчает авторов письма, что в училище «нет даже ни одного портрета того, кто борется за правду и ведет Россию к свету и к социальной революции». Речь — буквально! — идет о портретах «Ленина, Луначарского, Маркса и других видных политических деятелей большевиков-коммунистов».

Столетний Маркс, доживи он до 1918 года, не опротестовал бы, наверно, свое зачисление в «большевики-коммунисты», коль скоро на этом настаивают те, кто стремится внести «свет в крестьянскую темную массу».

Возглавленную Феликсом Дзержинским борьбу с детской беспризорностью принято относить, к началу 20-х годов. Однако Ленин начинает эту борьбу с первых дней Советской власти. Тогда-то и создаются детские дома для осиротевших ребят. Юные коммунары из города Белого, что на Смоленщине, еще 17 июня 1919 года приветствуют Владимира Ильича — «создателя хорошей жизни и детских домов». Авторы письма «на себе узнали, как худо ходить босым и голодным по улицам». Они обязуются не допускать, чтобы в Стране Советов «ходили голодные и оборванные товарищи».

Под письмом двадцать подписей. Как сложились судьбы Зои и Марии Вендт? Валентины Гузеевой? Братьев Дунаевских? Брата и сестры Ксюниных? Акулины Трофимовой? Лидии Федоровой?

Журналист Исая Брайнин, разыскавший и опубликовавший в 1968—1972 годах немало писем Ленину от самых разнообразных

корреспондентов, пытается ответить на эти вопросы. По его данным, Владимир Дунаевский — в 1924 году работник Бельского райкома комсомола — погиб от кулацкой пули в отряде особого назначения. Зоя Вендт-Биржевая стала воспитательницей в детских садах. Мария Вендт — счетным работником. Акулина Трофимова — учительницей...

Письмо из Кременчуга от «Президиума» тамошнего «дома рабочих-подростков» Владимир Ильич получает осенью 1922 года. Авторы письма «счастливы сообщить товарищу Ленину, что они спасены от спекуляции, преступности и находятся на пути получения квалификации, совмещенной с теорией».

Не слишком обширна «теория», которой в 1922 году вооружала нас школа. Однако производственная квалификация, полученная в ней кременчугскими подростками, представляла собой первостепенную важность и для них и для страны.

«Детское спасибо за спасение от голодных объятий смерти» искренне и сердечно шлют «своему пролетарскому дедушке» дети Поволжья из Тульского детского дома № 2 и вырванные «из ужасов бесприютности» их сверстники — «дети Советской Республики из беспризорных» — они обитают в детском городке имени Ленина, на станции Игрень Екатеринбургской железной дороги.

А в апреле 1923-го питомцы екатеринбургских татаро-башкирских детских домов имени Коминтерна и 25-летия РКП(б) пишут председателю Совнаркома:

— У нас нет ни отцов, ни матерей, ни родных, которые могли бы нас приютить, но у нас есть дорогой Владимир Ильич, который нас пожалел, дал нам возможность иметь свои детские дома.

Мы еще малы, бессильны помогать Вам в борьбе за власть угнетенных, но готовимся быть героями-революционерами.

Мы говорим: «Дорогой Владимир Ильич нам нужен, он должен жить и увидеть нас джигитами-революционерами»...

Ленину не суждено было увидеть

джигитами маленьких уральцев. Можно не сомневаться, что в дни Отечественной войны многие из них сдержали обещание Владимиру Ильичу.

„первые ласточки“

Выразительны и письма Ленину от самых первых пионеров. В Центральном партийном архиве хранится одно из таких писем. Пионеры 1-го отряда Краснопресненской дружины пишут Владимиру Ильичу, видимо, в конце 1922 года:

— Мы, первые ласточки великого свободного детского движения, смело пойдем на завоевание поставленной цели, вырвем детей рабочих из объятий улицы, воспитаем из себя сильных нравственно и физически бойцов за счастье трудящихся, имея перед глазами пример пионера мировой революции, волю которого не в состоянии сломить ни непосильный труд, ни террор со стороны мирового капитала.

Помнится, с подобным письмом обращались к Владимиру Ильичу и мы — в те ныне уже незапамятные времена пионеры не Красной Пресни, а другой рабочей окраины Москвы — Рогожско-Симоновской заставы. Мы тоже — не без ребяческой гордости — считали Ленина первым «пионером мировой революции», а себя — его верными последователями, готовыми на подвиги, ничуть не уступающие в лихости героизму «красных дьяволят», ставших «Чапаевым» в кинематографе нашего детства.

Пресненская дружина действовала при Центральном клубе печатников. Наша — при неизмеримо более скромном районном клубе медицинских работников. Ребят, самых разных — по возрасту и характеру, воспитанию и развитию, интересам и навыкам, объединяла общность труда отцов и матерей или старших сестер и братьев. Все они — от профессора главного врача до санитарки или няни, по более ласковой, даже официальной, тер-

минологии тех дней, считались членами профсоюза «Медсантруд».

Не помню, к стыду своему, имена вожатых, за полвека слишком многое бесследно «смыывается» в «запоминающем устройстве». Однако, когда в то практически бестелефонное время в действие приходила строго расписанная, как в спортивной эстафете, «пионерская цепочка» связных и с улицы на улицу, из корпуса в корпус, из дома в дом, а точнее из больницы в больницу, за оградками которых и жил, как правило, почти весь их персонал, бежала босоногая весть об «экстренном», «внеочередном», «неотложном», «чрезвычайном» пионерском сборе, все мы мигом собирались в клуб, возле Таганки, в Товарищеском переулке. Самим названием своим напоминал он о пионерском товариществе, где, как то и положено, «один за всех, а все за одного»...

Мы учились тогда в третьих и четвертых «группах» I ступени. А в Тамбовском железнодорожном училище один пятиклассник, по нынешнему школьному счету, старше нас всего на два года, обладал куда более основательным политическим опытом и развитием. Никто из старших ребят нашей дружины не смог бы написать Владимиру Ильичу письмо не ребенка, а сознательного и трезвого, даже, пожалуй, не по летам умудренного юного бойца революции:

— Узнав из газет о Вашей болезни, я поневоле глубоко опечалился; только невежда и негодяй, ослепленный враждой к Вам, не признает Ваших заслуг. Берегите себя: зачем ради одного лишнего часа общественной работы рисковать своей жизнью, нужной для великой Коммунистической партии, партии истины всего мира? Мое письмо, может быть, и не попадет по адресу, но я все же обещаю Вам отдать свои дни святой борьбе за слабых. Я учусь для того, чтобы во всеоружии идти на эту борьбу.

Начатое Вами дело докончит красная рабочая молодежь; она не пожалеет сил и скорее погибнет

вся, чем допустит гнет капитала. Выздоровливайте, берегите себя и знайте, что за Вами стоят миллионы людей, готовых умереть за правду.

Да, так говорить с Лениным о режиме его работы и жизни и о созданной им «партии истины» не смог бы ни один из нас. Письмо подписано:

«Уважающий, хотя ни разу не выдавший Вас Н. Островский».

Однофамилец ставшего вскоре известным замечательного писателя был готов не на словах, а на деле «умереть за правду». Нам предстояло еще научиться ее понимать, признавать и... говорить.

„в ряды борцов“

Такие подростки по праву клялись «честью Спартака» (как это сделали вскоре екатеринославские пионеры коммунистической организации «Юный Спартак»), что они пойдут «на смену уставшим борцам за коммунизм» и гордо завершат «начатое старшими дело».

О Спартаке, которого Маркс по заслугам назвал «самым великодушным парнем во всей античной истории», мы уже кое-что знали из романа Джованьоли и, по-моему, итальянского фильма, изображавшего восстание римских гладиаторов. «Великий немой» казался нам тогда непревзойденным. В современном цветном и широкоэкранном американском «супергиганте», несмотря на незаурядный талант Кирка Дугласа и потоки бутафорской или косметической крови, куда менее впечатляюще передан массовый героизм повстанцев. Именно он был близок и понятен нам, пережившим гражданскую войну со всеми подвигами революционного мужества ее героев. Сейчас они стали легендой, а тогда были газетной хроникой да скупыми фактами фронтовых сводок.

Впрочем, и соратникам исторического Спартака — людям первого века до нашей эры, пожалуй, духовно недоступны «Законы «Юного Спартака», сообщенные Ленину

ячейкой «Юный Спартак» его имени из города Прилуки. Вот эти законы, свденные для вящего по-срамления «Ветхого завета» в десять заповедей. Ни одна из них ничуть не устарела и сегодня:

— 1. Я, юный Спартак, ненавижу паразитов и эксплуататоров и потому готовлюсь стать в ряды борцов за торжество труда и справедливости, то есть за коммунизм.

2. Я готовлюсь быть полезным гражданином и стойким защитником Республики Советов.

3. Я буду уважать всех героев и павших борцов за идеалы пролетариата и всегда буду помнить их заветы.

4. Я всегда готов стать энергичным, честным и сознательным членом комсомола.

5. Я буду дисциплинирован, буду точно и быстро исполнять все поручения своей организации и ее руководителей.

6. Я буду соблюдать чистоту, не (буду) курить и буду стремиться стать сильным, здоровым и ловким борцом за счастье трудящихся.

7. Я буду бодр, вынослив и никогда не буду падать духом при неудаче.

8. Я буду трудиться и ценить чужой труд.

9. Я буду другом всем детям рабочих и крестьян, верным товарищем другому юному Спартаку и младшим братом всякому комсомольцу.

10. Я буду стремиться овладеть знанием и превратить его в могучее орудие против темноты и невежества.

Интернационализм и советский патриотизм. Честность и сознательность. Дисциплинированность и организованность. Сила и здоровье. Бодрость и выносливость. Трудлюбие и товарищество. Овладение знаниями и борьба против темноты и невежества...

23 апреля 1923 года школьная ячейка РКСМ, «президиум учкома» и «Коллегия журнала «Юный Творец» от имени школьников Красно-Верещагинской единой трудовой школы II ступени рассказывают

Владимиру Ильичу об организации школьного самоуправления:

— В школе появилась организованность: ученики имеют свой комитет, он организует учеников, открывает разные секции, привлекает их к самостоятельной работе и этим дает возможность самостоятельно пополнять свои знания. В нашей школе при ученическом комитете организовано пять секций: научная, литературная, драматическая, секция по изучению местного края и хозяйственная. Кроме них, при школе есть ячейка РКСМ... Ячейка РКСМ ведет политическую работу и антирелигиозную пропаганду, и вся организация школы освещается в нашем журнале «Юный Творец»...

„письмо из глухой деревушки“

О том, как радуют Ленина письма советских детей, вспоминает Клара Цеткин. Осенью 1922 года, в канун IV конгресса Коммунистического Интернационала, Владимир Ильич рассказывает старому другу:

— Представьте себе, на днях я получил письмо из глухой деревушки. Около сотни детей из приюта пишут мне...

И Ленин переводит собеседнице с русского на немецкий письмо ребятишек, известное теперь лишь в обратном переводе с немецкого. Трудно предположить, что перед нами текстуально точная по форме передача недошедшего до нас оригинала. Содержание, однако, передано мемуаристкой, которая вела дневник и ежедневно пополняла его записи, в полном соответствии с ленинским переводом. Вот эта запись писательницы-коммунистки в двойном переводе — с русского на немецкий и с немецкого на русский:

— Дорогой дедушка Ленин, мы хотим тебе рассказать, что мы стали очень хорошими. Учимся

прилежно. Уже хорошо умеем читать и писать, делаем много хороших вещей. Мы хорошенько моемся каждое утро и моем себе руки, когда идем кушать...

Приводит Клара Цеткин и шуточный ленинский комментарий к письму деревенских ребятишек:

— Вот видите, милая Клара, мы делаем успехи во всех областях, серьезные успехи. Мы учимся культуре. Мы умываемся и даже каждый день. Посмотрите, у нас даже дети в деревнях участвуют в воссоздании Советской России. И при этих условиях должны ли мы бояться, что победа будет не на нашей стороне?

В свою очередь «красная Клара» добавляет к словам Владимира Ильича:

— И тут Ленин рассмеялся, рассмеялся своим прежним веселым смехом, в котором звучало так много доброты и уверенности в победе...

Именно детские письма особенно живо и непосредственно соотносятся с ленинской добротой, под которой Клара Цеткин подразумевает гуманистические основы его совсем не «добренькой», волевой и целеустремленной личности.

А как политик, как государственный деятель, Ленин видит в подрастающих поколениях юных граждан. Веру, надежду и любовь революции...

Борис ЯКОВЛЕВ

В этом году на праздник Лиго мы с девочками решили надеть кокошники, а папе купили сомбреро. Право же, в последнюю перед праздником Лиго неделю стоит побывать на рынке латышского города или села. Горы нарядных шляп из белой гофрированной бумаги с яркими цветами и лентами, короны из серебряной и золотой фольги, «мексиканские» бумажные сомбреро, индейские уборы из перьев, гусарские кивера. Разбегаются глаза от пестрой и наивной маскарадной роскоши.

А потом приходит сам праздник — 23 июня. Тогда многие тысячи людей — мужчины, женщины, девушки, юноши, дети — в маскарадных уборах выходят на берега рек и озер, на морское побережье или просто на лесные поляны. И всю ночь горят костры, звучат народные песни, старинные и современные. А «лиго» — это припев из любимой народной песни, в честь которой и получил свое название сам праздник. В эту ночь люди делают как-то ближе друг другу и к природе, добрее и проще.

Вот и мы с мужем, с нашими девочками Инесе и Ларисой и с нашими друзьями каждый год ночь 23 июня проводим за городом. Поем и веселимся до утра. Я очень люблю этот праздник, и теперь мне кажется удивительным, что прежде его вовсе не знала. Родилась и выросла я на Дальнем Востоке, училась в институте в Ленинграде, а в Латвию приехала только после замужества, пятнадцать лет назад. Но уже много лет, как мне стали родными и здешние обычаи, и язык, и искусство. Помню, в первые годы, когда ходили с мужем в латышский театр, приходилось пользоваться переводом. Но я старалась как можно скорее преодолеть языковой барьер, и вот к тому времени, как Инесе открыла первые книжки, я уже смогла ей читать «Мойдодыра» по-русски, а латышские народные сказки по-латышски.

Быть может, это прозвучит стран-

Всё богатство родины

но, но у меня такое чувство, будто за пятнадцать лет жизни в Латвии я обрела еще одну национальность. Да, я не утратила ничего от русской культуры, со мной по-прежнему Пушкин и Некрасов. Но ко мне пришел в подлиннике и Райнис. Дело не только в том, что я читаю по-латышски. Главное, мне кажется, в том, что я воспринимаю прочитанное как нечто затрагивающее меня лично.

И с моим мужем произошло нечто похожее. Для него, латыша по национальности, русская культура стала внутренне близкой — особенно за годы учебы в Ленинграде. Впрочем, размышления о нас и наших чувствах сейчас лишь в связи с разговором о детях и воспитании. Мы с мужем хотим, чтобы Инесе и Лариса чувствовали себя не наполовину русскими, наполовину латышками, но и русскими, и латышками. Чтобы обе культуры были им одинаково открыты и дороги. Для этого, наверно, нужно, чтобы мы, родители, не просто вносили каждый «со своей стороны свой вклад», но чтобы оба мы владели и тем и другим достоянием. К счастью, примерно так оно и сложилось у нас. И оттого, я думаю, так сложится и у Инесе и у Ларисы.

Наши девочки учатся в русской школе, но круг их чтения латышских текстов отнюдь не ограничивается тем, что предусмотрено школьной программой по латышскому языку. Они одинаково свободно говорят на обоих языках и, что очень важно, имеют возможность на том и другом языке беседовать с папой и со мной.

Мы по профессии связисты. Муж — главный инженер Министерства связи, я работаю начальником цеха на республиканской телеграфно-телефонной станции. У нас полностью нормированного рабочего дня быть не может — бесперебойная связь должна быть обеспечена в любое время и в любых обстоятель-

ствах. Иногда приходится работать и по вечерам, и в выходные дни. И все-таки мы стараемся ходить с девочками в театр, в музей, на художественные выставки. Инесе и Лариса учатся музыке, но, нам кажется, такое учение имеет смысл, только когда оно сочетается с повседневным общением с искусством. Конечно, нам в этом смысле повезло — мы живем в столичном городе. Летом на Рижское взморье, где мы обычно проводим отпуск, приезжают с гастрольями первоклассные мастера, симфонические и камерные ансамбли. И мы не упускаем возможности вместе с девочками насладиться творчеством Чайковского, Моцарта, Бетховена.

А в прошлом году старшую, Инесе, я возила в Ленинград. Мы побывали в Эрмитаже, в Русском музее, в Петропавловской крепости, на крейсере «Аврора». Мы часами бродили по улицам города, в котором все дышит историей и искусством, в котором начиналась наша эпоха. А для меня это еще и город мсей юности, нашей любви. Как было хорошо — вернуться туда с подрастающей дочерью и открывать ей то, что когда-то открылось тебе...

Искусство объединяет людей — вопреки времени, вопреки расстоянию. Как ясно это чувствуешь, перечитывая любимые строки классиков, открывая для себя источник радости в поэзии своих современников, представителей разных народов нашей страны — башкира Мустая Карима, аварца Расула Гамзатова, балкарца Кайсына Кулиева или чудесной ингушской поэтессы Раисы Ахматовой, чьи стихи недавно впервые услышала по радио. Я хочу, чтобы Инесе и Лариса тоже черпали радость и душевный опыт в культуре всех народов нашей Родины, в том, что есть в них самобытного, неповторимого.

Верно говорят: нет большей радости, чем радость человеческого общения. Смысл искусства — тоже в общении, в передаче мыслей и чувств от одного ко многим, от многих к многим — через одного. И все же даже искусство не заменит жи-

вой связи с людьми, дружеского рукопожатия, доброго слова, общего смеха, общей песни.

Разумеется, бывают натуры более общительные и более замкнутые. Коль скоро уж сложился замкнутый характер, его не всегда стоит (да и не всегда возможно) ломать. Но все же — это мое убеждение — лучше, чтобы такой характер не складывался, ибо замкнутый человек теряет в жизни немало ценного. Мы стараемся, чтобы наши девочки росли общительными, чтобы они хотели и умели дружески сходиться с людьми.

У нас с мужем довольно много друзей — и не таких, с которыми встречаешься только по большим праздникам да семейным торжествам. Мы любим вместе отдыхать, вообще стремимся чаще быть вместе. Наши девочки уж знают: если я покупаю билеты в театр — так не два-три, а восемь-десять, чтобы идти всей компанией. То же и наши друзья. А в выходные мы выезжаем за город — четыре-пять супружеских пар и обязательно с детьми. Летом — часто с ночевкой, с палатками. Тут и рыбная ловля, и затянувшиеся беседы у костра. Нам не мешает присутствие детей, и им это на пользу. Если взрослые ценят и уважают друг друга, то и детям хорошо с ними, даже когда в разговорах взрослых им еще не все понятно.

Зимой почти каждый выходной день мы с друзьями проводим на лыжах. А 8 Марта в этом году отпраздновали особенно удачно. Больше двадцати перевернутых и уложенных на снегу лыж образовали отличный стол, на котором эффектно выглядел огромный торт. Мы ухитрились доставить его в лес целехоньким.

Конец лыжного сезона, в апреле, завершаем прощальным «лыжным балом». Торжественно вручаем «медали» и «грамоты» за все виды зимних состязаний — за самый быстрый пробег, за самый трудный переход, даже за самое смешное падение... Сколько радости не только для взрослых, но еще более для ребят!

Возможно, сама специфика нашей профессии (связисты!) развивает в нас общительность, хотя, если говорить серьезно, и людям других профессий ничуть не меньше нужна взаимная близость. Во всяком случае, у нас в Латвии предприятия устраивают праздники коллектива где-нибудь за городом. На автобусах и грузовиках приезжают сотрудники со своими семьями, берут даже грудных ребятшек. В этом году мы с мужем были приглашены на такой «день» Рижского эксплуатационно-технического узла связи. Взяли с собой Ларису, и, я думаю, время, проведенное на берегу чудесного озера, не прошло для нее бесследно. У связистов-рижан были гости из Таллина, Минска, Смоленска, Ташкента. Встречу, приуроченную к годовщине предприятия, открывал министр связи Латвии. Было торжественно и вместе с тем непринужденно. Лариса с большим интересом наблюдала за соревнованиями по профессиям: линейщики вязали провода на изоляторы, кабельщики соединяли десятки оборванных жил и запаивали их в муфту... Мы объясняли дочери, что на работе чаще всего это приходится делать в непогоду, на холоде, под дождем и ветром. Потом начались спортивные состязания, и Лариса сама изо всех сил бежала в детской эстафете, с завязанными глазами пыталась срезать висящий на нитке блокнот. А когда перешли к самодеятельности, читала с эстрады русские и латышские детские стихи. Уверена, день этот оставил в ее душе много добрых впечатлений.

Я за то, чтобы было как можно больше связей между членами одной семьи, между семьями, между поколениями, между народами... Я за то, чтобы дети росли «контактными», ибо в этой способности залог радости и полноты жизни. Такая способность не только принадлежность натуры. Она и плод воспитания, она рождается из примера и навыка.

Инна ПАКУЛ

г. Рига

Записала Г. Могилевская

СХВАТИТЬ Главное

*О развитии мышления
у младших школьников*

Выполнение требований школы во многом зависит от того, насколько развиты психические процессы ребенка. Умение пользоваться возможностями своей психики гораздо больше характеризует степень развития, чем сами знания, приобретенные ребенком.

Ребенок обладает огромной способностью усваивать особенности поведения и действий окружающих. Неспособных детей в этом смысле нет. Организация деятельности взрослых — образец будущего поведения ребенка.

1. ФОРМИРУЮТСЯ НЕ ТОЛЬКО СПОСОБНОСТИ, НО И НЕСПОСОБНОСТИ.

Неправильно организованная помощь в учебе, неблагоприятная обстановка при выполнении домашних заданий могут привести к тому, что у ребенка закрепятся неверные приемы запоминания, мышления, а отсюда появятся и неумение запоминать, рассуждать, неспособность сосредоточиться на предмете. И мы будем бранить его за это, считать неспособным, не подозревая того, что сами в свое время способствовали развитию этой неспособности, этого неумения.

Между тем известно, что с помощью рационального использования своих психических процессов достигали высоких результатов даже такие люди, которые «от природы» имели вполне средние задатки.

2. ОТКУДА ТРУДНОСТИ?

Почему не все дети, поступающие в школу, умеют рассуждать, выделять главное, находить причины явлений, сравнивать предметы и явления, делать заключения? Ведь, казалось бы, до школы им уже приходилось и рассуждать, и сравнивать, и делать какие-то выводы. Тогда они выполняли это с успехом, а теперь не могут. Что же случилось?

Когда разбираешь разные случаи неуспеваемости младших школьников, бросается в глаза не просто неумение рассуждать, запоминать и т. п., а отсутствие интереса к учебе.

Этим детям неинтересно знать, неинтересно учиться. Как говорят психологи, у них не развита познавательная активность. Например, часто в первом классе наблюдается отсутствие интереса к решению арифметических примеров с числами без наименования, к решению задач с сюжетом, не интересующим ребенка. Например, на вопрос: «Сколько будет $2 + 1$?» — ребенок не может ответить до тех пор, пока вы не поставите его на вполне конкретную основу: «У тебя было две конфеты, да тебе дали еще одну. Сколько стало?» И тогда сразу, без раздумья дается правильный ответ: «3!» Или, например, задача, где надо сосчитать количество метров материала, необходимых для пошива платьев, никак не решается: «На одно платье пошло 2 метра материала. Сколько метров нужно, чтобы сшить 3 таких платья?» Однако как только сюжет меняется на более занимательный для ребенка, например: «На одной странице альбома можно приклеить 2 открытки. Сколько открыток нужно, чтобы заполнить 3 таких страницы?» — задача становится легкой и быстро решается.

О чем все это говорит?

Возможно, о том, что ребенку легче представить себе открытки, чем материал для платья, но также и о том, что интерес у этих детей возникает тогда, когда задача связана со знакомой им практической деятельностью. Такое «потребительское» отношение характерно для дошкольника, вся деятельность которого (в том числе и мышление) подчинена удовлетворению практических нужд, возникающих в играх. К мышлению же школьника предъявляются другие требования. Они связаны с тем, что теперь ребенок имеет дело не только с практической деятельностью, результаты которой легко обозримы, но и с такой деятельностью, результат которой часто нельзя увидеть непосредственно, воочию. Чем старше школьник, тем большую роль в его жизни играет именно такого рода деятельность. Чтобы осуществлять ее успешно, необходимо научиться не только ви-

деть в явлениях то, что лежит на поверхности, но делать логические выводы, заключения.

3. ВСЯКАЯ МЫСЛИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЧИНАЕТСЯ С ВОПРОСА, С УДИВЛЕНИЯ.

Поскольку удивление рождает мысль, нужно стараться вызвать у ребенка вопрос, показать предмет так, чтобы ребенок удивился вдруг открывшейся незнакомой стороне в нем. Раньше ребенок «не замечал», что все предметы имеют нечто общее — форму, он просто пользовался ими в зависимости от надобности. Но вот вы обратили внимание ребенка на то, что предметы бывают круглой формы, продолговатой формы, широкие, длинные и т. п. — и это сразу меняет взгляд его на знакомые предметы.

В любой, казалось бы, давно известной вещи можно найти новые, незнакомые стороны. Это всегда вызывает удивление, пробуждает размышления.

4. НАДО УЧИТЬ ВИДЕТЬ В ПРЕДМЕТЕ РАЗНЫЕ СТОРОНЫ.

Известно, что любой предмет, любое явление можно рассматривать по-разному, с различных точек зрения. В зависимости от этого та или другая черта, признак предмета, явления выступают как наиболее значимые, важные. Умению видеть в явлении разные стороны можно и нужно научить. Очень полезно, например, совместно с ребенком рассматривать различные предметы, сопоставляя и сравнивая их между собой, ища причины тех или других явлений. Очень хороши такие вопросы: «Почему утка плавает, а курица нет?»; загадки типа «Что тяжелее: килограмм пуха или килограмм железа?». Полезно разбирать пословицы и поговорки: «Почему говорят «как с гуся вода», «как в стенку горох»?»

Такие вопросы позволяют обратить внимание ребенка на хорошо знакомые предметы, но в то же время заставляют его задуматься над теми их свойствами, которые рань-

ше воспринимались как сами собой разумеющиеся.

Ответ ребенка не всегда и не сразу может быть верным. Не следует воспринимать это болезненно. Помогите ему, поставьте дополнительные, наводящие вопросы, а иногда натолкните на ответ.

5. СПОСОБ РАБОТЫ.

Бывает так, что не дается никаких специальных объяснений для выполнения задания. Ученику просто предлагают: «Посмотри и сделай так же». Иногда пытаются научить письму по готовым прописям, добавляя, правда, к этому еще несколько не менее общих указаний, вроде того, что «эта буква — три крючка». Таким же способом часто обучают различным видам ручного труда. Это наихудший способ обучения. Поскольку в любом действии и в любой вещи можно увидеть очень многое, может случиться так, что как раз того, что нужно, ученик не увидит. Да это и понятно: ведь он не знает, на что именно смотреть, что здесь самое важное. Поэтому при таком обучении умения вырабатываются с трудом и трудно совершенствуются. Тут многое зависит от случая: сумеет ученик случайно ухватить главное — умение выработается быстрее, не сумеет — надолго останется неумейкой в этом действии.

Лучше всего, когда даются основные принципы выполнения действия, основные законы его, а потом уже, на этой основе, строятся все частные умения. Например, можно научить изображать форму отдельных предметов, скажем домика, лодки, «человечка» и т. п. Тогда форму каждого нового предмета придется учить изображать заново. А можно сразу научить выделять направления линий, научить соотносить их размеры, показать способы соединения их. Тогда ребенок не окажется совершенно беспомощным, если ему придется изобразить форму нового, еще ни разу не изображавшегося им предмета. Более того, этим умением ребенок будет непременно пользоваться и

при освоении письма букв, и в дальнейшем при черчении, и даже при рассматривании сложных картин он окажется более наблюдательным.

6. «В УМЕ» — НЕ СРАЗУ.

Прежде чем «осесть» в голове, знания проходят длинный путь. Начинается этот путь с внешних практических действий учащегося с предметом. Действительно, как, например, ребенок учится счету, или чтению, или сложению арифметическому, или всякому другому действию? Ведь выполнить любое, даже самое, казалось бы, простое действие сразу «про себя» ребенок никогда не может. Сначала оно всегда выступает в каком-то внешнем, видимом нам и ему виде: чтение вслух, с указанием каждой буквы; счет на палочках или каких-то других предметах и т. п. Производя сложение, ребенок вначале образует из палочек отдельные слагаемые, затем объединяет их, а после этого опять пересчитывает по одному.

Несколько позже эти действия становятся более быстрыми, а затем ребенок избавляется от некоторых движений, скажем, начинает только выделять слагаемые, а объединение их и пересчет производит одними глазами, не передвигая предметы. Еще позже ему оказываются необязательными, а затем и совсем не нужны предметы, все действие начинается совершаться «про себя», «в уме».

Внешний, легко обозримый план действия дает возможность легче увидеть отношения и зависимости между отдельными частями действия, выявить его закономерности. Поэтому, например, решая математические задачи, ребенок должен стараться записать данные, обозначить отношения между ними (больше, меньше, увеличить, уменьшить и пр.). Записывая данные задачи, обозначая отношения между ними, ребенок научится составлять и использовать при решении схемы и чертежи. Пусть ученик сам старается изобразить задачу в схеме, в чертеже, особенно если он испытывает трудности в нахождении решения.

7. ПРОИЗВОДЯ ДЕЙСТВИЕ, РЕБЕНОК ДОЛЖЕН РАССУЖДАТЬ.

Переход к действию «в уме» происходит тем скорее и лучше, чем скорее и полнее ребенок осознает его смысл, а это возможно только тогда, когда ребенок сумеет самостоятельно и подробно рассказывать об этом действии, объяснять, что и для чего он делает. Вот почему на первых порах обучения какому-либо действию (математическому, грамматическому или любому другому) необходимо требовать от учащегося не только самостоятельного его выполнения и соблюдения всех правил этого выполнения, но и непрерывного словесного разъяснения всех совершаемых операций.

Зная путь развития действий, можно понять, почему некоторые ученики, особенно младших классов, не умеют молча готовить уроки: выполняемые действия не перешли еще у этих учеников во «внутреннюю форму», и сейчас дети могут выполнять их только с помощью внешне выраженной речи. Не следует смущаться этим обстоятельством, ставить его в вину школьнику. Постепенно действия станут внутренними и школьник начнет готовить уроки молча, «про себя», возвращаясь к громкому проговариванию и внешнему действию только в случаях затруднений.

Внутренние и внешние действия тесно связаны между собой, и это постоянно можно наблюдать в повседневной жизни. Скажем, в трудной обстановке, где много отвлекающих моментов, внутреннее действие не всегда приводит к желаемому результату, и тогда, чтобы не дать себе отвлекаться, даже взрослые люди невольно переходят к внешним действиям. Например, если шум и разговоры мешают нам читать, мы переходим на чтение вслух, шепотом или более громко, иногда четко проговаривая отдельные слова.

То же самое происходит и с детьми. И зная, что внешние формы действия выполняются легче, нужно в ряде случаев сознательно к ним прибегать. Например, если ма-

тематическая задача оказывается трудной, нужно обязательно прочитывать ее вслух, уясняя смысл каждого отдельного предложения. Хорошо, если при этом ребенок выделит карандашом каждое отдельное предложение, поставив, например, после него вертикальную черту, и тут же кратко запишет данные в нем положения. Необходимо при этом, чтобы вначале все рассуждения велись вслух. Это даст вам возможность вовремя заметить неточности, ошибки, непонимание. Точно так же он сам скорее заметит их тогда, когда будет рассуждать вслух. Поэтому же можно приветствовать и занятия детей группами: показывая и объясняя непонятное другому, ребенок многое уясняет и для себя.

Таким образом, любое действие легче осуществляется и понимается ребенком, если вначале оно представлено ему в такой внешней форме, в которой легко выделить его основные закономерности. Вместе с тем, для того чтобы впоследствии ребенок мог осуществлять это действие не только во внешней форме, но и «в уме», необходимо, чтобы с самого начала он учился подробно объяснять его, доказывать окружающим необходимость именно такого действия. Для этого в процессе действий ребенка с предметами или их заменителями (схемами, чертежами и пр.) нужно все время задавать ему вопросы о том, что он делает, почему делает именно так, почему такое действие правильно и пр., то есть просить его сделать и рассказать так, «чтобы всем было понятно». Например: «Почему 2 и 3 получилось 5? Покажи, как делал». Ребенок должен показать на предметах, одновременно объясняя свои действия. Или: «Почему против обозначения первой полки в схеме задачи поставил знак вопроса? Объясни». Ребенок должен прочитать или рассказать указания задачи, на основании которых сделана им такая запись. Нужно задавать такие вопросы не только в тех случаях, когда ребенок допустил ошибку, а постоянно, приучая его обосновывать и объяснять свои действия.

8. ПОМОЩЬ ОСОБЕННО НЕОБХОДИМА В САМОМ НАЧАЛЕ ОБУЧЕНИЯ.

Известно, что всякое действие как только мы им овладели, начинает выполняться быстро, слаженно, почти без контроля сознания. Понятно, что это касается как правильных действий, так и действий неправильных. Это очень хорошо видно, например, в письме: некрасивый почерк, неправильное держание пера так же стойко и так же быстро выполняется, как и правильное. Но благодаря тому, что действие автоматизировалось, выполняется почти без контроля сознания, изменить, переделать его очень трудно. Недаром говорят, что значительно легче сделать заново сложное, чем переделать простое. Важно проследить, чтобы нужное действие ребенок сразу выполнял правильно. Все допускаемые ошибки, неточности нужно исправлять сразу, с самого начала. Помощь наиболее необходима и наиболее действенна в самом начале обучения.

9. СО СЛОВАРЕМ.

В младших классах дети получают задания на проставление ударений в словах, на подбор слов определенного значения, на заполнение пропусков в слове соответствующими буквами и пр. Вполне понятно, что выполнение этих заданий связано для ребенка с определенными трудностями, так как ему могут быть не знакомы слова и потому неизвестно, как с ними действовать. Очень хорошо, если при этих затруднениях вы не просто подскажете ребенку значение слова, ударение в нем, а обратите его внимание на то, что ему самому нетрудно это сделать, пользуясь словарем. Научите ребенка пользоваться словарем, находить в нем нужное слово. Конечно, самостоятельную работу со словарем можно рекомендовать только тем детям, которые уже достаточно хорошо читают, с теми же, кто еще читает с трудом, должны работать сами родители: ищите сло-

во с ним вместе, читайте вместе, может быть, не все объяснение словаря, а только выборочно.

10. «ПРИДУМАЙ ЗАДАЧУ САМ!»

Очень много заданий можно дать в математике. Так, наиболее интересным для ребенка и очень полезным для него является придумывание задач. Можно с этой целью давать специальные задания, например: «Придумай задачу про наш сад», или: «Придумай задачу на вычитание с числами 6 и 9».

Очень хорошо попросить придумывать задачи такого же типа, что он только что решил из учебника или прямо противоположные им, давая для этого задания, например, такие: «А теперь придумай свою задачу, но чтобы она решалась так же, как эта», или: «Эта задача была на вычитание, а теперь измени задачу так, чтобы она решалась действием сложения».

Гораздо полезнее решить одну задачу несколькими способами, чем несколько одинаковых задач одним и тем же способом. Поэтому, когда ребенок решил задачу, спросите его обязательно: «Как можно решить ее еще? Какой способ можно использовать еще для решения этой задачи?»

*

В заключение скажем, что развитие мышления младших школьников ни в коем случае не что такое, что навязывается ребенку насильно, извне. Напротив, тяга к познанию — характерная черта развивающейся личности ребенка. Дети проявляют особый интерес и активность тогда, когда им дается что-то новое, более сложное, когда надо «придумать», «догадаться».

Н. САЛМИНА,

В. СОХИНА,

кандидаты психологических наук

пусть работает сам!

*О воспитании
навыков самоконтроля
у первоклассников*

«Ну просто не знаю что и делать! Как пошел Леша в школу, так впору работу бросать. Мы с мужем возвращаемся с работы в шесть-семь часов, а он еще за уроки не сядил. Пока поужинаем, смотришь — уже восемь, а в девять его спать надо укладывать. И вот за этот час пытаемся приготовить домашние задания вместе с сыном. Никак не могу приучить его к самостоятельности».

Это — типичная жалоба. Многие родители, чьи дети пошли в этом году в школу впервые, подобно Лешиней маме, ломают голову над такой же проблемой. Раньше так было просто: утром отвели сына в садик, вечером забрали, никаких тебе домашних заданий. Но вот пошел мальчик в школу, и теперь целые вечера уходят на обедение вместе с ребенком клеточек, на решение примеров и задач.

Хорошо бы, конечно, чтобы сын все уроки делал днем, а родителям оставалось бы только проверить... Но как приучить к этому? Как выработать навыки самостоятельной работы?

Безусловно, само учение обязательно повлияет на развитие этих навыков, но намного быстрее и легче дети овладеют необходимыми умениями, если родители своевременно окажут необходимую помощь. Ведь незнание простейших рациональных приемов работы с учебным материалом ведет к тому, что на приготовление уроков тратится времени в 2—3 раза больше нужного.

Не зная, как приступить к заданию, ребенок вынужден дожидаться прихода с работы взрослых членов семьи. А ведь давно установлено, что к семи-восемью часам вечера дети сильно утомляются, занятия в это время становятся просто непродуктивными. Кроме того, если на развитие навыков самостоятельной работы не обратить должного внимания в младших классах, то последствия печально скажутся на всем дальнейшем учении.

Что же надо сделать?

Прежде всего для первоклассника необходимо установить строгий ре-

жим дня: в любом случае (есть кто из взрослых дома или нет) за выполнение уроков он должен садиться около 16 часов, предварительно пообедав и погуляв.

При регулярном контроле в течение одного-двух месяцев ребенок привыкает сам к этому распорядку. Контролировать соблюдение режима можно различными путями. Иногда достаточно бывает написать распорядок дня на листе бумаги и прикрепить его над рабочим местом первоклассника. Другим следует напоминать о необходимости вовремя погулять и вовремя сесть за уроки. (Это могут сделать по вашей просьбе и соседи).

Вечером полезно подвести итоги прошедшего дня, похвалить ребенка, отметить даже самую маленькую победу, подбодрить его.

Понятно, что нельзя ограничиваться пусть даже двумя месяцами систематического контроля. Школьник постоянно должен чувствовать внимание взрослых, а значит и свою ответственность за точное соблюдение режима дня. Кстати, это помогает выработке таких черт характера, как выдержка, организованность, сила воли.

Перед тем как приступить к выполнению заданий, ученик проверяет, все ли необходимое приготовлено. Под рукой должны быть ручка, карандаш, линейка, учебники, тетради. Все, что может отвлекать внимание, убрано; радио выключено.

Часто бывает, что, сев за выполнение домашних заданий, первоклассник не знает, с чего начать: с языка или математики. А может, лучше сначала прочитать заданный текст? Целесообразно в первую очередь выполнить наиболее сложное письменное задание. Чаще всего это математика. Решение примеров и задач требует от первоклассника достаточно больших умственных усилий, а запись в тетради — напряжения мелких мышц пальцев. Пальцы семилеток еще недостаточно натренированы, поэтому довольно быстро наступает утомление. Кроме того, однообразие при подготовке уроков вызывает скуку,

снижает внимание и интерес. Поэтому вслед за математикой надо заняться не письмом, а чтением, а уж потом сделать оставшееся письменное задание по языку.

После выполнения каждого задания необходим перерыв на 5—10 минут. Пусть ребенок подвигается, отвлечется.

Родителям нелишне знать, что на дом учащиеся получают такие задания, с которыми они вполне могут справиться самостоятельно, потому что они аналогичны тем, что разбирались в классе. И помощь родителей не должна сводиться к тому, чтобы сидеть рядом с ребенком и подсказывать ему решение, возмущаясь, что тот никак не может в нем разобраться.

Домашнее задание ребенок должен выполнять сам, родителям же нужно лишь ненавязчиво направлять выполнение, незаметно помогая ребенку подниматься по ступенькам знаний.

Задача родителей — помочь детям овладеть наиболее рациональными приемами работы с учебным материалом, с учебником и тетрадью. Что же это за приемы? Обратимся к материалу домашних заданий по математике и русскому языку.

Предположим, на дом заданы по математике № 84 и № 86 (стр. 94). Прежде всего ребенок должен внимательно прочитать задание № 84 и разобраться в том, что нужно делать. Требуется начертить два отрезка. Длина первого отрезка известна — 12 см, длину второго отрезка надо вычислить. Пусть первоклассник сначала разберется, какой из двух отрезков длиннее, а какой короче. В задании сказано, что первый отрезок имеет длину 12 см и он на 1 см короче второго, следовательно, второй отрезок на 1 см длиннее первого. Раз длина первого отрезка 12 см, значит для того, чтобы найти длину второго отрезка, который на 1 см длиннее, надо к 12 см прибавить 1 см. Получим длину второго отрезка — 13 см. Теперь с помощью линейки и карандаша ребенок чертит оба отрезка и указывает их длину. При

проверке можно еще раз спросить, какой отрезок длиннее, а какой короче, и на сколько.

Далее первоклассник рассматривает задание № 86 и рассуждает: нужно решить три уравнения. Во всех трех уравнениях неизвестно одно из слагаемых, а даны суммы и другое слагаемое. Чтобы найти неизвестное слагаемое, надо из суммы вычесть известное слагаемое. После выполнения необходимых вычислений полезно сделать проверку: в уравнение подставляется найденное числовое значение неизвестного слагаемого и устанавливается верность произведенного вычисления. На всю указанную работу затрачивается минут 15.

Другой пример. На дом предложены задания № 211 (1) и № 212 (стр. 120).

Лучше начать с задачи (№ 212). Ребенок читает задачу, рассматривает рисунок к ней, затем откладывает учебник и рассказывает задачу, устанавливая по ходу пересказа, что известно: сколько снегирей было в одной клетке (6), сколько было в другой (4) и сколько девочка выпустила (2). А надо узнать, сколько осталось снегирей в двух клетках. Для того чтобы узнать, сколько снегирей осталось в двух клетках, надо знать, сколько снегирей было в двух клетках и сколько улетело. Сколько улетело известно, а вот сколько было, неизвестно. Значит, прежде всего надо вычислить, сколько снегирей было в двух клетках. Для этого надо знать, сколько было в каждой из них; это известно. Находим, сколько было в двух клетках ($6+4=10$). Узнали, что в двух клетках было 10 снегирей. А как известно, выпустили 2, можно выяснить, сколько снегирей осталось ($10-2=8$). Итак, в двух клетках осталось 8 снегирей. Только после устного анализа задачи, первоклассник оформляет запись решения в тетради. Решение в данном случае может быть оформлено двумя способами — или по ступенькам:

1. $6+4$
2. $(6+4)-2$
3. $x=(6+4)-2$

$$x=8,$$

или сразу составленным математическим выражением:

$$x = (6 + 4) - 2 \quad x = 8.$$

Если задача вызвала у ребенка затруднение, после записи решения ему можно предложить такие вопросы:

что узнавал, когда к 6 прибавлял 4?

что означает число 10?

что узнавал, когда из суммы 6 и 4 вычитал 2?

что означает число 8?

Кроме того, надо иметь в виду, что при решении указанной задачи можно повторить правила вычитания числа из суммы. Вычитание возможно выполнить тремя способами:

$$(6 + 4) - 2 = 10 - 2 = 8$$

$$(6 + 4) - 2 = (6 - 2) + 4 = 8$$

$$(6 + 4) - 2 = 6 + (4 - 2) = 8$$

При решении примеров № 211 (1) ученик должен использовать изученные им рациональные приемы вычисления. Так, он не просто отнимает 7 из 19, а объясняет, как это проще всего сделать. 19 — это сумма 10 и 9, удобнее вычесть 7 из 9, получится 2 да еще 10, всего 12. А в примере $34 - 20$ удобнее 20 вычесть из 30 и прибавить 4, получится 14. Решение подобных примеров и объяснение их решения должно отрабатывать у первоклассника автоматизм вычислений.

Как видим, при выполнении любого задания, прежде чем приступить к письменному его оформлению, необходимо внимательно его разобрать, проанализировать и наметить план решения. Неотъемлемой частью подготовки домашних заданий должна стать проверка выполненного. При решении задач в 1-м классе это может быть решение другим способом. Примеры на сложение проверяются вычитанием, примеры на вычитание — сложением.

Домашнее задание по русскому языку обычно заключается в списывании текста упражнения и ка-

кого-либо грамматического задания к нему. И здесь ребенку прежде всего нужно разобраться в том, что требуется сделать, и установить последовательность выполнения задания.

Предположим, на дом задано упражнение № 174. Ребенок прочитал указание к упражнению и выяснил, что выполнение его будет состоять из трех этапов: подбора проверочных слов, записи текста в тетради и постановки ударения. Итак, нужно подобрать такие проверочные слова, в которых безударные гласные стояли бы под ударением. Проверочные слова подбираются устно и четко проговариваются по слогам, затем текст записывается в тетрадь, проверяется и только после этого проставляется ударение. В заключение полезно вспомнить правило о правописании безударных гласных. Младшие школьники при списывании даже готового текста делают много ошибок, пропуская буквы, заменяя одни буквы другими. Чаще всего ошибки — результат отсутствия самоконтроля. Ребенок не умеет проверять написанное, не видит своих ошибок. (Кстати, от этого неумения страдают и многие учащиеся старших классов). Здесь необходима систематическая длительная тренировка, необходимы терпение ученика и выдержка родителей. Что же можно порекомендовать для выработки навыков самоконтроля? Это прежде всего грамотное списывание с книги. Под грамотным списыванием мы подразумеваем умение учащихся списывать текст сначала целыми словами, а затем целыми предложениями, предварительно прочитав его вслух и разобрав имеющиеся орфограммы, а после записи сверив написанное с печатным текстом.

Это письмо по памяти выученного текста (с предварительным или последующим анализом орфограмм). Это зрительные диктанты и специальные диктанты с четким выделением звуков в наиболее трудных словах. Это словарные диктанты. Это, наконец, чтение художественного текста с одновремен-

ным объяснением правописания указанных слов.

В тех случаях, когда ребенок путает буквы, нужно прежде всего выяснить, чем это вызвано. Может быть, он просто плохо знает алфавит? Или не умеет различать звуки и буквы? Если дети делают ошибки на изученные правила (на безударные гласные, на произносимые согласные), родители приходят в недоумение: как же так — правило знает, а ошибок полно. Здесь взрослым надо понять, что знание и умение не одно и то же. Для того, чтобы знание превратилось в умение, опять же нужна упорная тренировка. Ребенок должен научиться видеть в слове орфограмму на выученное правило и уметь проверить ее.

Взрослым членам семьи нельзя забывать и о том, что ошибки могут быть случайными и объясняться переутомлением ребенка. В любом случае родителям неплохо посоветоваться с учителем, так как педагог, ежедневно занимающийся с ребенком, лучше чем кто бы то ни было сможет помочь выявить причины ошибок.

В заключение несколько слов хотелось бы сказать о письменном оформлении домашних работ. Многие родители за грязное некрасивое письмо наказывают своих детей, заставляют по нескольку раз переписывать заданное, практикуют черновики. Как правило, ни одна из этих мер не помогает. Мы уже говорили, что мелкие мышцы пальцев у младших школьников развиты плохо, они недостаточно выносливы. Не перегружайте детей бесконечным переписыванием. Причиной «некрасивого» письма могут быть неправильная постановка руки при письме, неправильная посадка, ослабленное зрение. Вот на это надо обратить внимание, прежде чем «принимать меры». И обязательно, конечно, посоветоваться по этому вопросу с учителем.

Е. МИШАРЕВА,
научный сотрудник
Научно-исследовательского
института школ
Министерства просвещения РСФСР

почта

письма

ревность?

Моя знакомая поехала с детьми (Игорю пять с половиной лет, Любочке исполнился год) в деревню к родным. Мать заметила, что на новом месте поведение сына изменилось в худшую сторону. И поделилась своей тревогой с мужем.

Я давно знаю эту семью, в ней и мать и отец очень внимательны к детям. На письмо муж незамедлительно ответил. Его рассуждения, на мой взгляд, заслуживают внимания. С позволения авторов я приложу эту переписку.

«...Во время нашего пребывания в гостях Игорь стал неузнаваемым, его будто подменили: грубит, не слушается, кривляется перед взрослыми. А вот Любаша молодец, ее все в доме обожают и с удовольствием возятся с ней».

«...Нина, я, как и ты, очень обеспокоен поведением Игоря. Вместе с тем я попытаюсь изложить тебе свою точку зрения и дать небольшой совет.

Ты пишешь, что сынишка стал груб, непослушен, не в меру вертляв, а Любочка радуется с нею возится весь дом. Получилось, что сестренка находится в центре внимания, а Игорек его лишен. А во внимании он еще нуждается не меньше, чем Любаша. Хотя он и старше, но ведь тоже еще маленький. Игорек чувствует отношение окружающих к себе.

Я не помышляю взывать людей быть внимательными к нашему сыну — это ни к чему. А вот ты, как мать, в его чувствах разберись. Вспомни моменты, когда Люба становилась объектом всеобщего внимания. Ты, упивающаяся впечатлением, производимым дочкой, замечала ли, что сын твой затихает, словно не хочет мешать? И в этот момент удостаивала ли его своим теплым, ласковым, материнским

словом, ободряющим взглядом, приголубливала ли, давая ему понять, что и он не забыт? Ну, а если этого не было, то ребенок естественно пытается любым способом привлечь к себе внимание, грубит, не слушается и прочее. Он, наверняка, знает, что мимо этого взрослые не пройдут. И его заметили. Ребенок по своему прав. И ругать его за это, право, не стоит. Очевидно, следует просто исключить причину.

Нина, напиши, изменилось ли отношение Игоря к сестренке. Если он слабее характером, то в таких условиях должен злиться на нее, ревновать к ней родственников. Если же он сохранил к ней доброе отношение, то это доказывает, что он с честью выдерживает это труднейшее для него испытание и характер его чего-то стоит. Но ты, Нина, уволь его в дальнейшем от такого испытания, а то в одном он выдержит, в другом может надломиться.

Если я ошибаюсь в своих выводах (интуиция может подвести на расстоянии), ты простишь меня и будешь сама стараться найти причины перемен в поведении Игоря.

А может, мы напрасно встревожились, положение не такое уж серьезное? Может быть, и так. Но нам надо уметь видеть детей, чтобы понять, что с ними происходит...»

А ведь нередко в семьях, где растут двое, трое ребят, родители все свое внимание сосредоточивают на меньших, про старших забывают. А дети страдают.

Г. ЛОГИНОВ
г. Ярославль

счастливого плавания!

Работая много лет учителем и заучем производственного обучения, я столкнулся с тем, что подчас родители имеют очень смутное представление о школьном техническом кружке. А здесь ребята учатся обрабатывать материалы, работать по чертежам, узнают, какое великое множество интересных занятий существует на земле, и начинают понимать, какой полной и яркой может быть жизнь, если любишь свою работу, свое дело.

Поясню сказанное примером. При 3-й средней школе нашего города преподаватель труда Борис Владимирович Алексеев ведет судомодельный кружок. Из окон классов видна Волга. По ней во время навигации плывут теплоходы и грузовые суда. Они-то и зародили у ребят желание делать модели.

В первый год ребята изучали конструкции различных судов и трудились над моделями парусных и моторных лодок-долблянок. Итог венчает дело. Группа ребят постарше: Виктор Вишняков, Василий Филатов, Володя Парунов и Николай Столбов — к концу года сделала модель прославленного парусного судна «Секрет». Их модель выдержала конкурс на городской выставке технического творчества, прошла на областную выставку в город Ярославль и получила диплом второй степени. Это была первая награда кружковцев.

На втором году ребята перешли к более сложным моделям яхт с килем, с шпангоутами. Сами делали отдельные части, подгоняли и собирали из них все судно. Работа шла уже по чертежам и по технологическим картам. Модели крейсера и судна на воздушной подушке, выполненные старшеклассниками Николаем Смирновым и Николаем Жирновым, на областной выставке вновь были удостоены дипломами второй степени.

Много узнали кружковцы из книг и журналов о замечательном творении кораблестроительного искусства XIX века, о знаменитом клипере «Катти-Сарк» и загорелись желанием исполнить его. Модель «Королевы океанов» стала украшением областной выставки детского технического творчества и по достоинству получила высшую оценку — диплом первой степени. Ребята мечтают показать всем модели действующих радиоуправляемых судов: ледокола «Ленин», пассажирского судна «Киев». Школьники уже знакомы с теоретическими основами кораблестроения, их умелым руками послушны инструменты, многие по-настоящему полюбили технику. Вырос авторитет кружка. Сейчас в нем более тридцати человек.

А. ШИФОВ
г. Углич

вот и стали мы на год взрослей

Свой день рождения дочка ждет с нетерпением. И для всех это большое семейное торжество. О том, как оно проходит я и хочу рассказать. Само собой разумеется, что ни в коей мере не собираюсь навязывать другим все пункты нашей «программы». Тут все зависит от выдумки. Я и сама нередко по ходу праздника импровизирую, вношу поправки. Хочу также оговориться, что приходится учитывать и воз-

раст. (Наша Ира первоклассница).

Задолго до дня рождения Ира вручила каждому гостю открытку, текст приглашения она написала и сочинила сама. Вместе со мной дочка убирала и украшала квартиру. Цветы, шары, флажки, карточки, игрушки преобразили комнату. На самом видном месте — лозунг «Привет гостям!» (Раньше его писал муж, а теперь это смогло сделать сама Ира).

Приходят гости, Ира, как хозяйка, занимается их. Ребята играют, поют, танцуют. Мы с мужем подключаемся только иногда. (Например, как-то собралось больше мальчиков. Тут же муж организовал выставку марок и значков из своей коллекции).

В самый разгар праздника «кто-то» постучал (это была моя сестра). Оказалось — телеграмма. А в ней написано: «Юре, Ире, Феликсу желаем отлично учиться, чтоб мы могли ими гордиться. Дюймовочка, Буратино, Чиполлино».

Неизменным успехом всегда пользуется такая игра: из большого белого плотного листа изготавливается большая ромашка с желтой серединой. На оборотной стороне каждого лепестка пишется задание: назвать определенное количество птиц, или полевые цветы, или перечислить города на такую-то букву.

Нравится всем конкурс «Угадайка, что это?». По признакам, которые называют ребята, тот, кто водит, должен отгадать предмет. Иногда это оказывается совсем нелегкая задача, если, к примеру, выбор пал на стельку из папиного ботинка. Каждый раз ответ вызывает взрыв хохота. От желающих участвовать в конкурсах нет отбоя. Мальчики соревнуются, кто быстрее и лучше пришьет пуговицу, а девочки демонстрируют (на детской посуде), кто лучше сервирует стол. Забавно проходит конкурс «Нарисуй с закрытыми глазами». Для этой цели в распоряжении гостей чертёжная доска и мел.

Конкурсы многочисленны, участники и победители получают довольно много призов. Мы с дочкой заранее готовим красочные мешочки, коробочки, чтобы подарки не мешали во время вечера.

А потом начинается показ диафильмов. Каждый зритель предъявляет свой «билет» — исполняет желание виновницы торжества.

Пока дети смотрят фильмы, я накрываю на стол. Можно подать торт, украшенный свечами по числу лет именинницы, мороженое с фруктами или вареньем. А какое удовольствие доставляет компот,

который пьют ребята через соломинку!

В заключение Ира приглашает ребят посмотреть, чему она научилась за год, что успела. Перерезана красная ленточка, и выставка открыта: тут и разукрашенные камешки, и гербарий, и поделки из пластилина, и вышивки.

Искренне желаю всем родителям и их детям светлых, радостных семейных праздников!

Н. ЖАБИЦКАЯ
г. Черновцы

не просто кормильцы

Раньше в первом классе букварь осваивали к Новому году, а сейчас его заканчивают уже в первой четверти. Первоклассники знакомятся с азами алгебры и геометрии. Справится ли ученик с программой, во многом зависит от родителей. Конечно, поддержка и внимание во время занятий и домашний рабочий уголок очень важны. Но я не только это имею в виду.

В пять лет сынишка заставлял нас проигрывать полюбоившиеся ему пластинки, причем сам выбирал нужную почти безошибочно по каким-то своим приметам. Но когда добавились новые, похожие по внешним признакам (цвет этикетки, размер), он стал все чаще ошибаться. Пришлось объяснить, что на кружке в середине написано, как пластинка называется. Сын стал присматриваться к надписям. Так заинтересовался буквами. И мы, конечно, в этом ему помогли.

За год до школы, когда сын был в старшей группе детского сада, он уже читал небольшие тексты в своих книжках. Или взять такой пример: идем в детский сад, а он спрашивает, какая цифра на этом доме, какая на том. Раз ответишь, другой, а через некоторое время он уже называл номера вагонов трамвая, так как знал, как обозначается то или иное число. По-моему, не нужно бояться перегрузки детей, хуже, когда они слоняются без дела и у них нет ни к чему интереса.

Бывало, придешь домой с ночной смены уставший, а дети просят: почитай! Превозмогая усталость, читаешь хоть пятнадцать-двадцать минут. А эти бесконечные «почему?»... Сколько терпения нужно, чтобы на них ответить. Иногда устанешь объяснять, но понимаешь, что нельзя сердиться на детскую любознательность. Задают такие вопросы, что и не знаешь, как

ответить. Но лучше сказать: «Не знаю» — и рассказать в другой раз, чем ответить ошибочно или совсем не думая.

Даже когда сынишка учился в первом классе и уже умел читать, он все равно просил почитать. И я не отказывал, не говорил: «Читай сам!» Ведь он еще читатель начинающий, быстро устает, а книжки любит.

Для сына и дочери мы всегда подписывали детские журналы: «Мурзилка», «Веселые картинки», «Юный натуралист», «Барвинок» и другие.

И в школе наши труды окупались. Наша дочь уже перешла в десятый класс, за все эти годы получала грамоты, а мы, родители, благодарности. Кроме того, закончила она музыкальную школу. Не уступит ей и сын: в первом и втором классе — отличник.

Меня волнует такая тема: встречаются семьи, где родители в лучшем случае считают себя только кормильцами. Они не уделяют детям внимания, не читают с ними книг, даже в праздники и в выходные дни дети сами по себе, а родители веселятся в шумной компании. В школу такой ребенок приходит намного отставшим от своих сверстников. Уже с первых дней эта разница чувствуется. Ему трудно дается учение. Он становится застенчивым или, наоборот, слишком заметным. К занятиям у него вообще пропадает всякий интерес, а без интереса какая учеба!

А ведь сами дети ни в чем не виноваты, спрашивать надо с родителей.

М. ПОНОСОВ,
шахтер
г. Прокопьевск

гроза

Лес от нашего села километрах в двух. Пospела земляника. Все ходили за ягодами. Но нашего восьмилетнего Юру мы редко брали с собой. Дома никого у нас больше нет, и сыну поручали присмотреть за цыплятами, загнать корову. Да и мал еще, устанет...

А тут с утра день выдался хороший, солнечный. Сын попросился отпустить его вместе с соседскими ребятами (Жене девять лет, Саше семь). Мальчики пообещали, что далеко уходить не будут. Я разрешила.

Занялась своими делами. Вдруг увидела, что надвигается туча. Приехал на обед муж. Спросил, где Юра, и заметил, что в такую погоду пускать не стоило. Да кто

знал, что так выйдет — утром ничего дождя не предвещало.

Грянула гроза. Теперь я забеспокоилась не на шутку. Встала у калитки, смотрю, не бегут ли ребята. Но что увидишь! Дождь льет всю, гром грохочет, сверкают молнии. Все укрылись в домах. Отец не выдержал, ушел искать. Не нашел никого, вернулся. Еще подождали немного, гроза стала стихать. Мужу надо было возвращаться на поля. А я представляла себе страшную картину: испугались грома, убежали в лес и заблудились. Ну, думаю, как появится — отругаю так, чтоб запомнил надолго. Не маленькие — понимать должны: туча надвигается, — значит, надо бежать домой.

И вот наконец идет Юра. Идет тихо, не спеша, подходит, улыбается. Не чувствует за собой никакой вины.

— Где ты был? — спрашиваю. — Почему не пошел домой, когда надвинулась туча?

— А мы собирали ягоды и не заметили, как пошел дождь. Потом в кустах прятались.

Вот и попробуй найди их! У меня в голове была тысяча упреков, но я не успела их высказать. Сын показывает мне баночку, там много ягод.

— Была полная, это я съел, когда сидели в кустах.

И вдруг достает из баночки несколько цветочков лесной гвоздики.

— На, мама, это я тебе нарвал. А чтобы дождь не замочил, положил в баночку.

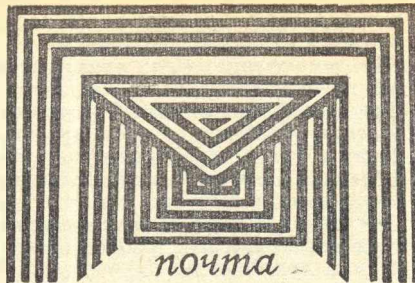
У меня что-то запершило в горле. Там, в грозу, сын вспомнил, что маме нравятся эти цветы и уберез их от дождя.

Я взяла немного помятые гвоздики и вместо упреков поцеловала сына.

— Спасибо, сынок!

Так Юра и не узнал, как я за него беспокоилась и что его искал папа.

Л. МИХАЙЛОВА
село Воздвиженка
Новосибирской области

ответы

образцово или нормально?

Два моих сына уже окончили школу, сейчас студенты. Всю годы в школе их хвалили как дисциплинированных, трудолюбивых, честных. В аттестате у каждого было лишь по две тройки, по поведению — отлично.

Дочка кончила школу в прошлом году. У нее тоже по двум предметам тройки. На собраниях, в беседах с учителями ее называли среди старательных, активных, исполнительных учеников. А в аттестате поведение удовлетворительное. Я и еще одна мама спросили у директора: «Почему наши девочки не заслужили примерного поведения, ведь их всегда ставили в пример?» Нам объяснили так: «Примерное получает тот ученик, у которого нет троек, который участвует в олимпиадах». Но ведь речь идет о поведении, причем тут олимпиады?

Из всего класса только одному ученику поставили примерное поведение. Что же изменилось? Раньше всем ставили пятерки, а теперь всем — удовлетворительное.

Убедительно прошу объяснить нам, родителям, от чего зависит отметка по поведению?

А. НЕЛЮБОВА
г. Душанбе

Предоставляем слово заместителю начальника Главного управления школ Министерства просвещения СССР Кире Васильевне АГАФОНОВОЙ.

— Оценка по поведению «удовлетворительное» не должна огорчать родителей. Это — положительная оценка. И характеризует она как раз исполнительных, старательных, активных учеников, которые удовлетворяют требованиям школы. И дело здесь вовсе не

в отметках по предметам, есть тройки или нет. Ведь и тройка может быть результатом большого, напряженного труда, и бывает, что хорошие отметки достаются без особых усилий. Работает ученик ниже своих возможностей, может учиться лучше, но старается мало. Показатели успеваемости могут быть даже одинаковые, но анализируя поступки и поведение своих учеников, учитель видит, что один ничем себя не перегружает, ограничивается школьной программой и только. А другой — стремится знать больше и глубже, занимается в кружке, читает специальную литературу, участвует в олимпиадах, помогает одноклассникам. И того, кто наиболее творчески, старательно относится к делу, учитель естественно выделяет.

Новые оценки по поведению — не просто замена цифры, балла словесной формулировкой — примерное, удовлетворительное, неудовлетворительное. Введен иной — качественный показатель, который отражает отношение ученика к своим обязанностям: к учению, общественной работе, учитывает взаимоотношение с окружающими дома и на улице, поведение в общественных местах.

Главное внимание обращается не на внешние данные (они могут быть не всегда броские), а на то, что стоит за тем или иным фактом.

Комсорг имеет «удовлетворительное» поведение. И это справедливо, если он ни в чем особенно себя не проявил. А рядовой комсомолец лучше всех трудится на колхозном поле и установил на уборке своеобразный рекорд. Он показывает достойный пример другим.

В общем-то все помогают дома, кто больше, кто меньше. Но вот узнали в классе, что Таня, скромная, неприметная девушка, несколько лет самоотверженно ухаживает за больной матерью и на ее руках большая семья. Разве нельзя сказать про нее, что она образцово ведет себя дома? Теперь у школы есть возможность отмечать и поощрять таких ребят. Они-то и заслуживают самую высокую оценку по поведению — примерное.

Две положительные оценки «примерное» и «удовлетворительное» исключают уравнилительный подход к ученикам. Прежде же учитель вынужден был, действительно, ставить всем пятерки, независимо от того, нормально ли ведет себя ученик или образцово.

Но, конечно, учитель должен быть последователен. Если какую-то ученицу все время хвалили и постоянно ставили в пример другим, а потом оценили ее поведение

как удовлетворительное, то можно понять недоумение родителей. Отметка в дневнике должна соответствовать характеристике, которую дает классный руководитель ученику.

с парты на парту

В первом классе пересаживали некоторых учеников с парты на парту шесть-восемь раз в год. Правильно ли это? Не влияет ли частая перемена места на успеваемость и поведение?

Тамара К.
г. Красноярск

На письмо мы попросили ответить директора 483-й московской школы Семена Рувимовича БОГУСЛАВСКОГО.

— Известно, что человек привыкает к своему рабочему месту. Ученик привыкает к своей парте, работает за ней лучше, дисциплинированнее. Да и выбрал он ее не случайно. Застенчивые стараются расположиться подальше; бойкие, наоборот, хотят быть на виду. Есть ребята, у которых слух или зрение хуже, чем у других, — они будут чувствовать себя хорошо поближе к доске. Кроме того, парты в классе расставлены «по росту», и, как правило, соответственно росту пересаживаются и ученики. Наконец, у ребят есть свои личные симпатии или антипатии. И с ними тоже приходится считаться.

Что касается учителя, то ему, конечно, легче работать с классом, когда он знает, что все сидят по своим местам. На Андрея надо почаще поглядывать — вот он тут, по правую руку...

Так, быть может, нет никакого вопроса, и то, что описала читательница из Красноярска, просто недоразумение, вызванное, возможно, недостаточной опытностью педагога?

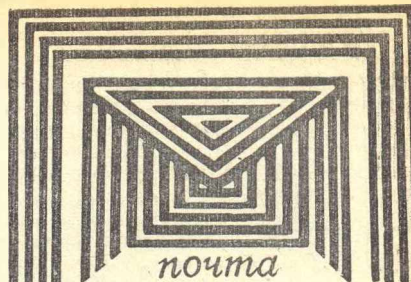
Но вот инструкция, утвержденная Министерством просвещения РСФСР. В ней сказано, что «учащихся, сидящих в первом и третьих рядах, следует менять местами не меньше чем дважды за год». Такое перемещение предупреждает нарушение осанки и возникновение косоглазия. Те, кто, к примеру, сидел у окна и смотрел на доску сбоку из правого угла, оказываются по другую сторону от учителя.

Согласитесь, что причина, упомянутая в инструкции, достаточно веская. И это не единственная причина, по которой учитель может пересадить ученика на другое место. Вот тот же первый класс. Когда ре-

бята впервые входят в класс и рассаживаются за партами, учитель еще мало что знает о них (правда, записи в листке здоровья принимаются во внимание). Но по мере того, как учитель знакомится с учениками, может возникнуть необходимость разместить их иначе. Например, способного, но ленивого определить в соседстве к трудолюбивому и твердому в привычках, чтобы рядом был наглядный, хороший (но ненавязчивый) пример. Или соседкой к шалуну посадить строгую и симпатичную девочку; чаще всего он утихомиривается — стесняется, должно быть... Среди ребят встречаются непоседы, они постоянно отвлекаются. С такими учитель будет работать особо, ведь умение сосредоточиться вырабатывается не сразу. А пока лучше отсадить Толю от окна, он все время в него смотрит, а Колю разлучить с Володей, они постоянно ссорятся, как два петуха...

Итак, родители должны знать, что есть много причин, по которым ученика могут попросить занять другое место. Но я тут же сделаю оговорку: нельзя, чтобы это происходило слишком часто.

Не зная всех обстоятельств дела, не могу судить, чем руководствовалась учительница из Красноярска, когда пересаживала первоклассников «шесть — восемь раз за год». Но знаю по опыту, что частые пересаживания воспринимаются учеником болезненно. Получается как бы, что у него нет своего места, он чувствует себя неуверенно, ведет себя беспокойно и, естественно, хуже занимается. Не скрою, бывает, что учитель в минутном раздражении пересаживает ученика за другую парту как бы в наказание за недисциплинированность: шалишь — так сиди там, где тебе хуже. Вот этого быть не должно. Всегда, когда учитель пересаживает ребенка, тот должен чувствовать, что ему добра желают, что учитель ищет, где ему будет лучше.

из переписки

Тане К., Вале А., Лиде П. (Астраханская область): Всё зависит от того, кому предназначены духи: учительнице, маме, подруге? Доверьтесь продавцу, он поможет выбрать подарок. А открывать флакон нельзя!

Ф. А. (г. Тулун): Чтобы работать воспитателем в детском саду, нужна специальная подготовка. После окончания восьми классов можно поступить в педагогическое училище.

А. ПЕТУХОВОЙ (г. Ижевск): Дома сын всегда вместе с Вами готовит уроки. Он надеется на Вас, и сам не очень внимателен. Может быть, это и вредит ему, когда приходится в классе работать самостоятельно?

М. ГОРЕЛОВОЙ (г. Киев): Чтобы учиться в двух школах сразу — обычной и музыкальной — одних способностей недостаточно. От ученика еще требуются желание, организованность, дисциплинированность и, конечно, здоровье.

С. КАШАЕВОЙ (г. Ташкент): У каждой игры свои правила. Все ли сыну понятно? Попробуйте тоже включиться, разберите вместе задания, заинтересуйте его. Тогда и сложная игра покажется привлекательной.

Маше МЕЛЬЧУК (Москва): На телефонных подстанциях в городах предусмотрены специальные противогрозовые устройства. Они защищают кабель от повреждения. Пусть молнии грозят в небесах, а телефону они не страшны.

Б. КАЛАЧЕВОЙ (г. Новокуйбышевск): Это хорошо, что Ваш малыш уже умеет немного читать. Скучно ему в школе не будет.

В. РОЗОВУ (г. Баку): Плохо, что во дворе школы мусор. Но Вы сами не хотели бы помочь убрать его?

Н. Н. и другим: Скоро в журнале фотографий будет больше.

советы

быстро и хорошо

Мой сын учится во втором классе. Соображает он отлично, но учится на четверки. Мог бы учиться лучше, если бы забавился от своего основного недостатка. В чем же выражается его недостаток? По своей натуре Саша очень быстрый мальчик. И беда его в том, что он все делает быстро, но не совсем хорошо. Напишет в классе упражнение быстрее всех, но с неточностями, с исправлениями. И все потому, что быстро. (Он не торопится, нет! Он просто делает все быстро).

Дома попрошу его вымыть посуду — вымоет быстро, но не добросовестно. Заставлю еще раз перемыть.

А как мне все-таки его научить все делать не только быстро, но и хорошо?

М. ТВЕРСКИХ
Московская область

Торопливые дети страшно не любят такой обязательный момент любой учебной работы, как самопроверку, контроль сделанного. Накропал примеры как смог — и ладно, сойдет! Значит, надо их приучать «оглядываться». Дать, например, «корректирующую работу»: напишите сами несколько примеров или задач или письменных предложений, похожих на то, что сейчас задают. Дайте ребенку в руки красный карандаш и пусть он проверяет ваши строки, как будто вы ученик, он учитель (тут уж непременно делайте и ошибки, чтоб он их смог «подцепить» на карандаш). Предложите ему сочинить для вас несколько примеров или задач, придумать упражнения по письму. То есть используйте «эффект педагога», известный с древних времен: когда человека заставляют объяснять или проверять, он лучше усваивает, чем когда ему объясняют

то же самое или задают упражнения.

Огромное значение имеют временные перерывы в домашней работе: подвижные дети быстрее утомляются, но легче отдыхают при перемене дела. Дома надо установить правило: каждые 25—30 минут — выходит ли задание, нет ли — отвлекайся на 10 минут, займись зарядкой, или почисти карточку, или еще что-то.

Необходимо вырабатывать и рациональный внутренний ритм действия. Скажем, если дети учат стихи наизусть, одним лучше брать сразу две строфы, другим — лишь строфу. Подвижные дети норовят хватать сразу все, они как бы глотают материал слишком крупными кусками, потому и плохо переваривают его. Паузы через полчаса — двадцать минут должны дополняться паузами каждые полторы, две, три минуты. Написал предложение — проверь, потом дальше (и тут проверка). Как добиваться этого? Может быть, наблюдать и останавливать на каждой точке. Может быть, поставить в комнате песочные часы на две минуты: вскакивай и переворачивай!.. Может быть, использовать детский «конструктор» и давать электрический звонок, по которому надо сделать гимнастику для пальцев, не вставая из-за стола.

Все эти способы связаны с тем, что кто-то из старших будет какое-то время «стоять над душой». Что делать — без такого непосредственного контроля в первые дни и недели тренировки не обойтись.

Ф. ИППОЛИТОВ,
кандидат психологических наук

ногти

Как отучить дочку (4 года) от дурной привычки грызть ногти? В семье у нас такой привычкой никто не страдает, так что образца для подражания нет.

Н. СЕМЕНОВА
г. Ташкент

В книге Бенджамина Спока «Ребенок и уход за ним» есть специальный маленький раздел, озаглавленный «Кусание ногтей — признак нервности». Автор пишет, что обычно ногти грызут дети беспокойные, нервные. Замечания и наказания обычно останавливают ребенка не надолго, так как он просто не замечает, что грызет ногти. Стремление поправить дело нотациями и наказаниями может, скорее, усилить нервное напряжение ребенка. Лучший подход к этой

проблеме — попытаться выяснить, что беспокоит ребенка, что давит на него. Может быть, его слишком много ругают, поправляют, заставляют? Во всяком случае стоит подумать о том, чтобы ограничить количество впечатлений, возбуждающих или волнующих девочку.

Взрослым не нужно к подобным привычкам детей относиться как к чему-то из ряда вон выходящему. Если уж и делать замечание, то замечание вскользь, тем же тоном, тем же голосом, которым Вы просите ее подтянуть штанишки. Не приковывайте ее внимания к этому недостатку: можно даже сказать девочке, что когда она вырастет, она избавится от этой привычки (взрослые же не грызут ногти), а сейчас, если ей уж так хочется, пусть покусает (одно Ваше разрешение и Ваше безразличие уже ослабят стремление ребенка к «запретному»).

Можно дать девочке ряд шуточных рекомендаций, например, грызть ногти «узорами», чтобы «красивее» были, или предложить ей перед тем, как грызть ногти, их вычистить. Тогда само приближение пальца ко рту может стать напоминанием об абсурдности этого действия, может стать своеобразной опорой для самоконтроля ребенка. И помните, что ребенку трудно быстро избавиться от этой привычки — помогут время, отвлекающие занятия и развитие навыков самоконтроля.

Но самое главное — чтобы у девочки не было особых причин для перевозбуждения или беспокойства и побольше радостей.

А. ОСНИЦКИЙ,
кандидат психологических наук

кто отец?

У меня растет сын, ему тринадцать лет. Он не носит мою фамилию, так как брак не зарегистрирован. Как мне оформить отцовство?

Н. М.
Рязанская область

Если брак не зарегистрирован, загс может установить происхождение ребенка, основываясь на заявлениях родителей, когда отец сам признает отцовство и мать подтверждает это. В свидетельстве о рождении указывается фамилия настоящего отца. Этот порядок установления отцовства распространяется и на детей, родившихся до 1 октября 1968 года.

Г. ШАБАНОВА,
юрист

бросьте прутик!

Помогите нам в воспитании сына. Ему два года. Он очень непослушный. И вот чтобы его попугать, мы берем в руки прутик. Когда он видит прутик, то слушается, а как прута нет, так будто и не замечает нас. Но ведь это не метод воспитания! Как нам быть?

А. и Н. ПОЖАРСКИЕ
г. Кострома

Конечно, прут — никудышный воспитатель, даже и в том случае, если им «только пугают».

Способность ребенка слушаться (а точнее говоря — управлять своим поведением) воспитывается совсем иными способами. Как физкультурник начинает тренировки с простых упражнений, так и послушание надо тренировать начиная с легких, посильных для малыша заданий. Вы весело и приветливо говорите ему: «Пойди ко мне!» и маните его. Если он сразу послушался и пришел, подхватите его, подбросьте (дети это очень любят), приласкайте, похвалите. Если же ребенок не идет сразу, скажите веселее: «Беги ко мне, топ-топ!» «Топ-топ» — элемент игры, это ваша помощь ребенку. Приласкайте его, похвалите, как хорошо он умеет «топать». Это первое «упражнение» в науке послушания повторяйте почаще, выработывая своего рода рефлекс «зовут — иду».

Предположим такую ситуацию: вы говорите: «Полей цветочки». Ребенку не хочется, послушание его «под сомнением». Надо ему помочь — и вы продолжаете говорить, словно не замечая его нежелания: «Посмотри, как цветам хочется пить. На кружечку, иди скорей, полей!» Если замечаете, что слова ваши не действуют, скажите: «Пойдем вместе поливать, ты мне поможешь».

Если вам надо, чтобы ребенок сделал что-то выходящее из рамок его психических силенок (например, надо идти гулять, а он увлечен новой игрой), в этом случае помогите ему, — расскажите о том, что можно увидеть интересного во дворе.

Кое-кто из родителей возразит, что часто нет времени на все эти отвлечения и переключения. Это неверно. Проще потратить какие-то минуты на отвлечение, чем гораздо больше времени на возню с орущим и противодействующим ребенком.

По поручению редакции
А. БУРЕНКОВА

говорят дети

Тоня, 3 года

Приставляет швабру к стене. Та никак не хочет становиться на место.

— Палка, ну палка! Держись, палка, мне уходить надо!

Роман, 4 года

Носится по квартире с пистолетом.

— Я волк! Я волк!

— А у волков нет пистолетов...

— А я морской волк!

Оля, 4 года

Мама, собирая Олю в детсад:

— Беда с тобой — и обувай, и одевай, и в садик води...

— Не горюй, мамочка, я тебе еще пригожусь!

— Вдруг прилетел змей...

— Какой? Змей Горыныч?

— Нет, который из кулика сделанный.

Юля, 3 года

Вечером, проходя с мамой мимо зоопарка:

— А звери сейчас что делают?

— Отдыхают.

— От людей, да?

Маша, 8 лет

Получила двойку по русскому. Мама упрекает:

— Как тебе не стыдно,

Маша, ведь это твой родной язык!

— Нет, мой родной язык — арифметика!

Гузель, 3 года

Спрашивает:

— Откуда берутся дети?

И сама себе отвечает:

— А-а, знаю. Нас на листочках нарисовали, а мы оттуда сбежали.

Аня, 3 года

Рассматривает картинки:

— Вот это очковая змея...

— Почему ты думаешь?

Ведь очков не видно.

— А она их сняла...

Лена, 5 лет

— Вертолет — это тоже самолет, только с бантиком.

Миша, 4 года

— Мама, а почему мы слова выбрасываем?

— Как выбрасываем?!

— А вот так: я сказал «мама», и это уже старое слово.

Записали наши читатели:

Л. Ольшанская (г. Ростов-на-Дону), Л. Знаменская (Москва), Светличная (г. Омск), Л. Дорошко (Ленинград), Г. Мустаева (г. Уфа), З. Белоглазова (Казахская ССР), Л. Жарких (г. Курск), Л. Самохвалова (г. Киев).

конфликты

предостережение

Когда Вова учился в первом классе, в школу на родительские собрания Светлана Петровна приходила с гордо поднятой головой. Сын учился отлично по всем предметам, и это давало Светлане Петровне право снисходительно поглядывать на мам, которые ужасно расстраивались из-за всяких неполадок с арифметикой и чтением.

Она считала, что Вовины успехи — полностью ее заслуга. Разве не она научила его читать задолго до школы? И разве не по ее совету муж брал повсюду Вову с собой — в туристические походы, на выставки, в музеи? И вот результат: они привели в школу примерного, культурного, развитого ребенка. Не каждый этим может гордиться.

Правда, похвалив Вову за отметки, Клавдия Алексеевна, учительница, иногда выговаривала за то, что он не прочь показать свою силу на тех, кто послабей, пускает в ход кулаки. Светлана Петровна начала головой: «Ай-яй-яй!» и сочувственно улыбалась учительнице: конечно, ей нелегко, бедняжке! В классе пятнадцать мальчишек, и все не ангелы!

Дома, вздохнув белокурую челку Вовы, Светлана Петровна шуточно обращалась к сыну: «А ты, оказывается, забияка!» Вова улыбался обезоруживающей улыбкой: «Ага!» За вечерним чаем Светлана Петровна, как всегда, рассказывала мужу об успехах сына.

Во втором и третьем классе Вова тоже продолжал числиться среди лучших учеников, и на родительское собрание ходить по-прежнему было приятно. Если не считать того случая, когда Клавдия Алексеевна попросила Светлану Петровну задержаться после собрания и огоршила странным вопросом: «Кто из ребят бывает у вас дома?» Светлана Петровна недоуменно приподняла брови. «Понимаете, — сказала учительница, — мне кажется, что Вова ни с кем по-настоящему не дружит. Он очень высокомерно разговаривает с ребятами. Может быть, конечно, это просто такая манера, но она действует неприятно. И ребята его не любят. Пожалуйста, присмотритесь!»

Светлана Петровна поспешила согласиться. А про себя недовольно подумала: «Все, кажется, хорошо: учеба, поведение, так нет, обяза-

тельно надо к чему-нибудь придраться!» Все же с сыном она поговорила.

— У тебя есть в классе товарищи?

— Да!

— Кто же?

— Все! Я со всеми дружу!

— А с тобой кто дружит?

Вова на секунду запнулся.

— Тоже все!

Светлана Петровна успокоилась: мало ли что могло показаться Клавдии Алексеевне! И потом, Вовка действительно самый развитый мальчишка в классе. Этого не спрячешь!

Но когда пошел четвертый год Вовино обучения, сохранять спокойствие оказалось невозможным: неприятности посыпались одна за другой. Появились частые записи в дневнике: разговаривает на уроках, мешает заниматься, дерется на переменах. И с учебой разладилось. Прежде всего с математикой — двойки пошли. Учительница сказала: «Материал сложный, надо работать по-настоящему, а Вова предпочитает порхать по верхам. А когда не знает, то пытается что-нибудь устроить, чтобы отвлечь внимание. Мне пришлось уже несколько раз удалять его с урока». Грозное «неудовлетворительное» за поведение Светлану Петровну совсем огорчило. Она написала в редакцию.

«Разве это метод воспитания — выгонять с урока? Надо заинтересовать ребенка предметом, тогда он будет сидеть спокойно. А если учитель этого сделать не в состоянии, то виноват он сам. Вот пишут в дневнике замечания. Много пишут. Похоже, что учителя соревнуются, кто из них напишет замечаний больше. А замечания все пустяковые, вроде того, что забыл тетрадь, болтал с соседом по парте, явился на дежурство без белой рубашки. Мы к замечаниям уже привыкли и не

очень обращаем на них внимание, но все же... Я разговаривала с классным руководителем, она ответила: «Мы обязаны все фиксировать в дневнике, чтобы родители знали». А мы и так прекрасно знаем своего сына!»

Что ж, это понятно: родители оценивают школу, исходя из того, как складывается школьная жизнь их ребенка. Пока идет все хорошо, школа — хорошая, к учителям претензий нет. А если с учением не ладится и поведение хромает, то, ругая сына за очередную двойку, мать все равно про себя думает: «И что это за школа такая, что не может повлиять на мальчишку?»

Легче всего педагогам обидеться и сказать: у родителей всегда школа виновата. Но можно рассудить и иначе: быть может, родительская требовательность к школе, даже столь своеобразно проявленная, выражает в конце концов признание авторитета ее? Для каждого отца, для каждой матери школа прежде всего олицетворяет профессионализм — то есть особое знание и умение, которое никому другому кроме как учителю не дано. И Светлана Петровна тоже считала: учитель на то и учитель, чтобы справиться с двойкой и наладить взаимоотношения в коллективе.

Но вот оказалось, что школа подметила в поведении мальчика такие нежелательные черты, изжить которые можно только вместе с семьей, то есть при том условии, что отец и мать разделяют тревоги педагогов и готовы сотрудничать с ними.

Любящие глаза матери не все могли разглядеть, а школа увидела и настойчивое желание Вовы главенствовать, пренебрежительный тон, желание выделиться во что бы то ни стало, высокомерие. В школе спрашивали с каждого, и с Вовы в том числе, по большому

человеческому счету. А потому учителя не хотели мириться с его разболтанностью и неаккуратностью, с неуважением к окружающим. В тетради поведения класса имя Вовы фигурирует десятки раз. С Вовой беседовали, записывали замечания в дневник. А маму чаще других вызывали в школу. Школа тревожилась, проявляла беспокойство, предупреждала.

Так чем же недовольна Светлана Петровна? Попробуем разобраться, потому что не посторонний она человек школе. И нельзя здесь просто отмахнуться, потому что до тех пор пока школа не выяснит с родителями все неясности, пока не станут они делиться сомнениями, не будут прислушиваться друг к другу, нельзя сказать, что сделано все возможное, чтобы помочь Вове.

Если бы сложилось именно так, то, может быть, и не ушла бы Светлана Петровна с педсовета с пылающими щеками, обиженная до глубины души.

— Мать не захотела с нами разговаривать! — сказали мне в школе.

Позвольте, зачем же тогда она явилась на педсовет? В очередной раз выслушивать, какой плохой у нее сын — сущее наказание для школы? Нет, это было свыше ее сил. Почему же не нашлось убедительных слов и верного тона, чтобы поддержать надежду матери на сына?

О том, какого мнения школа о Вове, она действительно уже узнала. Об этом каждый раз напоминал дневник, в котором буквально не было «живого места». Здесь записывают все без разбора: и провинности, и шалости, и отступления от правил.

Светлана Петровна не внимала голосу школы даже тогда, когда речь шла о действительно серьезных вещах. Они просто «утонули» в массе стандартных замечаний. И в результате мать говорит: «А мы уже привыкли к замечаниям».

Но ведь насчет высокомерия мало только сказать, тут требовалось разъяснить, как следует вести себя с Вовой дома и посоветовать, что противопоставить этому. Может быть, тогда и поняла бы Светлана Петровна, насколько это важно.

Каждую субботу, как и другие родители «трудных» учеников, Светлана Петровна приходит в школу. Своего рода повинность, которую отбывают родители за неполадки с ребенком. Но ведь может выпасть неделя, когда все обстоит относительно благополучно. Стоит ли устанавливать такой при-

нудительный контакт с семьей? Во время одной из таких встреч классная руководительница (она пришла на смену Клавдии Алексеевне и вела ребят уже два года) спросила Светлану Петровну: «А Вова не был раньше в интернате?» Светлана Петровна обиделась и даже объяснять ничего не стала.

Разве можно, посчитала она, после этого доверять учительнице, ведь она даже как следует не знает своих учеников, кто новенький, а кто учится в школе с первого класса... И жестокие слова учительницы («Он у вас подленький, у него фальшивая душа!») Светлана Петровна, не задумываясь, отбросила сразу. Ничего подобного. И вовсе он не такой, совсем наоборот — ласковый, добрый. Со всем большим, а все равно называет «мамуля», «мамочка».

Вот-вот, она неоднократно убеждалась, как несправедливо относится к Вове. Взять хотя бы недавний случай. Заболела маленькая дочка. Пришлось послать Вову в ясли — предупредить (Вова — первый помощник дома: и в магазин ходит, и в аптеку). Он опоздал на урок. О причине Светлана Петровна написала в записке. И в школе не отрицали: так было. И все-таки поставили двойку — не было справок от врача (!).

За двойку Светлана Петровна сына ругать не стала. Разве Вова виноват в том, что ему не верят, подозревают как всегда в нехорошем? Отношение мамы сын, конечно, улавливал. И даже тогда, когда мама «воспитывала» и была недовольна, он все равно знал, как она настроена.

К чему было ставить в такое унижительное положение ученика, да еще такого, доверие и расположение которого школе особенно важно получить?

И, наконец, еще одна мера, к которой прибегли в школе, — просили воздействовать на семью домовой комитет.

Вот как рассказывает об этом визите общественности Светлана Петровна:

— Пришла к нам неожиданно комиссия. Мы как раз собирались идти в гости. Вова надел новый костюмчик, красную рубашечку. Такой был хорошенький! Члены комиссии посмотрели на него и удивились: «Это, что ли, преступник? Не похож!» Они ушли, а у нас весь вечер был испорчен. Я даже плакала.

Можно считать, что в данном случае все обошлось благополучно. Обычно общественность приходит стыдить родителей за то, что плохо воспитывают детей. Хотя пло-

хо — понятие относительное: отметки в дневнике и срывы в поведении еще ни о чем не говорят. И отличника тоже могут плохо воспитывать, а родители неуспевающего ученика могут как раз оказаться примерными и хорошими людьми. Очевидно, под силу во всем этом разобраться только школе. Публичное же посрамление в глазах соседей или сослуживцев толкает родителей на принятие «особых мер». И жизнь, которую они устроят после этого сыну, только способна ухудшить положение, а не исправить.

Вот такая сложная ситуация. С одной стороны мать, которая много дурного не видит в сыне и ни к каким предостережениям не прислушивается. С другой стороны школа, которая хочет предостеречь, но нужного тона найти не может...

А между ними — Вова, далеко не ангел. Ласковый и вежливый дома, он может в школе грубо обругать шестидесятилетнюю нянечку, вызвавшую чем-то его неудовольствие. Светлана Петровна наверняка бы удивилась, увидев медицинскую брошюру, которую принес в класс ее сын для «просвещения» товарищей. Паренек сложный, с гипертрофированным самолюбием, настойчивым желанием выделиться, он не способен критически оценить свои собственные поступки. Это и есть как раз тот случай, когда требуется помочь подростку преодолеть и болезни роста, и недостатки воспитания. Чтобы они не стали хроническими, «не заостренились», не сделались характером, судьбой.

Хотелось бы верить, что над этой историей глубоко поразмыслят те, кто одинаково заинтересован в детях — и школа и семья. И она послужит предостережением и для родителей, и для педагогов.

Б. ЛЕОНИДОВА,
специальный корреспондент
«Семьи и школы»
Ленинград

ПРО ПИОНЕРОВ

3. как пионеры учатся

На вопрос, как пионеры учатся, можно ответить очень коротко: пионеры учатся по-пионерски.

Пионер — это исследователь нового. Пионеры учатся так, как будто они исследователи. Новая, необжитая земля — наука, а пионеры исследуют ее.

Пионеры, конечно, следят за своими отметками и стараются, чтобы отметки были лучше.

Пионерам нравится, когда их хвалит учитель, папа или мама.

Но учатся пионеры не для отметок, не для похвалы, а так, как будто они собираются в далекую экспедицию.

Продолжение. Начало в № 10.

Если человек собирается в экспедицию на Северный полюс или на таинственную планету, или на дно морское, или в космос, — он должен долго и упорно тренироваться, должен изучать многие науки, чтобы он был в экспедиции полезным.

Вот так учатся и тренируются в учении пионеры.

Они словно готовятся к трудному и полному приключений путешествию по жизни, готовятся к сражению, в котором главное оружие человека — знание.

Кто выйдет на борьбу за новую жизнь без знаний, тот будет безоружным, бесполезным и беспомощным.

Знания нужны человеку, как винтовка в бою. Учиться — значит вооружаться.

учение с увлечением

На свете есть два вида занятий: учение с мучением

и учение с увлечением.

Учение с мучением дело известное: бродишь по комнате и никак не заставишь себя сесть за стол и

открыть книгу. Наконец, откроешь, а в ней все непонятно и скучно. Ну ладно, сегодня кое-как учишь урок. А завтра ведь опять садиться за учебники. Опять это мучение!

А учение с увлечением? Человек торопится домой, чтобы быстрее сесть за книгу. Больше всего его радует трудная задача. Он вертит ее и так, и этак — не выходит! А если попробовать по-другому? Ура, кажется получается! Человеку все интересно, ему хочется прочитать и учебник, и другие книги про науку, ему хочется все знать, и в голове у него возникают тысячи разных вопросов.

Пионерское учение — это учение с увлечением.

Кто учится с мучением, тот чувствует себя несчастным, неспособным человеком. Его все время ругают и заставляют учиться. Чем больше заставляют — тем больше мучения приносит учение!

Кто учится с увлечением, у того сами собой развиваются способности и сила воли.

Пионера никто не заставляет учиться, он учится сам, потому что это ему интересно, потому что ему нужно.

Учение с увлечением — это радостная пионерская жизнь.

история с соломенными шляпками

Интерес и скука спрятаны не в работе, не в уроках, а в тебе. Все зависит от того, как ты к работе относишься.

Если смотреть на уроки как на печальную необходимость, они очень скучны.

Если, садясь за уроки, настроить себя на радость — они очень интересны.

Пионер садится за уроки с радостью. Он не позволяет себе думать, будто на свете есть что-нибудь более интересное, чем уроки.

Одного немецкого революционера в конце прошлого века посадили на много лет в тюрьму, в одиночную камеру. В этой тюрьме арестантов заставляли с утра до вечера плести соломенные шляпки.

Нет более нудного занятия. Многие арестанты заболели, сходили с ума от однообразия дней и лет. Скука очень опасна для здоровья. Скука вреднее простуды, голода и других лишений.

Революционер, о котором идет речь, понял, что единственный путь к спасению — это не поддаваться скуке, победить ее.

Он решил заинтересоваться своей скучной работой — плетением соломенных шляпок.

Он стал придумывать новые узоры, он соревновался сам с собой — старался плести быстрее.

Он увлекся плетением дамских шляпок и радовался этой работе!

А радость очень полезна для здоровья. Она помогает переносить любые несчастья.

Революционер выжил, дух его был непоколеблен. Когда его освободили, он вновь вернулся к революционной работе.

Но ведь уроки — не дамские шляпки! Уроки гораздо интереснее и разнообразнее. И делаешь их не в одиночной камере, а на свободе.

Значит, скуку занятий победить легче.

Для этого надо стараться делать уроки как можно лучше.

Всё, что мы делаем хорошо — интересно нам.

Всё, что мы делаем кое-как — скучно.

Пионер старается учиться как можно лучше, не жалеет времени на занятия, и поэтому ему интересно учиться.

Пионер побеждает скуку старательностью.

«Лучше трудно, чем нудно», — говорят пионеры.

властелин времени

В сутках на всех людей отпущено одно и то же время — 24 часа.

Нет на свете человека, у которого в сутках хоть на минуту больше или на минуту меньше. Перед временем все равны.

Однако известно, что одни успевают за сутки сделать больше, другие — меньше.

Время — богатство человека. Пионер учится распоряжаться богатством своего времени по-пионерски. Он составляет распорядок дня и строго выполняет его. И потому у него есть время и на уроки, и на книжки, и на прогулки с друзьями, и на кружки, и на помощь маме и просто свободное время: почитать, помечтать где-нибудь в укромном уголке.

Пионер не машина, он не работает как заведенный.

Но пионер не любит разболтанных и расхлябанных людей. Во многих пионерских отрядах введен красивый закон: «ноль-ноль».

По этому закону, если сбор назначен на 4 часа дня, то все придут ровно в «четыре ноль-ноль» — ни минутой раньше, ни минутой позже.

Кто сам для себя установит такой закон жизни, тот обязательно будет хорошо учиться, потому что у него будет много свободного времени.

...Однажды две подружки решили встретиться после уроков и заниматься математикой. Общим грозили тройки в четверти и обеим не хотелось получать тройки. Сначала, как водится, они стали болтать. В этом ничего дурного нет: поболтать с подружкой интересно. Потом девочки спохватились: прошел час! И тогда одна из подружек сказала:

— Ну ладно, еще немножко поболтаем, а потом уж будем заниматься.

И поболтали до вечера.

Вот кто съедает наш день, вот кто укорачивает время человека: враг по имени «Еще немножко».

Представь себе, что утром, в школе, кончилось время перемены, а звонка на урок нет и нет, потому что нянечка решила: пусть ребята еще немножко побегают. Наконец урок начался, но он никак не кончается! Учитель хочет еще немножко позаниматься с вами! И еще немножко!

Такие занятия немислимы: вы ничего не успели бы сделать тол-

ком. Вы потеряли бы контроль над временем, полностью подпали бы под власть нашего врага «Еще немножко».

Кто победит это «Еще немножко», тот станет властелином своего времени.

два рассеянных

Во многих веселых историях описывают рассеянность ученых. Почему именно ученых? Потому что ученые часто так полно сосредоточиваются на своих научных размышлениях, что не замечают происходящего вокруг них. Всем известный Паганель, герой романа Жюль Верна «Дети капитана Гранта», был самый внимательный человек, но внимание его было обращено на бабочек, и только на них. Если бы ученый не умел так сосредоточивать свое внимание, он никогда не сделал бы ни одного открытия. Открытия и вообще удачные мысли приходят в голову не всякому человеку, а лишь тому, кто умеет подолгу думать на одну и ту же тему.

Но вот другой знаменитый Рассеянный, тот, что жил на Бассейной улице. Он не был ученый. Он был просто рассеянный. Вместо шапки на ходу он надел сковороду, совсем не оттого, что в это время он решал трудную задачу (тогда мы не стали бы смеяться над ним). Он был просто рассеянный без всяких причин. У него не хватало способности быть внимательным к своим делам.

Он отправился в буфет

Покупать себе билет.

А потом помчался в кассу

Покупать бутылку квасу.

Вот какой рассеянный

С улицы Бассейной!

Среди пионеров есть ребята, ужасно сосредоточенные на своих мыслях, вроде милого чудака Паганеля. Но нет среди пионеров никого вроде Рассеянного из стихов Маршака. Пионер учится управлять своим вниманием.

пионеры и уроки

Пионер каждый день приходит в школу с выученными уроками. Потому что если уроки не сделаешь, то боишься вызова к доске или проверки тетрадей. А пионеры никогда ничего не должны бояться. Пионер не знает страха ни перед

кем. От невыученных уроков стра-
дает пионерская гордость.

Если пионер из-за какого-то чрез-
вычайного происшествия не смо-
жет сделать уроков во время, он
ляжет спать раньше, поставит бу-
дильник на 6 часов утра и сделает
уроки перед школой.

Будильник — надежный друг
пионера. Он всегда выручит.

Утром или вечером, днем или
ночью, но пионер сделает все уро-
ки и пойдет в школу без страха.

Когда пионер садится за уроки,
он больше полагается на свой ум,
чем на память. Пионеры не зубри-
лы. Они знают, что ум и память
развиваются сами собой, если че-
ловек каждый день делает уроки
старательно, с увлечением и много
читает помимо учебников. Кто чи-
тает одни только учебники, тот не
справляется с уроками.

неприятности

Почти у каждого человека, пока
он учится в школе, бывают непри-
ятности.

Заболел, пропустил две-три неде-
ли, пришел в школу — а там гово-
рят о чем-то непонятном тебе, и ка-
жется, что никогда не догонишь
класс.

Или вдруг что-то случилось, пе-
рестал понимать математику, не
можешь сам решить ни одной за-
дачи.

Или вдруг двойка за двойкой по-
шли за диктантами. Как диктант —
так двойка.

Настроение от этих неприятно-
стей плохое, прямо жить не хочется
и в школу ходить не хочется.

Некоторые ребята так и делают:
перестают ходить в школу. День
прогуливают, другой, третий...
А потом — как пойдешь? Ругать
будут... Вот и четвертый день про-
гуливают. Откладывают тот день,
когда всё откроется.

Пионеры так не поступают.

Нет пионера без неприятностей, но
пионеры умеют неприятности побеж-
дать.

Они не убегают от неприятно-
стей, а идут навстречу им.

Они знают, что неприятность —
враг, но человек сильнее всех не-
приятностей.

Всякая неприятность обладает вот
каким свойством: с каждым днем
она увеличивается и становится
сильнее.

Если у тебя неудача, неприят-
ность, если ты отстал, нахватал
плохих отметок, если ты перестал
понимать уроки — скорее садись
заниматься, скорее проси у кого-
нибудь помощи, смело иди навстре-

чу трудности и неприятности, будь
терпеливым и мужественным — и
ты победишь.

Вот это и будет по-пионерски.

Пионер никогда не отстает: ни в
походе, ни в учении. Если чувству-
ешь, что отстаешь, надо сделать
рывок.

пионеры и грамота

На чистого, аккуратно одетого
человека все смотрят с уважением.
Над грязнулей и неряхой — посме-
иваются.

Неграмотность — вроде грязи.

Кто пишет с ошибками, кто не-
грамотен, над тем всю жизнь бу-
дут посмеиваться, и всю жизнь он
будет стесняться написать простое
письмо.

Пионер изо всех сил старается
овладеть грамотой: быстро и без
ошибок писать, бегло и без ошибок
читать.

Чтение и письмо — мускулы уче-
ния.

Кто слаб в чтении и письме, тот
не сможет хорошо учиться дальше,
как не может человек со слабыми
мускулами идти в дальний поход.

Все свободное время пионер учить-
ся читает — до тех пор, пока чте-
ние не будет составлять для него
никакого труда. Если он читает с
запинками или по слогам, если ему
трудно читать, если он читает, но
не понимает книжку — он будет
все время сидеть за книгами, но
своего добьется.

Почему не принимают в пионеры
семилетних детей? По многим при-
чинам, но еще и потому, что они
обычно неграмотны, не умеют чи-
тать и писать.

Неграмотных пионеров на свете
не бывает.

Пионер — борец за новую жизнь.
А какая же борьба, если он даже
читать-писать как следует не
умеет?

Пионер читает и пишет так же
легко и свободно, как дышит, или
ходит, или плавает.

пионеры и математика

Каждый пионер мечтает стать
сильным и умным.

Сила развивается у того, кто мно-
го и упорно занимается спортом.

Ум развивается у того, кто много
и упорно занимается математикой.

Некоторые ребята говорят:

— Я математику не люблю! Я к
математике неспособный! Я не
умею решать задачи!

Это совершенно то же самое, что
сказать:

— Я глупый и хочу навсегда
остаться глупым! Я трус и всегда
буду трусом!

Храбрость человека лучше всего
проверяется на уроке математики.
Кто трусит перед задачей, сдается,
списывает ее вместо того, чтобы ре-
шить самому, тот не может считать
себя смелым и благородным чело-
веком.

Сегодняшние занятия математи-
кой помогут тебе позже, в старших
классах, постичь такие трудные
науки, как физика, химия, биоло-
гия, астрономия. Не будешь знать
математики, не разовьешь свой
ум — пропадешь.

Подними, пожалуйста, глаза от
книги и посмотри вокруг. Всё, что
ты увидишь, невозможно было бы
сделать, если бы люди, которые это
сделали, не знали математики.

Стол, лампа, книжки, окно, дом,
машины за окном, одежда, пища —
всё, в чем нуждается человек, при-
думанно, рассчитано, сделано не без
помощи математики.

Если ты хочешь что-то сделать в
жизни — надо упорно заниматься
математикой.

Ты вступаешь в пионеры в XX
веке.

А XX век — это век науки, век
техники и, значит, век математики.
Без математики от пионера поль-
зы нет.

Пионеры — друзья математики.

любимый предмет

С будущего года у вас в школе
будет много разных предметов, и
учить вас будет не одна учитель-
ница, а много разных учителей.

Пионер старается по всем пред-
метам, потому что не важных, не-
нужных человеку предметов в шко-
ле не преподают. Зачем зря время
терять?

Но у каждого пионера есть свой
любимый предмет. Любимый пред-
мет — не самый легкий, а самый
трудный, потому что он отнимает
много времени.

У кого любимый предмет исто-
рия, тот читает разные историче-
ские книги, а их немало.

У кого любимый предмет приро-
доведение, тот тоже читает много
книг о природе, о животных и рас-
тениях, да еще ходит в кружок
юных натуралистов.

Любимый предмет пионер ста-
рается знать лучше всех в классе.

Вообще, в каком-нибудь одном
деле пионер старается быть лучше
всех, и в этом ничего плохого нет.
Плохо, когда человек хвастает сво-

или знаниями, а если он не хвастает, а просто знает что-нибудь лучше всех — это очень хорошо.

Если бы никто не стремился знать и уметь лучше всех, то не было бы на свете великих людей — великих ученых, великих артистов, великих путешественников, великих художников.

Многие пионеры с детства мечтают стать великими людьми, упорно занимаются, много читают, что-то изобретают.

Говорить об этом вслух — не обязательно, но стремиться стать великим — совсем неплохо.

как добывают огонь

До сих пор есть на земле племена, живущие так, как жили люди еще в первобытном обществе, сотни тысяч лет назад. Так жило и племя индейцев Яна. Племя это все погибло, остался только один человек. Его звали Иши.

Индеец Иши жил с белыми. От него ученые узнали много важных подробностей из жизни первых людей. Например, Иши показал, как они добывали огонь. Ведь спичек у них, разумеется, не было.

Иши брал плоский кусок сухого дерева, выдалбливал каменным ножом углубление, вставлял в него деревянную палку — сверло из твердого дерева. Это сверло он зажимал в ладонях и начинал крутить взад-вперед. Руки Иши двигались очень быстро, палка-сверло бешено вращалось. И вот крошечная искорка внезапно проскальзывает в потемневшем и источенном дереве... Иши осторожно добавлял к кучке загоревшегося дерева травы и стружек и раздувал слабое пламя.

Некоторые люди хотели научиться у Иши этому способу добывания огня. Но у них ничего не получилось. Потому что нужно было много умения и терпения.

Чтобы добыть огонь, нельзя спешить, делать резкие, суетливые движения. Нельзя слишком сильно давить на палку, иначе руки устанут и в решающий момент не хватит сил, чтобы добыть искры. Нужна сила, ритм, терпение, настойчивость и аккуратность.

Знания — тот же огонь.

Знание так же важно в жизни, как огонь.

Знания и сегодня добывают самым первобытным способом, потому что никакого другого способа нет и не может быть: чтобы добыть знание, надо учиться. Так было и тысячи лет назад, так и сегодня, так будет и через тысячу лет.

Пионеры добывают знания, как огонь: терпеливо, настойчиво, упорно, пока не появится первая искорка. Из искры разгорается пламя.

4. как пионеры работают

В этой книжке уже несколько раз встречалось: «пионеры работают...»

А что это значит?

Как работают папа, мама и все взрослые люди — известно. Они ходят на работу и там работают, делают что-то полезное для людей.

А пионеры?

Пионеры тоже работают, тоже стараются делать полезное для людей. Только они работают не как взрослые, а по-своему.

Пионерская работа называется «общественной работой», потому что делают ее сообща, вместе.

Общественную работу ведут и октябрята. Так что ты уже знаком с нею.

Но, конечно, работа пионеров гораздо труднее и серьезнее.

Найти работу для звена и отряда пионерам помогает пионерская смекалка.

пионерская смекалка

От пионерской работы кому-то должна быть польза. Беспользую, глупую работу пионеры не делают.

Ваше звено или ваш отряд борется за дело.

Кому от вашей работы будет лучше? — Вот первый вопрос пионера.

Для кого вы работаете?

Для своих товарищей.

Для своего класса.

Для школы.

Для своего села, района, города.

Для младших друзей пионеров — октябрят.

Для старших друзей — комсомольцев.

Для далеких друзей пионеров из других республик и других стран.

Для всей нашей страны.

Лишь только задумаешься об этом, лишь только спросишь себя: «Что мы делаем для людей?» — сразу появляется много важной ра-

боты. Сразу начинает работать пионерская смекалка.

Когда ты начнешь работать в отряде, у тебя тоже разовьется пионерская смекалка, острый взгляд, ты тоже будешь замечать все, что нужно сделать для людей.

для класса

Вот ваша классная комната. Представь себе, что ты уже пионер, и осмотри свой класс по-пионерски, то есть заботливо. Что тут можно сделать, чтобы в классе было лучше?

На подоконники можно поставить цветы, будет уютнее. Цветы надо вырастить дома, потом принести в школу. Если все ребята возьмутся за дело дружно, в классе будет красиво.

А можно даже и аквариум с рыбками завести.

Вот начался урок. Учительнице нужны пособия — разные плакаты, приспособления. Учительница делает их сама. Но у нее мало времени. Может быть, помочь ей?

для отряда

В классе не только окна, парты да стены.

В классе главное — ребята, ваш отряд.

Что мы сделаем для отряда?

Чтобы все ребята были здоровы и крепки, не болели гриппом и другими болезнями, подумаем, как побольше заниматься спортом, какие устроить соревнования.

Если близко каникулы, значит, надо подумать о походе. Поход — самая большая радость пионерской жизни.

А может быть, договориться всем отрядом и начать закаливаться? Спать с открытой форточкой? Обтираться холодной водой?

Если всем вместе заняться — будет гораздо интереснее. Даже те, у кого слаба воля, могут заставить себя делать зарядку, если весь отряд делает.

А чтобы все ребята в отряде были умнее, тоже можно много всяких дел придумать.

Можно договориться со старшей вожатой, и к вам в отряд будет приходить комсомолец из старших классов и рассказывать о главных событиях в нашей стране и в мире.

Или пригласить на сбор отряда знатного человека, героя войны, героя труда.

Или самим собраться и пойти на

завод. Все посмотреть и дать для рабочих маленький концерт.

У вас есть классная библиотека? Нет? Тогда стоит ее собрать.

Все у вас читают журнал «Пионер» и «Пионерскую правду»? Можно найти способ, чтобы все читали.

И «КВН», состязания веселых и находчивых, не только по телевизору можно посмотреть, а и самим устроить.

А если скоро праздник Великой Октябрьской революции, или День Советской Армии, или 1 Мая?

Перед праздником устроим торжественный сбор отряда, чтобы отметить праздник вместе со всей страной. На сборе, конечно, будут выступать певцы, танцоры, чтецы. Пора готовиться!

для школы

Для школы тоже много дел, особенно у старших пионеров. Но и младшие могут придумать что-нибудь интересное. Всегда есть важная работа в школьном саду, в живом уголке, в кабинете биологии и в других кабинетах.

А можно сделать школе такой подарок: набрать цветов и поставить маленькие букетики на столах буфета. Получится сюрприз — неожиданный подарок, неожиданная радость. Никто не ожидал — и вдруг что-то хорошее. Кто сделал? Можно сказать кто, а можно и не говорить. Тогда вдвойне интереснее.

Если люди получают приятный сюрприз, у них поднимается настроение, они улыбаются и радуются.

А пионерам это и хорошо. Пионеры любят, чтобы вокруг них было веселое настроение, чтобы люди могли улыбнуться.

для своего села, города

И для взрослых людей можно сделать что-то доброе и хорошее. В селе работы — сколько угодно. А в городе? Если объявлен воскресник, убирают дворы, сажают деревья — пионеру всегда найдется дело.

Если при домоуправлении открылся клуб — пионерский отряд берется помочь ему.

Если на вашей улице живет одинокая женщина или старый дедушка — пионеры ходят к ним в гости, читают им вслух, помогают по дому, делают им подарки.

А если неподалеку от школы есть памятник погибшему герою — тогда и подсказывать не нужно, что делать пионеру. Каждый сам понимает.

для младших друзей — октябрат

Для младших друзей — октябрат у пионеров особенно много дел. Закон: «Пионер — товарищ и вожак октябрат».

Обязательно надо взять шефство над октябратской звездочкой. А учительница октябрат и вожатая научат вас, что надо делать.

Октябраты будут очень рады вам. Пионерам ничего не нужно: ни благодарности, ни славы, ни похвалы, ни почести, ничего.

Им нужно только одно: чтобы люди были рады.

для старших друзей — комсомольцев

Хорошо бы вашему отряду подружиться с какой-нибудь комсомольской группой. Только как это сделать? Подумайте вместе. Пионерская смекалка поможет.

А что, если на праздник послать каждому комсомольцу по открытке? С рисунком? Или всей группе — букет цветов?

А что, если разузнать, когда комсомольцы идут на воскресник, и явиться к ним на помощь всем отрядом?

Быть может, комсомольцы дают концерт на заводе? Тогда выступление пионеров будет для всех приятной неожиданностью — сюрпризом.

для далеких друзей

Пионер — друг пионерам всего света, друг детей трудящихся всех стран. Такой закон.

Далеким друзьям особенно хорошо сделать что-то приятное. Другья не должны забывать друзей.

Ну-ка, что вы придумаете?

Пионеры всей нашей страны собирают деньги на строительство Дворца пионеров на далекой Чукотке. Конечно, и вы захотите внести свой вклад.

А где заработать деньги? На пионерском субботнике.

Конечно, надо вступить в пере-

писку с ребятами из других республик и других стран.

Конечно, надо послать друзьям открытки с видом вашего города, фотографии, или даже записать на магнитофон ваш концерт-поздравление и послать друзьям пленку.

Ну а если вы прочитали в газете, что где-то, в какой-то стране незаконно держат в тюрьме борца за свободу народа? И ему можно помочь. Можно собрать пионерский митинг протеста. Послать далекому другу письмо с добрыми словами.

Доброе слово — поддержка человеку в беде.

Прочтет он вашу открытку, улыбнется, потеплеет у него на сердце — и сил прибавится.

А такому человеку нужно много сил.

для нашей страны

Все, что делает пионер, он делает для своей Родины, для наших советских людей, чтобы им было лучше.

Но есть одна постоянная пионерская работа. Ею много лет занимаются ребята.

Это дело вот какое: сбор металлического лома и старой бумаги — макулатуры.

Металл дается очень трудно. На далеких шахтах или в карьерах добывают руду, потом ее обрабатывают, плавят в доменных печах, потом...

Словом, работы много.

А в это время на дворах и на пустырях лежит и ржавеет готовый металл — лом.

Собрать его, да в огромную электрическую печь, и вот прекрасный дешевый металл. Делай из него, что надо: хочешь — трактор, хочешь — комбайн, хочешь — целый тепловоз.

И точно так же идет в работу старая бумага. Вместо того, чтобы рубить зеленые деревья и пускать их на бумагу, ее можно изготавливать из старых ненужных тетрадок, газет, журналов, всяких там картонок, коробок, оберток. Надо только собрать макулатуры побольше.

Вот важное пионерское дело — собирать старый металл и старую бумагу.

Дружина с дружиной, отряд с отрядом соревнуются: кто больше соберет?

В некоторых городах по улицам ходят трамваи и автобусы с надписью: «Пионерский».

Что — в этом трамвае вместо вагоновожатой пионерка с косичками и с красным галстуком?

Конечно, нет.

Но трамвай сделали из металла, который собрали пионеры.

Если бы не пионеры — этого трамвая не было бы, людям пришлось бы дольше ждать на остановке.

дело для всех

Кажется, мы перебрали почти все главные пионерские дела и теперь ты знаешь, как работают пионеры.

Все дела?

Нет.

Ты, наверно, заметил, что здесь пропущено еще одно дело. Оно нарочно оставлено под конец, потому что это главное дело пионеров, дело для всех — и для тебя, и для отряда, и для страны.

Это главное пионерское дело — учение в школе.

Почему учение — дело для всех? Нашей стране нужно очень много хорошо образованных людей — умных рабочих, смекалистых трактористов, грамотных инженеров, изобретательных ученых. Где их взять? В школе. Кто станет ими? Ты и твои друзья, когда вырастаете. На вас надеются, вас ждут, вы очень нужны. Нужны грамотные, умные, знающие!

А неграмотный, бестолковый — кому он нужен? На каком заводе? На каком поле? В какой лаборатории? Он и сам себе не нужен, не то что людям.

Главное дело вашего звена и вашего отряда — стараться, чтобы все ребята хорошо учились и переходили из класса в класс вместе со всеми.

Если в походе пионер отстал, то это стыдно.

А если он отстал так, что и совсем потерялся, а отряд пошел себе дальше — это позор для отряда.

В пионерском отряде, в вашем классе не должно быть второгодников!

Пусть у вас в отряде все учатся с увлечением, пусть лучшим пионером считается тот, кто занимается много, со страстью, читает больше, чем задано, любит спрашивать учителя, любит решать трудные задачи.

Пионеры — люди из будущего.

А будущее завоеуют только очень настойчивые в учении и увлеченные учением люди.

Потому что пионерское будущее — это XXI век.

кое пионерская общественная работа. Находить ее, видеть полезное для людей помогает пионерская смекалка.

А как работают пионеры? Как они приступают к делу? Как ведут его? Как заканчивают?

Это очень важно.

У пионеров во всех делах — пионерская ухватка.

Что это значит, покажем на одном примере.

Решили, скажем, провести в отряде праздник. Кто решил? Все вместе. Предложила учительница или вожатый, или кто-то из ребят, а все вместе решили на сборе: проведем!

Но как устроить праздник? Что делать?

Можно, конечно, подождать, пока учительница даст каждому задание.

Но это будет не по-пионерски.

По-пионерски — значит, все обдумывать самим и в каждое дело вносить что-то интересное.

По-пионерски — значит, никто не останется в стороне, все думаю т.

Вот ребята собрались по звеньям и придумывают:

— Пусть каждое звено подготовит интересное выступление для концерта, — предложил один.

— Нет, нужно не одно выступление, а три, — поправил другой.

— Надо позвать гостей на праздник! — сказал третий.

— Точно! Гостей с соседнего завода, — подхватил четвертый.

— И пусть у дверей школы стоит «гостеприимная» комиссия и встречает гостей! — предлагает пятый.

— А гостям ведь надо подарки сделать? — подумал вслух шестой.

— Пусть ребята из кружка по выпиливанию что-нибудь сделают! — догадался седьмой.

— Вот хорошо! А гостей попросим выступить и рассказать о празднике, — обрадовался восьмой...

И так далее. Все придумывают, все предлагают. Никто не молчит. Конечно, начинаются споры: один говорит одно, другой — другое, но споры — не ссоры, они идут на пользу.

Каждое звено старается придумать что-то особо интересное, такое, чего в других звеньях не придумали.

Когда все придумали, обсудили, когда представили себе, каким будет праздник, тогда договариваются, кто что будет делать. Кто пойдет гостей звать? Кто класс украшать будет? Кто будет петь, кто танцевать?

Каждый получил поручение и каждый его выполнил.

Пионерское поручение не выпол-

нить — нельзя. Подведешь товарищей.

Пионер ничего не боится на свете, никого не боится. Боится он только одного: подвести товарищей.

Хорошо. Провели праздник. Весело было, интересно.

Все? Дело закончено?

Нет, и это не по-пионерски.

По-пионерски вот как: опять отряд собирается, пусть ненадолго, на 15 минут, и обсуждает, что было хорошо, что — плохо, и как сделать в следующий раз.

Сережа с Витей поставили смешную сценку. Все хохотали до упаду. Хорошо, молодцы!

Ребята из второго звена сделали сюрприз отряду: вырезали из бумаги значки, разрисовали их и приколотили булавочками всем пионерам и всем гостям на празднике. Хорошо!

Опять каждый пионер встает и каждый говорит, что было хорошо, а что не понравилось. Опять никто не молчит. Кого стоит — похвалят, кого стоит — поругают. Опять, бывает, поспорят. И опять нестрашно: споры — не ссоры.

Теперь ты понял, что такое пионерская ухватка?

Это значит: все вместе придумывают, все вместе делают, все вместе обсуждают работу.

Это очень важный секрет пионерской работы, ты запомни его хорошенько.

Мало сделать работу вместе. Обязательно надо сначала вместе обдумать ее, а потом вместе обсудить.

И тогда все ребята в вашем отряде будут работать с охотой, дружно и радостно.

(Окончание следует)

пионерская ухватка

До сих пор мы говорили о том, какие дела делают пионеры, что та-

Такая любовь

Работаю я в школе-интернате. По субботам, когда все воспитатели и большая часть воспитанников расходятся по домам, остается небольшая группа ребят из разных классов — старшие и младшие. Вот тут я и познакомилась с Алешей. Теплые долгие вечера начала сентября. Мы, двое воспитательниц и оставшиеся дети, сидим в уютном, зеленом от цветов вестибюле. Дети еще долго ждут родителей, но все же рисуют или читают здесь же, за длинным столом. И только этот мальчик, не отходя, стоит, прижавшись к косяку двери, не оборачивается, когда его зовут, и смотрит во двор, не мигая. Он даже на улице не хочет идти, не хочет играть и бегать. Он весь напряжен, вся его худенькая фигурка устремлена туда, откуда может появиться самый дорогой, самый желанный человек — «мамка», как он ее зовет. Но время идет, а она не появляется. И становится невыносимо больно смотреть на него. Он ждет, но не хуже нас знает, что она не придет. Уже четвертый год у нас этот мальчик, но даже на одной руке хватит пальцев, чтобы посчитать, сколько раз мать заходила за ним. Да, она жива, она в этом же городе. Но у нее такая «веселая», разгульная, пьяная жизнь, что ей просто некогда вспомнить о сыне. Когда узнаем ее очередной адрес (ее не держат долго на квартире), мы напоминаем ей об обязанностях. Но к нам она все равно не приходит.

А мальчик ждет. Все ниже опускается голова и плечи. И он начинает плакать, тихо, беззвучно, не

вытирая слез. И этот плач такой горький, безысходный, его трудно остановить, отвлечь от него, уговорить. Я ему предлагаю и раз, и два: «Пойдем ко мне домой». Но он молчит. Хотя знает, что у меня бывают другие дети, то девочки, то мальчики, то постарше, то совсем малыши.

У нас своих детей двое: Вера, дочь-подросток, и Сережа, сын восьми лет. Комнаты у нас небольшие. Когда приходит еще кто-нибудь, на ночь ставится раскладушка, и в комнате детей уже не проймешь. Но днем, когда убрано кресло-кровать и сложена раскладушка, из секретера, полностью отданного детям, вытаскиваются книги, журналы, игры. И ребятам из интерната, мне кажется, нравится к нам ходить в гости. Порой, правда, Анатолий, муж, скажет: «Ну, весь интернат у нас уже побывал или нет?» Это когда у него много работы (он преподаватель в военном училище). А дети есть дети, они шумят. К сынишке еще приходят дватри приятеля из школы. И все же я не могу уйти в субботу вечером спокойно из интерната и кого-нибудь беру с собой. И только Алеша не откликается на мое приглашение. Плачет — и молчит.

И вот однажды... Однажды он спросил: «Вы сегодня рано пойдете домой?» — «А ты хочешь ко мне в гости?» Молчит. «Но на улице сегодня грязно, у тебя нет резиновых сапог. Ладно, что-нибудь придумаем и после ужина пойдем». Он все придумал раньше меня, нашел что-то сапожки, надел их и сел в вестибюле. С трех часов дня!

Так он сидел — час за часом. Мы ходили с детьми на полдник — потом смотрели телевизор, но без него, еле-еле уговорили хотя бы поужинать — он не хотел переобуваться, не хотел покидать свой пост. Много позже я поняла — он боялся, что я передумаю, забуду...

Целое воскресенье дети дома были вместе. Правда, сын с товарищами то убегал на улицу, то снова появлялся, а Алеша никуда не пошел. Он расставил солдатиков, построил укреплений из кубиков и домино, гонял машины. На книги и журналы не глянул — это я заметила. А после обеда Анатолий сказал: «Мне надо отдохнуть перед дежурством. Отправь соседских детей гулять, а я хоть немного побуду с нашими мальчиками». И сел играть с сыном и Алешей в «Три поросенка». Я поняла, что он приглядывается к новенькому, приглядывается больше, чем к тем, что приходили к нам раньше. Правда, он знал историю этого мальчика, но ведь и среди других были дети, обиженные матерями. Алеша играл молча — ни радости, ни печали, ни смеха, как будто какое-то безразличие было в нем. Он только смотрел и смотрел на все и на всех — долго, пристально.

Когда Анатолий уходил на дежурство, он протянул Алеше руку: «Ну приходи, когда тебя еще отпустят».

В понедельник у меня выходной. Мы с сынишкой проводили Алешу почти до интерната. Он шел впереди нас, независимо, как будто и не с нами — и я не могла понять, стесняется ли он, что его провожают, или мы ему просто наскучили.

А я потеряла покой. Уже не могла не думать об этом мальчишке. Строила планы. Разве лишний — третий ребенок? Конечно, мы не можем его взять к себе, нам его не отдадут, да, откровенно говоря, и материально было бы трудновато. Но мальчик может быть с нами в субботу, и в праздники, и в каникулы. И пусть растут трое. Нам хватит и такта, и тепла, чтобы Алеша не чувствовал себя чужим. Но я не одна, в семье решают двое. Анатолий а пока не отважилась сказать. Молчала — вдруг не одобрит.

С Алешей мы виделись каждое утро. Теперь, если дома что-нибудь покупали, то помнили и его (дети каким-то чутьем поняли мое состояние). Я ежедневно приносила Алеше гостинцы — булочку, конфеты, яблоки — то, что и своим заворачивала на завтрак в школу. Мои дети привыкли, а этот мальчик? Быть может, он встречает меня только по этой причине? Но я замечаю: вот уже все его товарищи жуют мои лакомства. «Это по-нашему, молодец Алеша!» — высказался Сережа, когда я рассказала об этом дома (у нас дети привыкли думать о товарищах и делиться всем). И мое внимание поднимало Алешу в собственных глазах: «Я такой же, как и все: я тоже могу угощать, и меня тоже есть кому любить».

В следующую субботу я опоздала: Ксения Николаевна, воспитательница этого класса, решила, что хватит испытывать мою душевную доброту — и отвезла мальчика к бабушке (да, есть и бабушка со стороны матери, она живет тоже в городе, недалеко от школы). Ксения Николаевна рассказала, как сердилась эта бабушка за то, что ей навязывают внука (на одно воскре-

сенье!), и как больше часа пришлось уговаривать ее, а мальчик стоял одетый в дверях и ждал. Я досадовала на себя за то, что опоздала, что не решилась до сих пор поговорить с Анатолием. Из-за меня Алеше пришлось пережить такое унижение!

Муж воспринял мой рассказ неожиданно: «Почему ты не предупредила воспитателя вчера?» — «Но это значит, мы будем брать Алешу всегда, на все свободные дни, и он будет у нас своим». И я высказала все, что передумала и пережила за эти дни. Как же я была права, что сомневалась в муже! Прожили рядом пятнадцать лет, а вот теперь словно заново открыла. Алеша стал членом нашей семьи. Так мы считали. И когда в интернате воспитатели говорили: «А ваш сынуля...», он улыбался и прижимался ко мне.

Гладко никогда ничего не бывает. Были и трудности. Всегда спокойный, послушный, Алеша начал озорничать. «Разбаловался, как вы стали его брать, — говорили воспитатели. — Раньше уже со среды ходил как в воду опущенный и ждал молча субботы. А теперь и с мальчишками ссорится, соседу по парте жить не дает». У меня сердце ноет, а про себя думаю: ведь это даже хорошо, что он почувствовал себя таким же мальчишкой, как все другие, — поймите это, товарищи!

Вот ведь ревнивое материнское чувство — ловлю себя на этом. Своего родного сына я позволяю в школе поругивать, даже прошу быть к нему поосторожнее. А за Алешу обидно становится. С ним мы разговариваем по-взрослому, серьезно: «Ты уж меня не подводи, ты же знаешь, как обидно, когда сына ругают. Да и отцу будет неприятно, если тебе в дневнике замечание запишут».

Дома все хочет сделать сам. С утра полы моют все трое: Сережа одну комнату, Алеша — другую, Вера — коридор и кухню. Алеша первый хватается за тряпку — привык в интернате к порядку. Мой сын за ним тянется — без скрипа моет пол, посуду (есть у нашего привычка «поскрипеть», хотя и знает, что все равно делать надо).

«Ты любишь книги, Алеша?» — «Да ну их, я читать не люблю».

Он действительно сначала, что называется, не смотрит на книги. Рисует и ставит рисунок за стекло в секретере. А через неделю убеждается, что рисунок так и стоит. Я вижу — доволен, в этом доме он — свой. А книги — ерунда. Но в доме заведено: дети должны быть в постели в девять часов (хотя для дочки порой делается исключение, но она сама любит этот порядок). Зато можно полистать журналы, почитать книги. Днем дети тоже читают, но очень любят этот вечерний тихий час.

Здесь уже и Алеша невольно тянется за журналом — скучно лежать молча. Сначала вечерами только, а потом уже и днем видим мы в его руках книгу. Кажется, лед тронулся, мальчишка должен подружиться с книгой.

Было и другое. Мы — не аскеты, отмечаем праздники, к нам приходят друзья. Народ веселый, шумный. Дети вышли из-за стола, играют в своей комнате. И только Алеша нет-нет да и подойдет и пристально смотрит на всех. Нам даже как-то не по себе. Может быть, он чего-то еще хочет. Нет, отказывается, говорит, что сыт. И только потом мы поняли: он изучает нас, мы для него — новый мир, другие люди. Мы сидим вместе весь праздничный вечер — и не пьяны, и не ругаемся, и не ссоримся. Раньше, дома, в те немногие дни, когда он бывал у матери, было все по-другому. Потом он уже перестал так пристально изучать нас.

Как он радовался субботам! Сережа заходил за ним из школы, и они вместе отправлялись домой, переодевались и поступали под команду мужа. Анатолий ходил с ребятами на рыбалку, в лес. Ему даже интересно, что теперь их двое и одному он заново открывает мир. Прием Алеси в пионеры (он оставался во втором классе на второй год, поэтому его приняли позже других) мы отпраздновали все вместе. Для него был праздник — и поход в цирк, и новый костюм, и выглаженные мною брюки. Он стеснялся, но каж-

дый раз напряженно ждал, что я и его поцелую перед сном, как и своих детей. Я это видела по всей его вытянувшейся фигурке и по напряженному взгляду.

Но однажды в интернате Алеша, необычайно оживленный, взбудораженный, сообщил: «Нашлась моя мамка! Она в больнице. Вчера был у нее!» Я смотрела на него. Очень хотела и пыталась разделить его радость. Ведь это хорошо, что он так любит мать, это замечательно. И очень больно: прошел почти год, а я для него — ничто? По-моему, он не заметил моего состояния. Каждое утро встречал меня и делился доверчиво своей радостью. И я радовалась, старалась радоваться.

В воскресенье соседи пригласили нас в лес, мы пробыли там до вечера. Мальчишки бесечно резвились, бегали по полянам. Но иногда мелькнет грусть в глазах Алеши. На бутылке «Боржоми» прочитал «Лечебная вода»: «Вот бы мамке бутылок пять, она бы поправилась».

На обратном пути из леса мы вдвоем выходим из машины около больницы. Алеша летит как на крыльях, оставив меня позади. Мать выходит навстречу, улыбается, дает ему апельсин, печенье. Он верит или не верит сейчас ее словам, что она выздоровеет и они заживут вместе? Она будет приходить к нему по средам и субботам, купит ему велосипед. А сейчас ей так не везет. И она плачет, что вот чужие люди заботятся о ее сыне, что он обуза для кого-то. Ей так стыдно, она просит извинения. И просит хлопотать, чтобы в лагерь он поехал на все три смены — ее не скоро выпустят из больницы. Мне и больно за мои чувства к мальчику, и жаль ее, рано состарившуюся, усталую, но сейчас трезвую, любящую и страдающую.

Я, кажется, начинаю понимать, что теряю мальчишку: она после больницы уже не отдаст его мне, будет заботиться сама. Но сделать я ничего не могу. Не потому, что «не по закону», а просто совесть не позволит встать между ними. Мы прощаемся очень тепло, и она про-

сит отпустить его в среду, она очень скучает без сына.

Подходит вторник. После обеда мне надо в школу. Я принесла Алеше передачу для мамы, он мчится к воспитателю: «Можно я поеду к маме? Это у меня гостинцы!» Как-то не было времени в этот день поговорить с ним. Только перед отбоем перекинулась словами. «Ты видел маму?» — «Нет». — «А ты был у нее?» — «Да». Я подумала, что она была на процедурах, — и успокоилась.

А в среду — взрыв. На улице проливной дождь, я еле добираюсь до школы и на лестничной площадке застаю такую картину: в руках Ксении Николаевны, рыдая, извиняется Алеша. Что случилось? Ксения Николаевна (ее все любят за внимательность и ласку) поясняет: «Он не хочет никого слушать, рвется, царапается, говорит мне «ты». Я вынуждена буду вызвать вашего мужа и разговаривать с ним». Алеша всхлипывает, прижавшись к окну. Редет дождь, и мы обещаем отпустить его к матери. А лучше — завтра. Завтра — праздник — День пионерии. Он будет такой нарядный, в новых брюках, в белой рубашке с галстуком. Мальчишка неожиданно соглашается и затихает.

На следующий день ехать в больницу не просится, но после киносеанса убегает из своей группы, которая собирается в поход, и прячется в саду. Опять разбираемся, а он отмалчивается. В субботу как-то очень неохотно уходит к нам (Сергея его увел). И только дома, когда мы сидим с ним обнявшись и секретничаем, я узнаю все. Мать выписали еще во вторник, она ушла из больницы в неизвестном направлении. А в среду он боялся, что она опять придет в больницу и будет его ждать. Она же сказала — увидимся в среду. И в лес он боялся ехать с отрядом, вдруг придет, а его нет. И в субботу ждал...

Я молчу, мне нечего сказать, да я и не могу говорить: меня душит негодование — почему должен так мальчишка переживать, почему мы, взрослые, ничего не можем сделать? Мы бессильны. «Лишить материн-

ства, а его перевести в детский дом», — говорит воспитательница. Но что даст лишение материнства? Мать ведь и так появляется лишь в год раз — а он все равно ее сильно любит! Поступить так — было бы предательством по отношению к нему. Если бы можно было и лишить его любви к ней одновременно... Но такого не будет.

Она все же пришла, когда закончился учебный год. Зашла утром и пообещала забрать его в три часа.

Я ничего не знала об этом и, конечно, зашла за Алешей. Оставалась еще неделя до начала лагерной смены, можно было дома позаниматься с ним математикой и русским (здесь ему еще надо многое наверстать). Алеша встретил меня расстроенный: шел уже четвертый час, матери не было. Он боялся уйти со мной и пропустить ее, боялся, что уйду я, а мать не придет вообще. Мы стали ждать вместе. Она пришла в пять. Кто-то из моих товарищей с сожалением сказал: «Забирают вашего сынулю». Алеша глянул на мать, она сделала вид, что не слышит. И они ушли. Мальчик шел с радостью и не оглянулся.

Я передавала ему в лагерь посылки, но сама не выбралась. Мы увиделись после первой смены. Он опять, нагнув голову, выжидательно смотрел на меня. Потом разговорился, оттаял, с аппетитом хрустел огурцами и рассказывал, чем занимался. Мать к нему не приезжала, она опять неизвестно где. А я-то думала...

Кончилось лето, кончилась лагерная смена и мой отпуск. Мы опять встретились. Где-то в глубине души я хочу, чтобы мать одумалась, жила бы для себя и сына, берегла бы его любовь. Хочу этого — и больно мне от мысли: а что если кувыркком пойдет его жизнь? Я не знаю, что будет, но я хочу надеяться на лучшее.

А. ПРОШИНА,
читательница «Семьи и школы»

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КУБАРИКА И ТОМАТИКА, ИЛИ ВЕСЕЛАЯ МАТЕМАТИКА

Л. ЛЕВИНОВА,
Г. САПГИР

25. КАК ИСКАЛИ ТОМАТИКА

Цель главы — уточнить представления ребенка о том, что предметы имеют разную длину, ширину, высоту.

А в городе Игрушек было вот что. Когда Томатик завертелся и полетел за облака, Кубарик закрычал:

— Вернись, Томатик!

И все игрушки закричали:

— Вернись, Томатик!

Но маленького человечка уже уносило большое круглое облако. Кубарик встал на задние копытца, чтобы поймать друга. Но облако плыло слишком высоко.

Тогда Михмих залез на столб, но не смог достать Томатика. Правда, он стал выше Кубарика, но все равно гораздо ниже облака.

А желтый поезд побежал, побежал по рельсам. Но рельсы скоро

кончились. Тогда куклы вышли из вагонов. И, глядя вслед улетающему Томатику, запели печальную песенку:

— Удержать мы не успели

На крылечке чудака.

Завертелся, как пропеллер,

Улетел за облака.

Заливаемся слезами:

Он заблудится один!

И печальными глазами

В небо синее глядим.

А паровоз устало пыхтел, дымил. И дым потянулся назад. Он был уже длиннее поезда, длиннее перрона. И скоро все в городе стали чихать от этого черного дыма.

И лишь Михмих мчался за облаком на своей пожарной машине. По дороге, по полю, по кочкам. Но скоро вернулся и он, ведя свою машину за веревочку.

— Не догнал, — сказал Михмих. — Завод кончился. Апчхи!

— Бедный мой друг, апчхи! — сказал Кубарик. — Что же, апчхи, делать?

И тут паровоз перестал дымить. Дым рассеялся. И все перестали чихать.

— Что делать, что делать! — сказал Михмих. — Надо подумать.

— Надо подумать, — повторили игрушки.

— Принесите мне стул, на котором я всегда думаю, — сказал Михмих клоунам.

И клоуны вынесли самый узкий стул. Михмих сел на стул. Подпер лапой щеку. Задумался.

— Нет, — сказал он, — ничего не могу придумать. Пожалуйста, принесите что-нибудь пошире.

Тогда клоуны вынесли на городскую площадь кресло. Кресло было шире, чем стул. Сел Михмих, развалился в кресле. Подпер лапой щеку. Задумался.

— Нет, — сказал он, — ничего не могу придумать. Пожалуйста, принесите что-нибудь еще пошире.

И тогда клоуны вынесли самый широкий диван.

— Вот это годится, — сказал Михмих. Он разлегся на диване. Подпер лапой щеку...

— Придумал! — вскричал Михмих.

Посмотрите с ребенком, какие предметы в комнате имеют разную ширину. Сравните по ширине детский и взрослый стул, взрослый стул и кресло, кресло и диван.

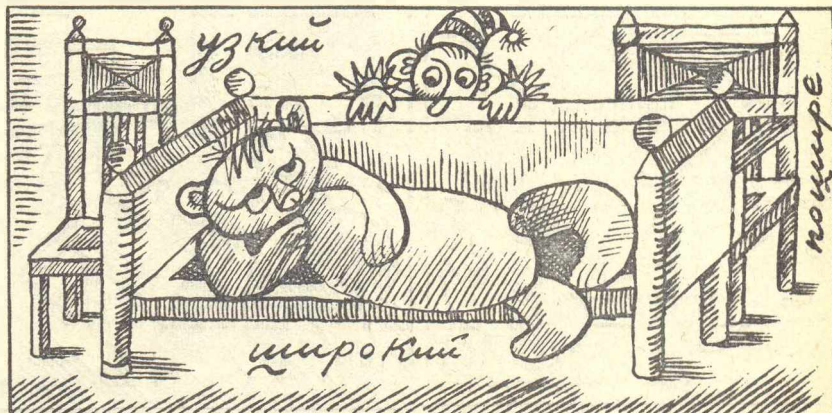
Учите детей понимать выражения «самый высокий», «самый низкий», «самый узкий», «самый широкий».

Задайте вопросы: «Шире стул или диван?», «Уже кресло или диван?»

Сравните ширину двух линеек, двух лент, двух полотенец. На улице покажите малышу, что проезжая часть улицы шире, чем тротуар, что некоторые окна домов широкие, а другие узкие.

26. ЧТО УВИДЕЛ КУБАРИК В ВОЛШЕБНУЮ ТРУБУ

Цель главы — закрепить пространственные представления детей: «направо», «налево», «вверх», «вниз». Вопросы задавайте во время чтения. Если ребенок показывает направление жестом, без слов,

научите его пользоваться словами «направо», «налево».

— Надо подняться на городскую башню, — сказал Михмих. — Там наверху, над часами, комната. В комнате есть круглое окно. У окна лежит длинная труба.

— Ну идем же туда скорей, — заторопился Кубарик.

— А ты знаешь, где правая сторона, а где левая? — спросил Михмих.

— Правой ножкой топ-топ, — сказал Кубарик и топнул правой ножкой. —левой ножкой топ-топ. — И топнул левым копытцем.

— Ну что ж, тогда идем, — сказал плюшевый Михмих. — А то, смотри, заблудимся и никогда не выйдем оттуда.

И они отправились к городской башне. Открыли входную дверь, прошли через круглую комнату, и перед ними оказался коридор. Сначала он вел прямо. А затем разделялся на два: один коридор поворачивал направо, а другой — налево.

— Сначала мы пойдем прямо, — объяснил Михмих. — Потом повернем направо, туда, где лежит коврик.

Пошли они вперед и увидели коврик. Кубарик топнул правым копытцем. И показал — это туда. И они пошли по коридору, который вел направо. В конце его была лесенка вверх. Кубарик и Михмих поднялись вверх по лесенке.

— Сейчас опять будет коридор направо и налево. Мы пойдем налево, туда, где увидим цветок, — объяснил Михмих.

Шли они, шли и увидели цветок. «Куда надо повернуть Михмиху и Кубарик?»

Кубарик топнул левым копытцем. И показал: это вон туда. И они пошли по коридору, который вел налево. От этого коридора отходило еще много коридоров.

— А теперь нам куда? — спросил Кубарик.

— А теперь... — Медведь задумался. — Теперь мы повернем направо, туда, где лестница. Это самый последний коридор.

Вскоре они увидели лестницу. «Куда надо идти Михмиху и Кубарик?»

Повернули они направо. А там была лесенка — все наверх и наверх.

Так они поднялись в светлую комнату. В комнате было круглое окно. А возле окна лежала длинная труба. Эта труба была волшебная. Кубарик взял обоими копытцами волшебную трубу и стал глядеть в окно. Комнатка плавно поворачивалась. И было видно все кругом далеко-далеко.

И вот Кубарик увидел высокую-высокую гору. На горе стояло черное дерево. На дереве сидел Вредный Паук и играл кубиком.

— Ах, вот он где! — закричал Кубарик.

— Нашел? — спросил Михмих. — Нашел, — ответил Кубарик. — Тогда бежим ему навстречу! — Нельзя, — вздохнул Кубарик. — Я должен прежде отыскать Томатика.

— Так ты же его нашел! — удивился Михмих.

— Да не его, — сказал Кубарик. — Это Вредный Паук.

— Понятно, — сказал Михмих.

А окно все поворачивалось. И вдруг Кубарик увидел стаю ласточек. Они опускались и несли кого-то. Ну, конечно, это он! Это его зеленый колпачок!

— Нашел! — закричал Кубарик.

— Где, где? — заволновался Михмих.

И Кубарик передал ему трубу. Плюшевый Медведь посмотрел и опустил трубу.

— Это Загадочная страна, — сказал он. — Оттуда так просто не выйти.

Для закрепления понятий «направо» и «налево» поиграйте в игру «Куда пойдешь, то и найдешь». В противоположных местах комнаты спрячьте по одной игрушке. Взрослый говорит, а ребенок выполняет указания: «Иди прямо, прямо. В середине комнаты остановись. Направо пойдешь — мячик найдешь, налево пойдешь — матрешку найдешь. Куда пойдешь?»

Ребенок показывает, куда он пойдет и называет направление: направо, налево. Найденная игрушка позволяет ему контролировать ответ — если он хотел получить мяч, но по ошибке пошел налево, то находит матрешку.

27. О ТОМ, КАК ТОМАТИК ПОМИРИЛ СЛОНА И ЗАЙЦА

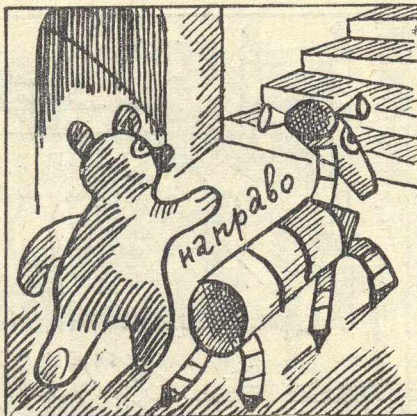
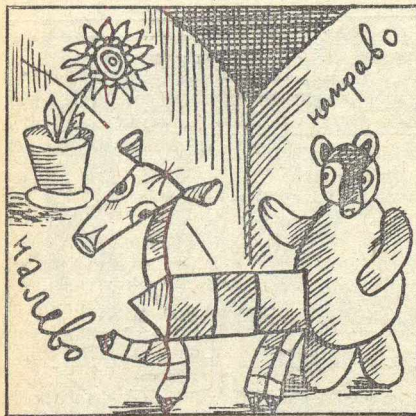
Цель главы — еще раз показать ребенку способ, с помощью которого можно разделить группу предметов на две равные (или неравные) части (см. главу 24). Проверить, равное или неравное количество предметов оказалось в каждой из двух групп, можно с помощью уже знакомого приема: сопоставлением предметов один к одному. Продолжайте учить ребенка пользоваться выражением «столько, сколько».

Вопросы этой главы задавайте во время чтения. Если ребенку будет трудно ответить, вспомните, как в главе 24 Томатик делил слонов и жирафов.

А что же было с Томатиком дальше? А вот что. Огляделся он вокруг — один туман. Ничего не видно. «Куда мне идти? — подумал Томатик. — Ладно. Пойду куда-нибудь».

Шел, шел маленький человечек куда-нибудь и вдруг увидел впереди большие уши. А затем большой хобот. Томатик вышел на полянку. А на полянке друг против друга стояли Слон и Заяц. И о чем-то спорили.

— Скажите, пожалуйста... — обратился Томатик.

— Вот и прохожий. Пусть он скажет! — перебил его Заяц.

— Посеяли мы морковь... — начал Слон.

— Выросло моркови много-премного, — перебил Заяц.

— Договорились мы ее поровну разделить, — продолжал Слон. — А у нас не получается. Помогите нам, пожалуйста, поровну морковь разделить!

«Как разделить морковь, чтобы Слону досталось столько же морковки, сколько и Зайцу?»

(Прежде чем читать дальше, послушайте все предположения ребенка).

Сложил Томатик всю морковь в одну кучу и сказал Слону:

— Пожалуйста, станьте слева. А вы, Заяц, с другой стороны, справа. И начал делить:

Зайцу — морковку,

Слону — морковку,

Зайцу — морковку,

Слону — морковку.

«Правильно Томатик разделил морковку? Поровну морковок у Слона и Зайца? Как вы узнали это?»

Всю морковь Томатик поровну разделил.

— Спасибо тебе, Зеленый Колпачок, — сказали Слон и Заяц.

— Пожалуйста, — сказал Томатик. — А теперь скажите мне, как отсюда в страну Игрушек попасть?

— В страну Игрушек? — переглянулись Слон и Заяц.

— Вот что, — сказал Слон. — Иди прямо, прямо...

— Там будет яма, — перебил его Заяц.

— Смотри, не оступись в нее в тумане, — сказал Слон.

— Обойдешь яму, выйдешь на поляну, — продолжал Заяц.

— Там на поляне, в густом тумане... — сказал Слон.

— Стоит дом, в нем живет Гном, — перебил его Заяц. — Он все знает, только все забывает.

— Если Гном дома, спроси дорогу у Гнома, — закончили вместе Слон и Заяц.

И Томатик пошел дальше.

Приемы установления равенства двух групп предметов уже знакомы ребенку. При случае попросите малыша «показать свое умение».

Например, надо раздать кубики мишке и зайке так, чтобы у них кубиков было поровну. Раскладываем по одному: один кубик — мишке, один — зайке, кубик — мишке, кубик — зайке. Проверим, поровну ли у них кубиков. Как это сделать? Положить в ряд кубики мишки, а под ними кубики зайки.

Таким же способом можно попросить разделить конфеты себе и брату, яблоко папе и маме и т. д.

28. КАК КУБАРИК ВЫРУЧИЛ КРО-КРО

Цель главы — показать детям, что, сравнивая по величине несколько предметов, мы можем разложить их «по убывающей» или «возрастающей»; учите детей пользоваться правильными приемами сравнения.

Вот и опушка леса. А в лесу — туман. «Вот она, Загадочная страна», — подумал Кубарик.

Оставил Кубарик свое крылечко у опушки. И пошел в туман — в Загадочную страну.

Шел, шел и слышит — кто-то плачет. Пошел в ту сторону — и видит: на солнечной полянке стоит зеленый крокодил. А вокруг него стоят крокодильчики. И горько плачут. Старший крокодильчик — повыше. Средний крокодильчик — пониже. А самый младший — совсем маленький.

«Покажи самого низкого крокодильчика. Покажи самого высокого крокодильчика».

Крокодильчики увидели Кубарика. Удивились и перестали плакать.

— Здравствуй, — сказал Кубарик.

— Здравствуй, прохожий, на кубик похожий, — сказал Крокодил.

— Я — Кубарик, — сказал Кубарик.

— А меня зовут Кро-кро, — сказал зеленый крокодил.

— Помогите нам, Кубарик! — заплакали крокодильчики.

— А что с вами случилось? — спросил Кубарик.

— С нами случилось, с нами произошло, — начал Крокодил, — вот что.

— Шли мы, шли — вышли на полянку. Захотелось искупаться спозаранку. Сложили мои ребятишки свои шляпы и сачки. И стали плавать, нырять. Искупались. Стали шляпы надевать, сачки разбирать. Всё перепутали. До сих пор разобраться не можем.

И тут крокодильчики снова заплакали.

— Да перестаньте вы плакать! — сказал Крокодил. — Пожалуйста, помогите нам, Кубарик.

Сачки лежали в траве. Сравнил Кубарик по длине красный и зеленый сачок и спрашивает самого маленького крокодильчика:

— Какой сачок длиннее?

«Угадай, что ответил Кубарику самый низкий крокодильчик».

Крокодильчик сказал Кубарику, что синий сачок длиннее красного. Взял Кубарик красный сачок и сравнил его по длине с зеленым. И спросил среднего крокодильчика:

— Какой сачок длиннее?

«А ты знаешь, что ему ответил средний крокодильчик?»

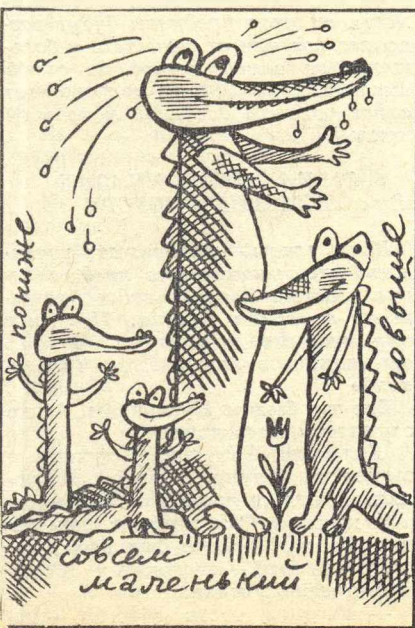
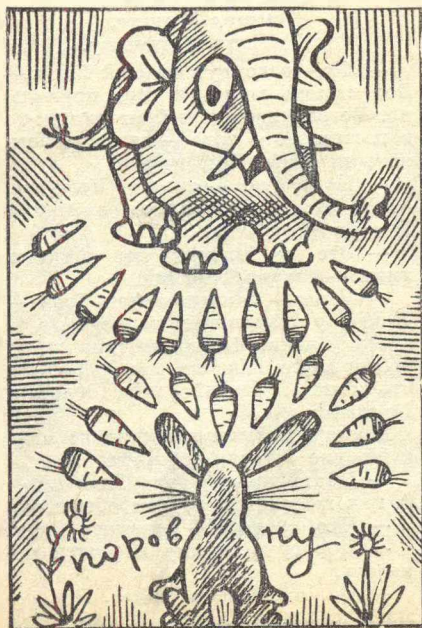
Крокодильчик ответил, что зеленый сачок длиннее красного. И еще сравнил Кубарик по длине красный и синий сачок. И спросил самого высокого крокодильчика:

— Какой сачок длиннее?

«Что ему ответил самый высокий крокодильчик?»

Самый высокий крокодильчик ответил правильно: красный сачок длиннее синего.

— Теперь совсем легко, — сказал

Кубарик. — Положим сачки по порядку: сначала самый длинный, красный, потом покороче, зеленый, а потом самый короткий, синий сачок.

Потом самый длинный сачок дал старшему крокодилчику. Среднему — покороче. А самый короткий — младшему.

— Ура! — закричал маленький крокодилчик. — Мой сачок! А где моя шляпа?

Пришлось Кубарику и шляпы сравнивать: сначала синюю с красной, потом красную с зеленой и еще синюю с зеленой.

Разложил Кубарик шляпы на траве. Также по величине. Вот так: зеленая, синяя и красная, самая маленькая.

Выбрал Кубарик самую большую шляпу. И дал ее самому высокому крокодилчику. Потом взял шляпу поменьше. Дал ее тому крокодилчику, который был пониже. А самую маленькую шляпу надел на самого низкого крокодилчика.

— Спасибо тебе, Кубарик. Теперь мы и домой можем идти, — сказал Крокодил.

— Спасибо тебе, Кубарик, — сказали крокодилчики.

— Извините, — сказал Кубарик. — Не попадались ли вам человечек в зеленом колпачке? Это мой друг. Он потерялся.

— Извини нас. Но мы не видели, — сказал Кро-кро.

— Что же мне делать? — сказал Кубарик.

— А вот что, — сказал Кро-кро. — Иди прямо. Там будет яма. Обойдешь яму, выйдешь на поляну. Там

на поляне, в густом тумане стоит дом.

— Там живет Гном, — хором сказали крокодилчики.

— Он все знает, — сказал Крокодил. — Только все забывает.

— Спасибо. Большое спасибо, — сказал Кубарик. И пошел прямо.

Сначала ребенок пусть сравнивает только два предмета: два домика, два других домика, две куклы и еще две куклы и т. д. Когда начнете обучать сравнению трех предметов, обязательно покажите правильный способ сравнения и следите, чтобы малыши устанавливали равенство или неравенство, пользуясь этим способом, а не просто на глаз. Напоминаем вам способ сравнения, которому следует обучить ребенка. Лежат три платья. Берем любые два платья, сравниваем их — то, которое больше по длине, откладываем в сторону, а меньшее оставляем у себя. Берем третье платье и сравниваем его с тем, которое в руках. Откладываем в сторону более длинное, а покороче оставляем у себя. Так мы нашли самое короткое платье. Теперь сравним два отложенных платья и найдем более короткое. Кладем его рядом с третьим платьем и видим, что все платья расположены «по возрастающей».

Такая подробная словесная инструкция ребенку не нужна. Ему важно понять, что каждый раз мы выбираем из двух предметов — меньший. Специально покажите, что можно искать не только меньший, но и больший предмет, — главное, до конца сравнения придерживаться одного принципа (или больший, или меньший). В зависимости от этого предметы будут располагаться или от меньшего к большему (от самой низкой до самой высокой елочки), или наоборот (от самой большой до самой маленькой куклы).

29. КАК ГНОМ УКАЗАЛ ТОМАТИКУ ДОРОГУ

Цель главы — продолжать развивать пространственные представления у детей. Вопросы задавайте ребенку во время чтения. Помогите ему ответить на вопрос: «У кого встретились в гостях Гном и Лесовик?»

Вот что было с Кубариком. А что случилось с его другом?

Шел, шел Томатик в тумане и вышел на поляну. А посредине поляны стоял желтый дом под красной крышей. Из трубы вился дымок. Значит, хозяин был дома.

Тук-тук-тук! — постучался Томатик в двери домика.

— Входите, гости дорогие, — по-

слышалось оттуда. И Томатик вошел в дом.

Старый Гном сидел в глубоком кресле. И гладил свою зеленую бороду. Глубоко задумался. Даже глаза закрыл.

— Здравствуйте, — сказал Томатик.

— Здравствуйте, — ответил Гном, не открывая глаз.

— Скажите, пожалуйста, не можете ли вы показать мне дорогу в страну Игрушек?

Гном и тут глаз не открыл.

— Не могу, — сказал он.

— Почему? — удивился Томатик.

— Я думаю, — важно ответил старый Гном. — Я так ушел в свои мысли, что не могу выйти оттуда.

— А о чем вы думаете? — спросил Томатик. — Может быть, мы подумаем вместе?

— Вместе? — спросил Гном и приоткрыл один глаз. — Ну что ж, давай вместе. Вот. Был я вчера в гостях. У Мышки был, у Зайчишки был, у Бычка был, к Сверчку заходил. Ну как, запомнил?

— Запомнил, — сказал Томатик, —

— Были вы у Мышки, Были у Зайчишки, Были у Бычка, Были у Сверчка.

— Молодец, — сказал старый Гном. — Слушай дальше. Брат мой, Лесовик, тоже вчера в гостях был. Вот у кого: у Лисицы был, у Синицы гостил, Мышку навещал и Волчишку посещал. Запомнил?

— Запомнил, — сказал Томатик, —

— Был он у Лисицы, Был он у Синицы, Навещал Мышку, Посещал Волчишку.

— Ох, — вздохнул старый Гном. — Вот память молодая! Все правильно. Встретились я и брат у кого-то в гостях. А у кого — никак вспомнить не могу. Помоги мне!

— Попробую, — сказал Томатик. «У кого встретились в гостях Гном и Лесовик?»

— Это у Мышки вы встретились! — сказал Томатик.

— Верно, — открыл глаза Гном. — У нее, у Мышки. В норке сидели, песенку пели. И сегодня туда пойти уговорились. Любим мы у Мышки песни петь. Спасибо тебе, Зеленый Колпачок.

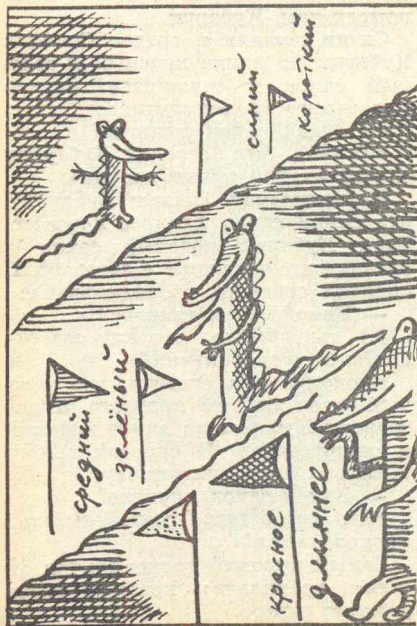
И старый Гном засуетился: стал к Мышке в гости собираться.

— Постойте, — сказал Томатик. — А как же я? Вы же мне обещали...

— Что обещал? — удивился Гном.

— Дорогу в страну Игрушек показать.

— Ох, ох, совсем забыл. Вот память стала — совсем никуда. Иди

все прямо, все прямо, Зеленый Колпачок. Возле пенька поверни направо. Опять иди прямо и прямо. Около гриба поверни налево. Выйдешь на опушку. Увидишь Печального Клоуна. А там уже рукой подать.

30. КАК КУБАРИК НЕ ТУДА ПРИШЕЛ

В этой главе ребенок знакомится с числом два.

А в это время Кубарик шел все прямо и прямо. Тоже к старому Гному. Вдруг оступился. Еле удержался за куст. Яма перед ним глубокая — дна не видно. И лягушки оттуда квакают:

— Бре-ке-ке-ке — яма,
Бре-ке-ке — канава,
Не ходи налево,
А иди направо.
Бре-ке — королева,
Бре-ке — там упала.
Не ходи налево,
А иди направо.

— Так я и поверил вам, лягушки, — сказал Кубарик. — Подумай, королева упала. А я не упаду. Налево пойду.

И пошел Кубарик налево. Позабыл, что надо ему обойти и дальше прямо идти.

Вышел Кубарик на поляну. На поляне домик стоит. Из трубы дымок идет: значит, дома хозяин.

— Тук-тук! — постучал Кубарик кукиком в двери. Никто не ответил.

Тук-тук! — постучал Кубарик снова. И двери открылись.

Вошел Кубарик в домик. А в домике — чудеса. Варежки, перчатки, башмаки, валенки по комнате ле-

тают. А посредине комнаты стоит кто-то: маленькие ручки, маленькие ножки и большая рыжая борода. Из бороды синие глазки выглядывают.

— Здравствуйте, Гном, — сказал Кубарик.

— Здравствуй, — сказала борода. — Только я не Гном. Я его брат, Лесовик.

— Но ведь я шел к старому Гному, который все знает и все забывает, — сказал Кубарик.

— А пришел ко мне, — сказал Лесовик. — Так часто бывает. Идут к брату, а приходят ко мне. Идут ко мне, а приходят к брату. Такая у нас Загадочная страна.

— А как же мне старого Гнома найти?

— У Мышки, — сказал Лесовик. — Мы сегодня к ней в гости идем. Песни петь.

— Так идемте скорей!

— Не могу, — сказал Лесовик. — Не могу башмаки найти.

— А вы наденьте валенки, — сказал Кубарик.

— Валенки у меня один.

— А где еще один? — спросил Кубарик.

— Другой потерял, — ответил Лесовик.

— А вы наденьте сапоги, — посоветовал Кубарик.

— Сапог у меня тоже один.

— А вы наденьте на ноги варежки, — сказал Кубарик. — Все-таки теплее будет.

— И варежка у меня одна. Другую потерял.

— Ой, какой вы растеряха! — сказал Кубарик.

— Растеряха, — согласился Лесовик. — Вот башмак я еще не потерял.

— Как, и башмак только один? — удивился Кубарик. — Ну ладно, я попробую разыскать ваши башмаки.

На полу лежали вещи. И на кровати лежали вещи.

«Какие вещи лежат на полу?»

На полу лежали сапог, перчатка, башмак и валенок.

«Какие вещи лежат на кровати?»

На кровати лежали рукавичка, шарфик, тапочка и башмак.

— Вот один башмак, — сказал Кубарик. — А вот еще один — на кровати. Один и еще один — два башмака.

— Верно, — согласился Лесовик, — а то я искал, искал.

Надел Лесовик свои башмаки. Да поспешил.

Неправильно надел: глядят башмаки в разные стороны.

— Ой, вы башмаки не так надели! — засмеялся Кубарик.

— А как надо? — спросил Лесовик.

— Надо — наоборот. На правую ногу — правый башмак, на левую — левый, — сказал Кубарик.

— Спасибо, — сказал Лесовик.

И надел башмаки правильно.

— Где моя зеленая курточка? — спросил Лесовик.

— Вот растеряха! — сказал Кубарик.

Посмотрел вокруг — и нашел зеленую курточку.

— А где моя зеленая шляпа? — спросил Лесовик.

Посмотрел Кубарик вокруг — и нашел зеленую шляпу.

И отправились Лесовик и Кубарик к Мышке.

Ребенок познакомился с числом два. Попросите его принести два предмета: два кубика, две куклы, два стульчика. Каждый раз уточняйте, что два больше, чем один, один меньше, чем два. Можно использовать такой прием: положите справа два предмета, например кубики, слева — один такой же предмет и сравнивайте их.

31. КАК ПЕЧАЛЬНЫЙ КЛОУН УЛЫБНУЛСЯ

Цель главы — еще раз показать способ сравнения нескольких предметов по величине. Вопросы задавайте во время чтения.

А что с Томатиком случилось?

Вышел маленький человечек на опушку леса. А на опушке, на березовом пеньке сидел Печальный Клоун. И слезы катились из его больших глаз.

Томатик хотел спросить у него дорогу к игрушечному городу. Но подумал, что надо сначала узнать, почему Клоун плачет.

— Что с тобой, Печальный Клоун? Кто тебя обидел?

— Вот и ты меня называешь Печальным, — сказал Печальный Клоун. — А раньше я был Веселым. — И он заплакал еще горше.

— Да перестань ты плакать, — сказал Томатик. — Расскажи мне все по порядку.

Клоун достал из глубокого кармана большой голубой платок и вытер слезы. И потом запел:

Ах, был я самым веселым

И в городе, и в лесу!

Я на верхушке башни

Умел стоять на носу.

На тонкой паутинке

Я танцевал не раз.

Но, ах, однажды утром

Она оборвалась.

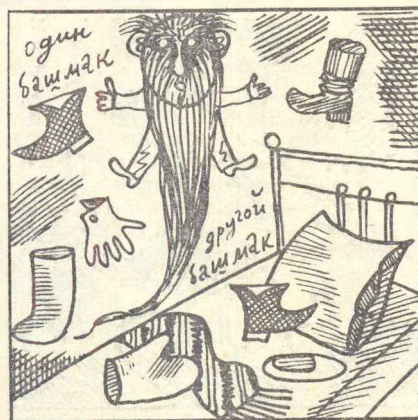
И я в траву свалился,

Себе раскрасил нос.

А страшный Паучище

Мой колпачок унес.

— Но это еще ничего, — продолжал печально Клоун. — Вредный Паук повалил мою башенку, мою

веселую пирамидку — и был таков. Все колесики раскатились. Где я теперь буду стоять на моем бедном носу? — И Клоун заплакал еще громче.

— Перестань плакать, — сказал Томатик. — Я вот потерялся и то не плачу.

— Да, а как же моя пирамидка? — плакал Клоун.

— А ты ее собери снова, — посоветовал Томатик.

— Уже собрал. Вот, — показал Печальный Клоун.

Посмотрел Томатик. Стоит у куста разноцветная пирамидка.

«Правильно ли собрана пирамидка? Почему неправильно?»

— Да ты просто строить не умеешь, — засмеялся Томатик.

— Не умею, — признался Печальный Клоун.

— Да ты что, не учился пирамидки строить?

— Не учился, — вздохнул Печальный Клоун.

— Так давай я тебя научу, — предложил Томатик.

— Научи, — сказал Клоун. И перестал плакать.

— Только ты мне будешь помогать! — сказал Томатик.

— Буду, — согласился Печальный Клоун. — А как?

— Рассыпь пирамидку. Положи все колечки рядом! — распорядился Томатик.

— Положил! И желтое, и синее, и зеленое, и красное. Они все разной величины! А с чего начинать?

И Печальный Клоун опять собрался заплакать.

— Не плачь! — сказал Тома-

тик. — Будем сравнивать по два кольца. Возьми синее и красное кольца. Положи одно на другое. Какое кольцо больше?

— Синее, — ответил Печальный Клоун.

— Теперь отложи в сторону то кольцо, которое поменьше. Синее кольцо сравни с другим кольцом.

— Я его сравню с зеленым. Можно? — спросил Клоун.

— Можно, — ответил Томатик. — Какое кольцо больше?

— Синее! — сказал Клоун.

— Опять сравнивай синее кольцо с другим, — посоветовал Томатик.

— Осталось желтое. Сейчас узнаю, больше синее или желтое кольцо. — И Клоун положил желтое кольцо на синее.

«Какое кольцо больше?»

— Вот ты и нашел самое большое кольцо! — сказал Томатик. — Отложи его. И опять ищи самое большое кольцо. Из тех, что перед тобой. Понял?

— Понял! Понял! — обрадовался Клоун.

Он сравнивал красное кольцо с желтым, красное оказалось больше. Потом сравнил красное кольцо с зеленым. Красное опять оказалось больше. И еще сравнил Клоун желтое и зеленое кольца.

Разложил Томатик все кольца по порядку: синее, желтое, зеленое и красное.

«Какое сначала наденем кольцо на пирамидку? А потом? А после желтого? Какое кольцо будет сверху?»

Стал Томатик на палочку колесики надевать. Сначала самое боль-

шое синее, потом поменьше — желтое, потом еще меньше — зеленое и самое маленькое — красное.

— Готово, — сказал Томатик. — Вот так нужно собирать пирамидку, понятно?

— Ага, — сказал Печальный Клоун. — Еще шишечку на верхушку посади.

Посадил Томатик на верхушку белую шишечку. Захлопал Клоун в ладоши:

— Теперь я снова Веселый Клоун. Самый веселый! Спасибо. Большое спасибо!

И Клоун мигом забрался на пирамидку. Встал там на носу и запел веселую песенку:

— Опять я самый веселый
И в городе, и в лесу!
Я на верхушке башни
Опять стою на носу!

— Постой, постой, — закричал Томатик. — Скажи мне только, как найти город.

— Вон, смотри, башенку видно, — сказал Клоун.

Хотел Томатик к городу бежать. Как вдруг увидел у дерева неподалеку... Точно, его крылечко стоит. А Кубарика не видно.

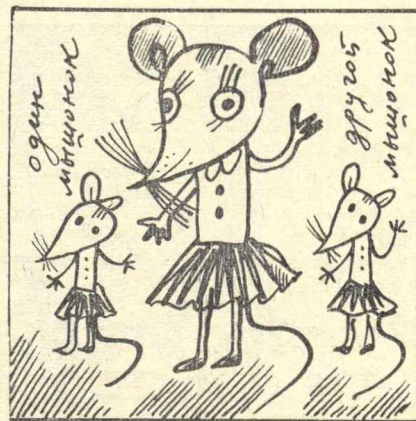
— Кубарик! — позвал Томатик. — Кубарик!

Где же Кубарик?

Предложите ребенку разобрать пирамидку и, пользуясь описанным способом, собрать ее. Сделать это лучше сразу же после чтения главы.

Сначала действия малыша будут медленными. Но постепенно он научится сравнивать кольца быстрее.

Художник В. Стацкий

32. КАК КУБАРИКУ ГНОМ ДОРОГУ ПОКАЗАЛ

Цель главы — продолжать знакомить ребенка с числом два. Уточнить понятия «поровну», «непоровну», «столько, сколько».

А Кубарик между тем шагал вслед за Лесовиком к Мышке.

Вот и резной теремок, где Мышка живет. Мышка на пороге гостей встречает. Дверь открывает. В терем приглашает. И мышата выскочили. Один мышонок. За ним еще один.

«Сколько мышат выскочили из теремка?»

— Лесовик! Лесовик в гости пришел!

— Не бойтесь. Это Кубарик, — сказал Лесовик.

— Здравствуй, Кубарик. Заходи в теремок, — сказала Мышка.

— Здравствуй, Мышка, — сказал Кубарик. — А у тебя человечка в зеленом колпачке нет?

— Нет, — сказала Мышка.

— Тогда позови мне, пожалуйста, Гнома, который все знает, — сказал Кубарик.

— Да нет его. Не приходил еще.

— Не приходил... — сказал Кубарик.

— Как не приходил? — спросил Лесовик. — Ну, наверное, опять дорогу забыл.

— Но ведь он все знает, — сказал Кубарик.

— И все забывает, — пропели мышата.

— Надо его найти, — сказал Лесовик.

И побежали по тропинке к домику Гнома.

«Кто бежит впереди? Кто позади? За кем бежит мышка?»

Впереди — Лесовик. За ним — Кубарик. За Кубариком — Мышка. А за Мышкой — мышата.

Смотрят, у поворота стоит старый Гном, зеленая борода. Бороду в кулак зажал. Думает.

— Ты что в теремок не идешь, братец? — спросил Лесовик.

— Дорогу забыл, — сказал Гном.

— Так ведь вот она, дорога, — показал Лесовик.

— А может быть, она ведет не туда, — сказал Гном.

— Туда, туда! — запищали мышата.

— А вот и не туда, — сказал Гном. — Я все знаю. Смотрите. Раньше здесь у поворота стояло столько же елок, сколько и берез. А теперь?

«Поровну здесь берез и елок?»

И стали мышата проверять:

— Вот одна елка и одна береза.

Еще одна елка и одна березка. А здесь одна елка. А где же березка?

— Вот видите, — сказал старый Гном. — Одной березки не хватает. Значит, дорога ведет не туда.

Посмотрел Кубарик. И верно: все елки с березками, а у этой — нет. Попробовал копытцем. Пенек.

— А здесь пенек, — сказал Кубарик.

Набежали мышата, запищали: «Пенек!»

— Значит, была березка, — сказал Лесовик.

— Верно, была. Вспомнил! Я ее сам спилил. Теперь я знаю, эта до-

рога ведет туда. Я — Гном, который все знает.

— А не знаете ли вы, — спросил Кубарик, — где сейчас мой друг?

— Знаю, — быстро сказал Гном. — Тебя ждет.

— Где? Где? — заволновался Кубарик.

— У опушки леса. Слышишь, зовут?

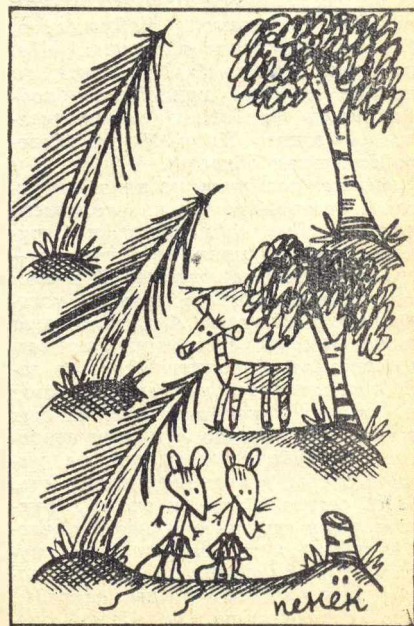
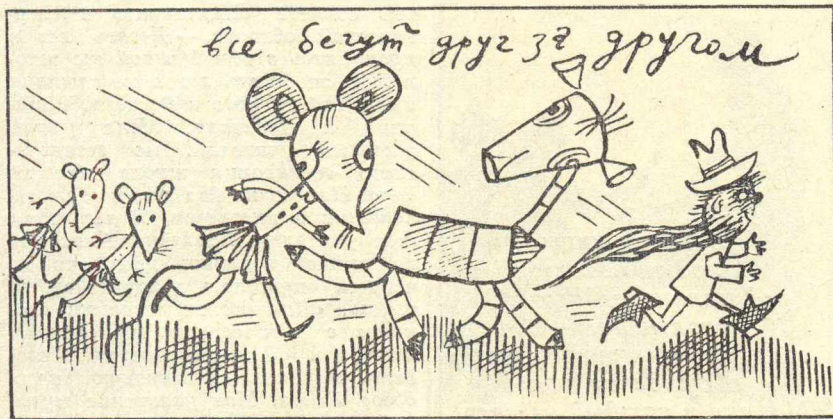
И тут все услышали далекий голосок:

— Кубарик! Где ты?

— Здесь! Здесь! — закричал Кубарик. И побежал навстречу.

Продолжайте знакомить ребенка с числом два. Рассмотрите, каких предметов всегда бывает по два: две варежки, два носка, два чулка, два ботинка. Пусть ребенок покажет части тела, которых у него по два: две руки, две ноги, два глаза, два уха. Для сравнения пусть назовет и те части тела, которых по одной, — нос, рот. Поищите среди игрушек те, которых у ребенка по две. Их надо сравнивать по количеству с теми игрушками, которые у ребенка есть только в одном экземпляре: «У меня два стульчика, а стол один, два зайчика, а мишка один».

Окончание следует

Все началось с письма старшеклассницы Тани Т., которая о себе и своих сверстниках — школьниках одного из небольших наших городов сказала, что они чувствуют себя обкраденными, так как, по ее словам, обидно и больно «жить рядом с Музыкой и не понимать ее». Таня спрашивала совета, как быть, если у нее нет врожденного таланта, если ей уже семнадцать, и музыка — «что-то большое, великое и красивое» — ей недоступна. Можно ли помочь Тане, а вместе с ней всем тем, кому уже семнадцать и кому только семь? Сделать так, чтобы наши дети не чувствовали себя чуждыми кругу глубоких музыкальных впечатлений и потом никогда не испытывали обиды и боли за упущенное? Что для этого делаем мы и, главное, что еще для этого нужно сделать?

К ответам на примерно такие вопросы хотели мы прийти, начиная рубрику «Музыка и каждый из нас». Оговоримся сразу. Думается, что нам с вами еще рано, пожалуй, приступать к категорическим выводам и обобщениям. У нас только начался обмен мнениями, и мы будем советовать, предлагать, обсуждать, делиться своими соображениями и даже запальчиво спорить друг с другом.

Наиболее запальчивы, конечно, сами «виновники» разговора: школьники, подростки, молодежь.

«Мне 16 лет. На музыкальный слух я не обижаюсь и пою тоже неплохо. Я очень люблю современные песни, понимаю их по-своему, но не пойму, к чему пишут симфонии, оперы, романсы?.. На улице у нас всегда говорит радио. И как только заиграют Чайковского, Глинку, раздаются возгласы: «Ну, начались молитвы!» Мне тоже, по правде сказать, приходилось поддерживать подобные высказывания», — пишет Нина Жогла (Северо-Казахская область).

«Пишет вам ученица пятого класса. Я думаю, что вы мне можете решить один вопрос, который мучает многих моих сверстников — это современная музыка. Я и моя сестра очень любим музыку, которую поют «битлз» Англии, а наша мама категорически запрещает нам слушать ее и говорит, что этот запад и навлекает на детей безумие и именно такой музыкой. И еще мама говорит, что в нашем возрасте нам надо слушать русские песни и оперы, а нам это неинтересно. Моей сестре 16 лет, и она и я просим маму купить магнитофон, чтобы записывать эту западную музыку, а она не хочет, и сестра говорит, что у мамы отсталые взгляды, что современную молодежь опе-

музыка и каждый из нас

без рецептов

Эти страницы
сегодня отданы
родителям, педагогам,
школьникам —
всем, кто принял участие
в обсуждении темы
«Музыка и каждый из нас»,
всем, кто следит
за нашей рубрикой

рами не увлечешь, и мы все споделим...»

Письмо это, осторожно подписанное «Надя Л.» и, честно говоря, вызывающее подозрение, что его написала не пятиклассница, а ее старшая сестра или еще кто-то другой, заканчивается прямо-таки «воплями утопающего»: «Дорогая редакция, пожалуйста! помогите!! нам!!!» Правда, Надя не уточняет, чем конкретно должны мы помочь двум сестричкам: послать ли им почтой желанный магнитофон, или всего только приказать их отсталой маме отныне считать оперы устаревшими, а ее дочерей — людьми с передовыми вкусами?..

Сергей Репин из Омска — молодой человек, недавно вернувшийся из армии, — подходит к вопросу о серьезной музыке еще более категорично, но с иных позиций. Обращаясь к Тане Т., он пишет: «Ты просто внушила себе, что в серьезной музыке скрыт какой-то великий смысл, непонимания которого ты и страшись. Я думаю, что его там нет. Если бы он был, для чего бы нужно было композитору маскировать его от большинства людей, не лучше было бы выражать его словами, как это делают писатели и поэты?» Сергей боялся, что письмо его не будет опубликовано: «Уж слишком я откровенно написал о серьезной музыке». Но, спрашивается, почему же не опубликовать? Нужно, необходимо опубликовать! Ведь и Сергей, и еще многие своей откровенностью прямо говорят, сколь велика бывает музыкальная неразвитость...

«Вот уже двенадцать лет я работаю в школе преподавателем русского языка и литературы. Биография Тани чем-то похожа на мою, — делится с нами Ксаверия Алексеевна Мингазова, которая учит детей совхоза «Пахтаарал» в Чимкентской области. — Десять лет я проучилась в одной и той же школе. И за десять лет я не слыхала имен Чайковского и Вагнера, Шопена и Левитана. Меня учили опытные учителя... но эстетического воспитания школа мне не дала. Ничего не дал мне в этом отношении и институт». И вот, сама став учителем, Ксаверия Алексеевна решает подарить детям то, до чего ей «пришлось доходить своим умом». «Мои десятиклассники знакомы с творчеством Чайковского, полюбили «Лунную сонату» Бетховена, слушали «Венгерскую рапсодию» Листа. Мое увлечение музыкой и живописью постепенно стало передаваться моим детям. Но странное дело! У некоторых учителей стало складываться мнение, что я занимаюсь пустяками. Мне при-

илось услышать такие реплики в свой адрес: «Да убери ты своего Чайковского из плана!», «Вашу оперу я и бесплатно не хочу слушать, не то что за деньги...»

Что тут ответишь? Очень уж это высказывание «солидарно» с выше-приведенными мнениями Нади Л. и Сергея Репина.

Эмоциональный мир человека отнюдь не подобен миру его знаний. И если, предположим, кого-то не научили таблице умножения, на том его математическое образование и закончится. Но если вы не дали ему представлений о настоящем искусстве — он вместо этого воспримет подделку, «дешевое» посчитает за ценность, суррогат примет за пищу. Потому что, как рты у птенцов, чувства детей постоянно и жадно раскрыты навстречу любым впечатлениям, которые и глотаются без разбору, если «кормящему» все равно, чем их дети питаются.

К числу тех, кому, как и педагогу К. А. Мингазовой, «не все равно», относится С. Дегтярева — директор детских яслей-сада «Аленушка» в совхозе «Красноармеец» Донецкой области. За строчками ее письма виден человек темпераментный, увлеченный и, может быть, резковатый в суждениях, когда речь заходит о детях:

«Лет с 14 до 23 думала, сойду с ума, так как в голове у меня постоянно была музыка, своя или слышанная где-то, когда-то. Хотелось записать, играть, дирижировать... Но увя! — 6 человек детей без отца. Не знала даже нотную систему. Заставляла себя забыть все, не слушать радио, музыку. Но потом кое-что удалось мне...

И вот Ваша статья. Что могу делать для людей я? Первое, что сделала, пришла на работу в ясли-сад, — купила проигрыватель, немного пластинок (денег мало), потребовала у совхоза купить телевизор. Купили. И купим пианино. Меня ругают, что я трачу много денег: «Без музыки можно прожить, а вот без мыла и соды?» (Это старший бухгалтер). Но все равно буду тратить деньги на ноты и музыкальную литературу, на пластинки и музыкальные игры.

Когда я попросила директора музыкальной школы г. Красноармейска прочитать для сотрудников детского сада лекцию о классической музыке — отказ: нет инструмента. О песенном творчестве — отказ. До сих пор жду. Люди тянутся к искусству. Есть магнитофонные записи, есть баяны. Можно бы приехать, близко — нет желания».

Уважаемый товарищ директор музыкальной школы города Крас-

ноармейска! Уверены, что Ваши качества музыканта-профессионала не подлежат никакому сомнению. И именно по этой причине мы горячо поддерживаем просьбу директора детского сада С. Дегтяревой. Пожалуйста, проведите — Вы или Ваши коллеги — цикл лекций о музыке для сотрудников сада, для работников совхоза, для тех, чьи дети, возможно, пойдут учиться в Вашу же школу.

Равнодушие к делу музыкального воспитания — скажем об этом определенно — явление распространенное. Оно возникает от непонимания того, какое огромное место уделено ярким, сильным эмоциям, а в их числе и музыкальным, в духовной жизни ребенка, подростка, юноши. К чему это непонимание может приводить, видно из письма, в котором, к сожалению, не было ни имени, ни адреса отправителя. По штемпелю на конверте мы узнали, что оно из Череповца. Вот исповедь, на которую автор решился, прочитав статью «Сложный мир шести гитарных струн»: «Я просто поражен, до чего все взрослые ненавидят гитару и гитаристов. До 8-го учился почти на «пяť», перешел в другую школу и скатился до двоек. Все шишки посыпались на гитару, хотя я занялся ею только в 10-м классе. Я создал ансамбль, который уже через месяц считался одним из лучших в городе. Мне же играть запретили. Ансамбль просуществовал три месяца. На уроках ежедневно сыпались замечания: «Все о гитаре думаешь, на другое ума нет». Сначала терпел, сейчас же на любое замечание отвечаю грубостью, чего за всю жизнь от меня ни разу не слышал ни один учитель.

Дома, да и во дворе история та же. Гитару я действительно полюбил. Это самый «богатый» инструмент на свете. Я отлично понимаю и люблю классическую музыку, например, Сен-Санса, Бородину, Чайковского, Грига. Пишу сам. Люблю эстрадную музыку. Достоинств у современной музыки много, описывать их не буду, потому что я убедился: взрослым ничего не докажешь.

Для меня это все свято. Все же над этим издеваются! Как после этого уважать взрослых людей?! Как?! Я бы написал еще, но боюсь, что напишу очень резко. А писать у меня есть что! Но на первый раз хватит. Я высказался, а вы уж разбирайтесь».

Этот «сердитый» юноша из Череповца прав: разбираться надо нам. Этим мы сейчас и занимаемся на страницах журнала. Разбираться надо и тем, кто окружал его, кто

ожесточил парня, и вместо умного и тонкого воздействия, основанного на взаимопонимании и взаимоуважении, применял по отношению к нему лишь запреты и окрики. Мы обращаемся к парню: если действительно есть о чем писать, напиши нам еще раз. Поговорим, подумаем. И не забудь об обратном адресе...

«Решил принять участие в этом разговоре, во-первых, как отец (в этом году мой сын Лева пойдет в школу), во-вторых, как педагог. Правда, моими учениками являются студенты, а не школьники, но в области музыкального воспитания я не вижу большой разницы между школьниками старших классов и студентами младших курсов».

С этой мысли начинает свое выступление А. М. Орловский — старший преподаватель кафедры высшей математики Ивановского химико-технологического института. С увлечением, образно и подробно рассказывает он о систематической, глубоко продуманной работе над расширением музыкального кругозора студентов, которую ведут он и его коллеги. Удивительное и отрадное явление: математик, окончивший Московский университет, не раз бывший на вечерах, которые устраивает в МГУ академик П. С. Александров (о них рассказывалось в одной из статей нашей рубрики), теперь сам, как и его учитель, занят пропагандой музыки! (Мы часто говорим об эстафете знаний, переданных от педагогов ученику; но настоящие педагоги вместе со знаниями передают питомцам и свою культуру, и тогда эстафета становится действительно прекрасной).

А. М. Орловский проводит в студенческих группах вечера, на которых идет речь о творчестве великих композиторов, их музыка звучит в грамзаписях и в фортепианном исполнении самого инициатора вечеров или студентов городского музыкального училища. Кстати, А. М. Орловский совершенно справедливо придает наибольшее значение именно «живому» исполнению: пусть даже оно и не будет профессионально, но зато слушатель становится при этом более сопричастным творчеству исполнителя, потому что таинство возникновения музыки свершается в данный момент и «на глазах».

Нам — редакции и автору — интересно и, не скроем, радостно было узнать, что в институте, где преподает А. М. Орловский, во время одного из музыкальных вечеров был устроен диспут, поводом к которому послужила статья «Таня, музыка и...» Нет здесь возможности рассказать обо всем, что гово-

рилось на обсуждении статьи, но студенты высказали множество умных, дельных мыслей — и о понимании сущности музыки и о проблемах ее пропаганды. Вот некоторые из них:

«Современные танцы не могут быть такими же медленными, как менуэт или полонез в XVIII—XIX веках, они соответствуют бурному темпу нашей эпохи.

Джаз — это не только ритм. В нем и мелодия и гармония — надо только уметь их услышать».

Любовь к эстрадной музыке — естественное явление. Но плохо, что большинство увлекается только эстрадной. Нельзя развиваться одно-сторонне.

Чтобы оценить красоту музыки, надо уметь ценить прекрасное в жизни, любить природу, животных, быть добрым, отзывчивым.

Молодежь не идет на симфонические концерты, потому что в выходные дни любит повеселиться, отдохнуть, а серьезная музыка — не для отдыха, а для размышлений. Лучше такие концерты устраивать в будничные дни...

Последнее высказывание (признаться, довольно спорное по существу) содержит в себе уже предложение — одно из многих, внесенных участниками дискуссии. Но о предложениях наших читателей будет речь впереди, и там мы вновь вернемся к письму А. М. Орловского.

А пока — вот его вывод: «Диспут оказался очень полезным и заставил многих слушателей пересмотреть свое отношение к классической музыке».

Замечательный музыкант, наш крупнейший пианист и педагог Генрих Нейгауз сказал однажды, что ученику важнее «иметь хороших родителей, чем хороших учителей». Конечно, эти слова не больше чем шутка. Однако же кто из нас не знает, что хорошие педагоги и в самом деле бессильны, если ребенок в руках плохих родителей. А во всем, касающемся эстетического, культурного воспитания без чуткого родительского руководства тем более не обойтись. И, пожалуй, знаменательно, что со словами Нейгауза перекликаются взгляды Г. Панько из Кишинева (она — домохозяйка, муж ее — шофер), которая, рассказывая, как они учат своих детей музыке, замечает: «Я считаю, что много терпения, находчивости и заинтересованности нужно иметь не столько детям, сколько родителям». Да, они и есть настоящие, хорошие родители: «В детском садике заметили особые способности старшей к музыке. Мы решили купить пианино. Честно го-

воря, был соблазн купить на эту сумму импортную мебель, но возможность учить детей музыке не давала нам права поступить иначе. Платили в кредит... Когда посоветовали вторую дочку отдать на струнное отделение, мы даже огорчились. Потом заинтересовались. Сходили на концерт известного виолончелиста, полюбили этот нежный инструмент. Мы ждем не дождемся дня, когда девочки смогут исполнить дуэт для фортепиано и виолончели. Ноты уже лежат на книжной полке. Подрастает младшая. Мы купили ей скрипку. Пройдет еще несколько лет, а там, глядишь, будет трио сестер. Некоторые спрашивают, для чего мы тратим столько средств и здоровья на музыку? В наше время есть все возможности сделать детей духовно богаче. Пусть не все станут музыкантами. Главное ведь — любить музыку...»

Таких родителей, как отец и мать Панько, много. Не ошибусь, сказав, что к их числу нужно отнести всех, кто поделился с нами опытом, раздумьями, наблюдениями, рассказали о себе и о своих детях, о своем отношении к теме нашего общего разговора. Вот их голоса:

«Детство мое и юность прошли в тяжелые военные и послевоенные годы. В то время мы не думали, любим мы музыку или нет... Когда мои дети подросли, мы с мужем определили их в музыкальную школу. На одном из родительских собраний преподаватель попросила родителей по возможности помогать детям в музыкальных занятиях. Оказалось, что никто не умеет играть. После собрания я подошла к преподавателю и попросила дать мне несколько уроков. Она охотно согласилась. И вот случилось невероятное. Я, мать троих детей, после ночного дежурства в больнице спешу не домой, а в музыкальную школу! На следующий год я была принята в первый класс... И это в 34 года! Не скрою, было довольно трудно. Сейчас, когда мне очень трудно бывает или устаю, открываю пианино. И усталость проходит, на душе становится тепло и радостно». (М. Дурнева, г. Благодарный Ставропольского края).

«Работая я в детском саду. Сама имею двух дочерей-дошкольников. Очень люблю музыку, но понимаю ли ее? Не знаю. Она доставляет мне большую радость, наслаждение и отдых. Хочу, чтобы дети мои обязательно научились играть на музыкальном инструменте. Мечтаю в недалеком будущем купить пианино. Не знаю, насколько все это мне удастся, но я так хочу и уверена, что обязательно научу их. Пока самостоятельно изучаю нот-

ную грамоту и свои крохотные знания по музыке передаю старшей дочери. Музыка — великопеленная вещь». (С. Сафнуллина, г. Агрыз Татарской АССР).

«Первым, кто привил мне любовь к музыке, была моя мама. Она мне часто пела песни и мы вдвоем с ней пели. Это было время послевоенное. Вы помните, какие тогда пели песни?! Смысла некоторых я не понимала... С восьми лет я осталась без мамы. Отец мой мало уделял мне внимания. Укрепил мою любовь к музыке мой двоюродный брат, он хорошо играл на баяне. А вот любовью к большой классической музыке обязана я нашему Всесоюзному радио. Я очень ему благодарна. Случалось ходить мне на концерты в консерваторию, но часто не могла, для этого не было денег. Ходила на концерты пешком, через весь город, а одета всегда была легко и мерзла. Прошло уже много лет с тех пор. Теперь на свою жизнь пожаловаться не могу. У меня хорошая семья. Любовь к музыке у меня не остыла, скорее наоборот, я ее стала чувствовать острее и глубже. Это прекрасное сладчайшее бремя я буду нести всю жизнь в себе и передам своим детям». (В. Шумилова, г. Зеленоград).

Авторы этих и многих других подобных писем, где каждая строка — частица судьбы и отклик душевных переживаний, часто заканчивают словами смущения за то, что «захотелось рассказать о себе и написала, как получилось, от души». Спасибо всем вам за это! Спасибо и потому еще, что никто, говоря о своем жизненном опыте, не забывает найти в нем что-то полезное для других и помочь выбрать путь к музыке тем, кто в этом нуждается. Некоторые — например, О. Попова из деревни Зимняк Кировской области — считают, что этот путь заключен в чутком восприятии природы: «В несравненном концертном зале Природы можно услышать музыкальные концерты на любой вкус». И далее следует развернутое, очень поэтичное описание звуков живой природы. Другие — Г. Гурская, работница из Черкасс, школьница Нина Дементьева (Ростов-на-Дону) — говорят о том, что глубокое постижение музыки может прийти в минуты сильных душевных волнений, когда чувство счастья или, напротив, большого горя, чувство любви делают человека восприимчивее к музыкальным впечатлениям.

Задумываясь над тем, как мы воспринимаем музыку, некоторые из читателей призывают «на помощь» кино. Они считают про-

смотр фильмов, где музыка связана со словом и зрительными образами, едва ли не самым действенным способом развития музыкальности. Студентка из Самарканда Р. Мехри приводит в связи с этим слова своей подруги: «Всю красоту и эмоциональность скрипки я почувствовала, когда услышала ее в фильме». Действительно, очень распространено мнение, что музыка становится доходчивее, когда она связана с действием, содержанием, зрительными впечатлениями. Немало есть людей, которые стараются, слушая музыку, перевести ее звуки в чередование определенных картин. Так, А. Старик (поселок Луганское Донецкой области) описывает целый сценарий «фильма», который видится ему при исполнении одной из «Хоральных прелюдий» Баха. «Но разве это хотел сказать Бах? Наверно, нет! — приходит А. Старик к выводу и с полемическим пылом спрашивает: — А если я слышу только это, что вы мне сделаете?» А вот что: приведем здесь другое письмо: «Я воспринимаю музыку как нечто цельное и единое, она вливается в меня как какой-то оздоровительный напиток, — пишет студентка А. Худова (г. Казань) и заочно спорит с А. Стариком: — Тем, кто считает, что нельзя понять музыку, не воплощая ее в зрительные образы, хочется сказать, что это свидетельствует о еще невысоком уровне музыкальной культуры».

Что ж, об этом можно и нужно спорить... А пока давайте перейдем к той части высказываний, где прямо говорится о проблемах музыкального воспитания и образования.

Можно выделить значительную группу писем, где обсуждается постановка работы на уроках музыки в школе. Отношение к урокам музыки как к чему-то второстепенному — беда, от которой нужно избавиться всем. Так считают и родители и сами педагоги. Сразу в нескольких письмах предлагается серьезно подумать о создании школ или отдельных классов с музыкальным уклоном, подобно тому как устраиваются математические, языковые и другие спецшколы. А. Х. Юсупова (г. Стерлитамак в Башкирии) рассказывает о такой попытке. К сожалению, важный эксперимент продолжался лишь в течение двух лет. «Ради обучения музыке родители готовы выделить деньги. Пусть бы были школы с музыкальным уклоном платные».

Эти предложения в какой-то мере являются ответом на мысль, высказанную на страницах журнала П. С. Александровым, что «следует

попытаться найти что-то промежуточное, какие-то дополнительные формы массового обучения детей музыке», кроме тех, которые существуют сейчас в пределах общеобразовательной и музыкальной школ.

Почти каждый из принявших участие в нашем разговоре так или иначе коснулся значения пропаганды музыкальных знаний по радио и телевидению. С одной стороны, как пишет Н. Н. Вахрушев (г. Салават Башкирской АССР), «дети перегружены музыкальной радио и телеинформацией, льющейся из включенных приемников, и не приводит ли это к привыканию к миру звуков, а в результате к неспособности удивиться, почувствовать? Не отучает ли обилие средств воспроизведения, а не рождения звуков, глубоко их ощущать?» Но с другой стороны, всем ясна необходимость увеличить число хорошо выполненных музыкальных передач, особенно на телевидении: «Час музыки» в семье, предложенный П. С. Александровым, должен быть организован по телевидению, — считает А. М. Орловский. Нужно согласиться, что это было бы очень полезно. Лишь бы «семейная» сторона такой передачи не свелась к простому совместному сидению перед экраном: ведь хорошо бы в течение этого часа устроить обмен впечатлениями, прослушать музыку дважды, кому-то сыграть на инструменте или спеть и т. п.

Так что вновь и вновь приходится признавать, что нет и не может быть всеобщих рецептов в таком тонком и сложном деле, каким является музыкальное воспитание. И разнообразие взглядов, высказываний, предложений всех, кто писал нам, подтверждает, что нужно искать — и находить — во всех направлениях. В рубрике «Музыка и каждый из нас» мы стремимся затронуть широкий круг тем, связанных с этой нелегкой, но важной задачей. Конечно, темы эти далеко не исчерпаны, и наша рубрика будет продолжена, так как, судя по вашим, дорогие читатели, письмам, она вызывает живой интерес. Редакция и автор, сердечно благодаря всех участвовавших в этом общем разговоре, надеются, что и последующие материалы рубрики послужат поводом для серьезного, плодотворного обсуждения.

И получая очередную редакционную почту, мы бы хотели вновь и вновь читать знакомую начальную фразу: «Прочитал новый номер журнала и охотно откликаюсь на предложение написать вам...»

Феликс РОЗИНЕР

откуда происходит искусство

Художники
пишут
сельским
школьникам

Письма замечательных мастеров искусства, обращенные к детям, предлагает к публикации школьный историко-художественный музей села Пархомовка Харьковской области. Как у всякого уважающего себя музея, у него уже есть своя история, свои фонды (экспозиция размещается в довольно просторных девяти комнатах каменного дома XVIII века, но и там уже становится тесновато) и свой архив. А семнадцать лет назад не было ничего, кроме любви к искусству, желания приобщиться к тому, что мы называем прекрасным... Впрочем, лучше обойтись без этих общих слов. Просто однажды после уроков мы остались с ребятами в классе и написали письма Владимиру Андреевичу Фаворскому, Сергею Тимофеевичу Коненкову, Мартиросу Сергеевичу Сарьяну с просьбой рассказать о себе, о том, что увлекает их в искусстве и, если можно, прислать какую-нибудь из своих работ, потому что нам хотелось прикоснуться к большому искусству не через книги, энциклопедию, фотографии, а воочию, всеми своими чувствами.

Мы понимали, что просьба наша может показаться этим большим художникам, людям очень занятым, наивной, смешной, не стоящей внимания. И вдруг теплый, исполненный простоты и благосклонности настоящего мастера ответ Владимира Андреевича Фаворского. Он прислал оттиски своих гравюр, работы своих учеников, приглашал в гости, в свою мастерскую.

Разве от таких приглашений отказываются? Заработанные в союзе деньги ребята решили истратить на поездку в Москву. Почти целый день провели мы с Владимиром Андреевичем на его даче под Москвой. Он был прост во всем, и о красоте природы, и об искусстве он говорил совсем простыми словами, но они запоминались, потому

что это были не случайные слова, каждое из них было весомым, значимым... В одном из своих писем к нам Владимир Андреевич рассказывал, что в Германской Демократической Республике только что открылась выставка его работ, он просил на свой гонорар купить произведения современных немецких графиков и отправить их в село Пархомовку. Так в школьном музее появились рисунки Ганса Грундига, Герберта Тухольского, Арно Мора... А произведений самого Фаворского насчитывалось к тому времени около тридцати...

Побывали мы и в мастерской Сергея Тимофеевича Коненкова. Сам облик белобородого могучего старца поразил ребят, как поразили и его скульптуры, вырезанные из дерева, выбитые из камня. Сергей Тимофеевич вспоминал о своем детстве, да и в наших местах он, оказывается, побывал: в селе Наталовка вместе со Щусевым принимал еще до революции участие в строительстве собора. На прощание скульптор подарил паромовцам свой гипсовый портрет Н. Пешковой.

Завязалась у нас переписка и с Мартиросом Сергеевичем Сарьяном, и с Николаем Михайловичем Ромадиным, с Орестом Георгиевичем Верейским, с Борисом Михайловичем Неменским... Не отказались приехать к нам в село сотрудники Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина со своей передвижной выставкой. А вскоре получили мы из дирекции Эрмитажа письмо, где на двух страницах перечислялись работы (большей частью оригинальные), которые Эрмитаж дарил нашему сельскому музею.

«Радуга» — так теперь называется у нас в школе клуб любителей искусства. Когда на собраниях клуба я прочитываю участникам письмо Ромадина о значении искусства, где рассказывает он о встрече москвичей со спасенными сокровищами Дрезденской галереи, я соединяю и свои воспоминания о поездке в Германскую демократическую республику (пятнадцать участников нашего клуба в 1966 году были приглашены дирекцией Дрезденской картинной галереи), поездке, которую все мы называли «встречей с Сикстинской мадонной».

Собирание коллекции поставило перед участниками нашего клуба необходимость глубже знать историю искусства, понимания работ художников разных стран и народов. Ведь когда они в качестве экскурсоводов водят посетителей по залам музея, им приходится останавливаться с объяснением у полотен Аргунова, Кипренского, Иванова, Брюллова, Репина, Ярошенко, оригинального оттиска гравюры Рембрандта, произведений Рейсдаля, Писсаро, Сезанна, Матисса, Пикассо... Количество посетителей достигает 50 тысяч человек в год. (Большой частью это колхозники из Харьковской и соседних областей).

И, разумеется, клуб не прекращает переписки с художниками. По прежнему своему опыту я убежден, что советы мастера, его слова об искусстве гораздо сильнее влияют на ребят, чем лекция об искусстве или прочитанная глава в учебнике. Приобщение к искусству возможно только через переживание. Обаяние личности художника действует на ребят.

Возникает особое отношение ко всему, что он делает или говорит. Возникает та особая атмосфера, которая помогает «приобщению к прекрасному». И вот уже ребята совсем иначе, другими глазами смотрят на мир, на произведения искусства.

Многие участники клуба «Радуга» стали совсем взрослыми людьми, обзавелись семьями. Я уверен, — ни для одного из них не пропали даром и встреча с Фаворским и Коненковым, и то ошеломительное впечатление, которое произвела «Сикстинская мадонна» Рафаэля, и те слова, которые впервые прочитали они в письмах художников о смысле красоты.

А. ЛУНЕВ,
учитель
село Пархомовка
Харьковской области

как мы их обыкновенно называли — живописцы, скульпторы, графики. Им, кроме любви к природе и к людям, должна быть свойственна любовь к материалу.

Материал у искусства очень разнообразный: бумага, карандаши, краска разная, дерево, мрамор, гранит, медь и т. д.

Художник, когда стремится передать свою любовь к какому-либо предмету или к какому-либо человеку, не должен просто сделать вторую березу или вторую лошадь или повторить буквально какого-либо человека. Он, при помощи материала, передает в скульптуре или в живописи ту красоту, какую он увидел в природе, в людях, в вещах. И материалы помогают ему в этом.

В. ФАВОРСКИЙ

Дорогие друзья! Тема, которую вы мне предлагаете — всеобъемлющая, и вы сами, конечно, понимаете, как нелегко сказать хоть что-нибудь об искусстве в обыкновенном письме. Я предпочел бы просто побеседовать с вами об этом, если бы нам довелось встретиться. Представляете ли вы себе жизнь вне искусства, без произведений искусства? Жизнь без книг, стихов, песен, музыки, картин и скульптур, театра, танца, кинематографа?

Вы знаете, что Гагарин и Титов пели песни, читали стихи, может быть, в самые напряженные часы своей жизни — во время космического полета. У них очевидно была потребность в какие-то минуты говорить именно стихами, потому что те чувства, которые их переполняли, лучше всего ложились в прекрасные строки стихов.

Люди моего поколения и старше меня, видели переполненные залы театров, консерватории в дни Отечественной войны. Неполненные, полутемные, они были полны людей — очень уставших, может быть, полуголодных. Сколько раз сигнал воздушной тревоги не мог заставить певца или музыканта замолкнуть, а замороженных слушателей встать со своих мест, чтобы устремиться в бомбоубежище?

Я был на фронте и видел солдат, слушающих на коротком привале игру скрипача, чтение стихов. Какие у них были лица! Я был свидетелем того, как, вырывая друг у друга книгу, читали на фронтах первые главы только что рожденного «Василия Теркина». Мы видели, как заядлые курильщики в окопах мучились от желания затанцевать мажорочным дымком, но им не приходило в голову вырвать страницу из книги Твардовского или оторвать хоть уголок листовки с тек-

стом Эренбурга, а другой бумаги под рукой не было.

Подобные примеры можно продолжать без конца, каждый из вас, даже прожив лишь четвертую часть моих лет, может припомнить и привести несколько таких примеров, но нужно ли это? Нужно ли доказывать необходимость искусства, а не просто его роль в украшении человеческой жизни?..

О. ВЕРЕЙСКИЙ

Ребята, я не могу написать трактата о том, что такое искусство, я могу только объяснить, как я сам понимаю, чувствую. Вот я смотрю картину, спектакль, фильм и чувствую предельную искренность автора. Меня это начинает волновать и затягивать. Но ведь можно искренне увлечься, а потом понять, что это ошибка. В подлинном искусстве искренность всегда мудрая. И не сразу, бывает, ее распознаешь, да уж потом, когда поймешь, — как будто часть жизни проживешь. Мудрая искренность — это правду видеть и любить эту правду и только ею жить. И вместе с тем искусство это не рассуждение, что правильно в жизни, а что неправильно, искусство это чувствование, и через это чувствование оно и роднит всех людей и становится вдруг всем необходимым.

Искусство становится частью нашей жизни. Разве можем мы представить свое существование без многого множества образов и чистых видений великих русских писателей! Посмотрите на закаты — ведь это Куинджи, оттепель весеннюю — Васильев, море разбушевавшееся — Айвазовский. Богатая душа художника пролилась любовью на природу родной земли, и мы только смотрим его глазами, он указывает ее красоты и мы их находим... Если можно вообразить, что погибнет наш мир, наша цивилизация, то по одному только Толстому можно восстановить весь уклад жизни старой России, все богатство и сложность душевной жизни русского человека...

Любите, мои любимые, искусство, научитесь понимать и чувствовать его! Искусство духовно воспитывает человека, дает ему опыт любви, дает ему смысл и объяснение жизни...

Н. РОМАДИН

Искусство существует не отдельно от жизни. Вся наша жизнь связана с искусством, и в нашей повседневной жизни зарождается искусство.

Как это происходит?

Любовь к природе, любовь к нашему родному городу, любовь к людям. Вот откуда происходит искусство.

Наша природа для людей из других стран может показаться очень скромной, неяркой; но когда мы что-то любим, то нам открывается внутренний характер этой вещи. Мы видим ее красоту.

И это касается всего нам родного.

Например, наши деревья.

Хотя бы береза. Она, по-нашему, стройна; в ней есть что-то женское, с ее тонким стволом, с ее развесистой кроной, с висящими гирляндами ее веток; не то это косы, не то это платье. А кора! Нам кажется, что нигде на свете нет такого красивого дерева с такой чудесной корой.

А дуб. Особенно, когда он вырос на поляне, и ему не мешали другие деревья. Какой он могучий, и мужественный у него ствол, какие могучие ветви, какая вырезная листва. Он напоминает нам древних богатырей...

Если вас увлекает что-либо, то не трудно понять то глубокое содержание, которое лежит в этой вещи. Например, дорога, простая шоссе-ная дорога. Как красиво она легла по холмам меж лесов и полей. Она иногда извивается, а иногда ляжет прямо до самого горизонта. И кажется, — какой могучий человек ее сделал. Она вас зовет идти по ней, ехать по ней, увидеть города и села, леса и реки, весь мир.

Нужно, чтобы вещи увлекали нас, и тогда мы видим их красоту...

Искусство рождается тогда, когда человек любит делать вещи, и в этих вещах передавать свою любовь к родной природе и людям. Вы видели столяра за работой. Какой чудесный у него инструмент, какое красивое дерево, какие стружки, можно увлечься таким делом. А в старину всякое ремесло называлось художеством, а столяр — художником. И это правильно: делающий нужные вещи тоже художник, — делающий дома, мебель, автомобили, корабли, одежду, материю, платье и т. д. Но вот, художники,

Этой весной мне страшно повезло. Чудесная огромная птица поселилась под моим окном. В один прекрасный день я увидела на старом тополе грубую корзину из толстых прутьев — на том месте, где в прошлом году спалили главный ствол. Корзинку веером окружали старые ветви и молодые побеги. В ней сидела черная носатая птица.

Гнездо находилось в нескольких метрах от моего окна на пятом этаже — ну, не удача ли! — и мне было видно всё-всё: искры от солнца на жгучей круглой голове и выражение птичьих глаз. Мне видны были мелкие нарядные крапинки на зеленых яйцах, когда птица поднималась с корзинки и улетаала прочь. Сначала яиц было три, они лежали в гнезде большие и яркие, словно раскрашенные к пасхе. Потом появилось еще одно; через несколько дней — новых два.

головешки. А эти жили вдвоем и на шеях имели серые ожерелья. Значит, это вороны или сороки. Я решила, что сороки, потому что пока еще не слышала от них знакомого вороньего карканья.

Каждый день из окна я видела терпеливую тихую птицу, поглощенную своей таинственной работой. Когда солнце перекатывалось за крышу нашего дома и на тополь падала тень, птица ненадолго покидала гнездо.

А весенняя сыпь уже обметала голые ветви тополя: повисли на них тугие вишневые колбаски и засияло множество остроконечных почек. Вот-вот почки должны были лопнуть, раскриться, задыхать весенним воздухом, высунув липкие язычки. Я сорвала с рамы бумагу, открыла окно — и в квартиру пахнуло теплом, и ворвался беспокойный уличный шум. Слышно стало,

окну и перестала обращать на меня внимание.

Как-то всю ночь шумел дождь, и, когда я встала наутро, тополь перед окном оказался усыпанным светлыми язычками. Эти язычки были чудесного медового цвета. С каждым днем их цвет становился гуще и ярче, и вот они уже превратились в обычные зеленые листья, маленькие и крепкие, не шелестящие под ветром. Было начало мая.

Однажды в середине дня сороки не оказалось на месте. А на дне освещенной солнцем корзинки вместо крепких малахитовых яиц лежало что-то серое и чуть заметно двигалось. Казалось, это дышит кучка серой золы и шевелится тлеющие угольки. Дрогнул воздух, расщепленный черным крылом. Прилетел самец и уселся на край корзинки. Он гордо повел головой и как... каркнет. Вот так раз! Каркает по-

СОРОКИ-ВОРОНЫ

Рассказ

Марина БОНДАРЮК

Художник М. Сергеева

К птице прилетал друг. Он появлялся внезапно, словно сваливался с неба, и с негромким скрежетаньем усаживался на ветку возле гнезда. Сначала мне казалось, что эти чернотелые носатые птицы похожи как близнецы. Но, приглядевшись, я заметила, что друг был мощнее, его костяной сине-черный клюв был длиннее и крепче, а выражение глаз более спокойным и властным. К тому же он имел низкий скрипящий голос, а подружка была молчалива.

Что это были за птицы? Я не знала. Вороны или сороки? Может, грачи? А может быть, галки? Если раньше такие птицы попадались мне на глаза, я не задумывалась над тем, как они называются. Теперь мне это было интересно и, поразмыслив, я вспомнила, что грачи селятся большими семействами и что галки черны, как обугленные

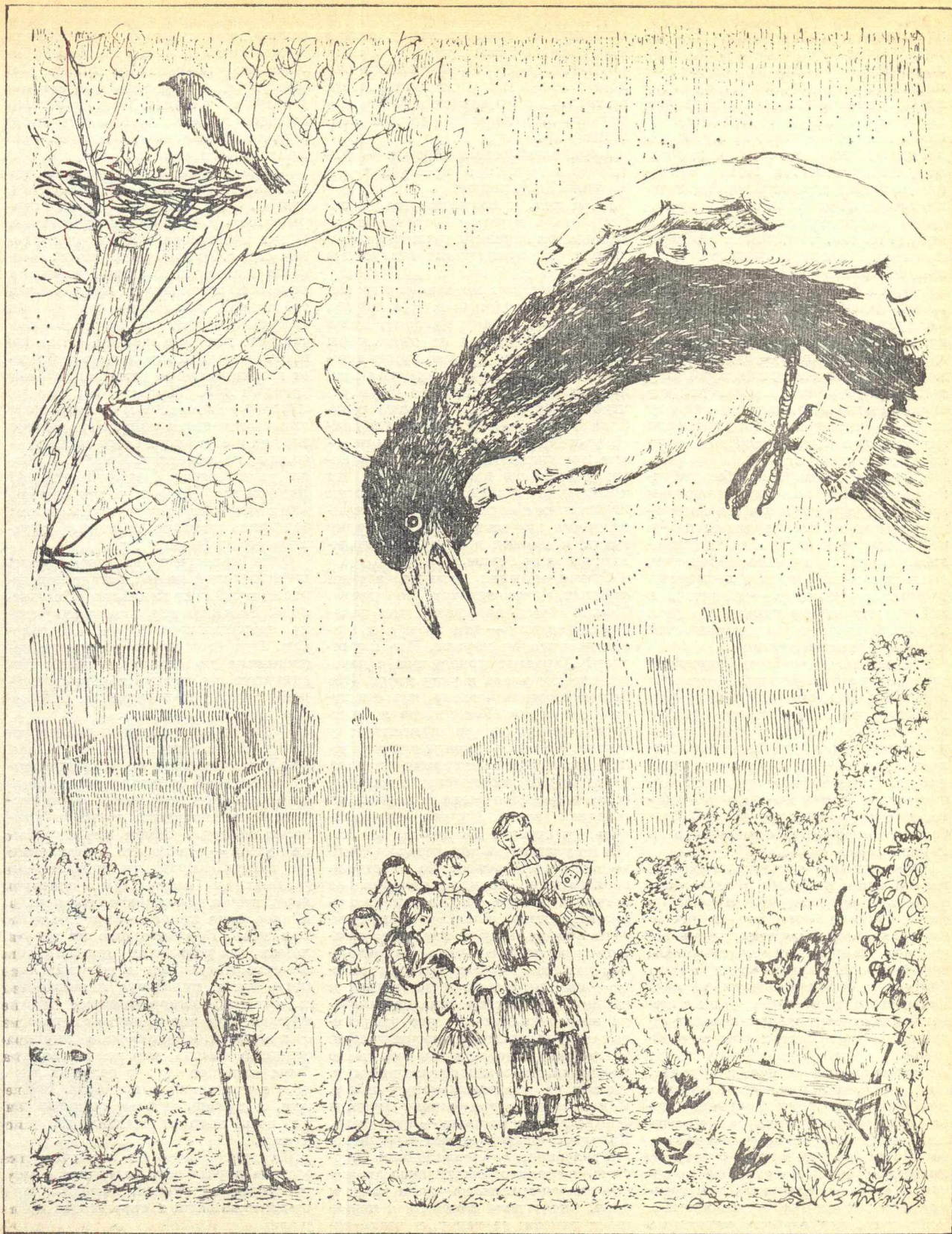
как с гулом проносятся по бульвару троллейбус и как стучат коготками по краю крыши голуби. Ночью кошки носились по двору и кричали пронзительными хулиганскими голосами. А по утрам, с пустыря, который образовался на месте снесенного старого дома, раздавался собачий лай. Туда приводили одного сенбернара, и он так зычно ворчал и лаял, словно внутри у него стучали по огромному барабану — бух! бух!

Заслышав шум открываемого окна, птица начинала испытывать беспокойство. Вообще любой шум заставлял ее настораживаться. Лаяла собака — сорока вздрагивала и крутила шейю. От нарастающего гула троллейбуса она как бы слегка обмирала, но тут же приходила в себя. Направленный на меня круглый глаз поначалу тревожно блеснул. А потом она привыкла к открытому

воронью. Он долго переступал по краю гнезда, словно пританцовывал от счастья, мешая мне разглядеть загадочное дно корзинки. Наконец он улетел, и я все рассмотрела. В гнезде находились три серых лысых птенца. Их розовые головки, похожие на бутоны, покоились на нерасколовшемся яйце. Большие выпуклые глаза были закрыты. Вид у малюток был обессиленный. Еще бы! Они только что вынырнули из небытия. Они перебрались из мрака — на свет и воздух. Сколько на это потребовалось усилий!

Четвертый птенец появился к вечеру. А из двух последних яиц никто не вылупился, и они куда-то исчезли.

Вскоре вернулась тихая матушка и взялась за прерванную работу. Она взгромоздилась на гнездо и продолжала, как прежде, сидеть на нем дни и ночи, укрывая и согре-

вая птенцов своим телом. Но теперь, когда вывелись птенцы, она стала чаще отлучаться. Иногда усаживалась не в корзинку, а на ее край и забавно кланялась в разные стороны, оглядывая подступы к гнезду. В листья никто не прятался, по стволу никто не полз, и матушка успокаивалась. У ее ног, беспомощно перепутав шеи, головы и тела, спали птенцы. Время от времени из клубка тел поднималась чья-нибудь голова, моталась от слабости и зевала. В зевке открывался чудовищных размеров рот, освещенный изнутри алым светом. Это были какие-то красивые пасти дракончиков.

С громким карканьем — ну конечно, это вороны, как я могла не понять этого раньше? — прилетал самец и садился на другой край корзинки. У него появилась манера, разглядывая птенцов, склонять голову набок и открывать клюв, как если бы он задыхался от избытка нежности и умиления.

В первые дни воронята беспробудно спали. Только когда родители приносили еду, птенцы взволнованно шевелились. Появлялся отец — и навстречу ему из гнезда поднимались четыре красные воронки, огромные и легкие, как тюльпаны. Прилетала матушка — и птенцы к ней тянули жадно раскрытые рты. Родители глубоко погружали свой клюв в красные воронки.

Вскоре тельца воронят покрылись серо-жемчужным пухом, потемнели головки и обозначились крылышки, психомие на обглоданные рыбы хребты. По-прежнему они спали клубком: чья-нибудь голова покоилась на чьей-нибудь спине и кто-нибудь сонно трепыхался, вытаскивая шею и голову из-под чужого бока. Чем делались они старше, тем больше движения становилось в корзинке.

Воронята мне казались, конечно, все на одно лицо. Но с возрастом, то есть с каждым новым днем, в них начинало проявляться что-то свое, особенное. Например, один вороненок ужасно много крутился. Он энергично выкарабкивался из-под братьев и садился поверх их тел. Глаза его раскрывались, и он с любопытством заглядывал вниз, в то время как его братья еще полуморочно дремали на солнце. Тельце его стало заметно темнее и крупнее, чем у них, и я про себя называла его Чёртик. А другой вороненок чаще других оказывался на дне корзинки, и на нем удобно устраивались то Чёртик, то два других братца (а может, это были сестры). Голова вороненка была маленькой, как грецкий орех, и он все время дремал. Я боялась, что слабого вороненка случайно придавят или как-нибудь

помнут. Но, судя по всему, никто не обижал Дохлика и не причинял ему боли. Наоборот, братья поспешно теснились и переступали с места на место, когда Дохлик начинал барахтаться, выбираясь со дна корзинки.

Двух оставшихся воронят — одинаково крупных и проворных — я назвала Близнецами.

Шли дни, и матушка уже не забиралась в корзинку — одетые в серый пушок воронята грелись на солнышке и принимали воздушные ванны.

Днем они уже не спали: вертели шеями, приподнимали крылышки, переступали с лапы на лапу. Даже Дохлик пробудился от дремоты и стал чиститься, трести крылышками и оглядываться, поворачивая голову к хвосту. Близнецы были теперь величиной со взрослого голубя, а Чёртик — еще больше. Он как-то растопырил крылья, и — ого! — они прикрыли гнездо. Под крыльями уместились все три брата. Они недовольно зашевелились. Чёртик переступил с ноги на ногу, потянулся прямо по-человечески, расширив грудь, и сложил два черных огромных веера по бокам.

Однажды меня напугал адский скрежет, доносящийся со двора. Можно было подумать, что папа-ворона спятил — так громко и безостановочно он каркал. Что случилось? Карканье доносилось с дерева, которое росло в углу двора. Это был остролистый ясень, и в его густой колеблющейся листве я заметила кошку, хищно присевшую у ствола. Ее серое цилиндрическое тело, ее круглая тигриная головка были жадно устремлены к папе-вороне, который прыгал и каркал на соседней ветке. Каркал он, казалось, от страха. Но почему же тогда не улетал? А как хотелось кошке в него вцепиться! Но от ствола расходились тонкие ненадежные ветки, и кошке только оставалось молниеносным движением выкидывать вперед лапу в надежде ухватиться за черное крыло. Папа-ворона, кажется, совсем потерял голову — он еще ближе придвинулся к кошке, и когтистая лапа не задевала его лишь потому, что он успевал подпрыгивать и увертываться. Тогда я поняла, что каркал он не из страха. Он сам запугивал кошку. Он вел на нее психическую атаку. Над ясенем с тревожным криком быстро летала мамаша — туда-сюда. Наверное, ей было очень страшно.

Дура кошка, ослепленная яростью, сделала стремительное движение вперед и чуть не упала камнем вниз. Она успела зацепиться передними лапами за ветку, и ветка запружинила под ее тяжестью. Осто-

рожно кошка стала поднимать задние лапы и, когда ей удалось их сомкнуть, повисла на ветке, как обезьянка. А карканье продолжало раздражать ей уши. Этот яростный вороний грай заполнял весь двор. Старушки, сидящие внизу на скамейке, поднимали головы.

Кошка между тем, торопливо перебирая лапами, подтягивалась к стволу. Наконец, она ловко вскарабкалась и села на толстую ветку. И тут произошло совсем уж странная сцена. Папа-ворона умолк. Мелкими шажками он приблизился к кошке и остановился прямо перед ее мордой. Несколько секунд они находились друг от друга на расстоянии птичьего шепота. Со стороны казалось, что папа-ворона бросает кошке какие-то уничижительные ругательства. Почему она его не цапнула — непонятно, ей надо было лишь приподнять лапу. Но, как видно, она не могла этого сделать — сидела, не шевелясь. Может, ее объял ужас перед безумной птицей? Неужели, потеряв в это мгновение свою изящную ловкость, кошка зашарилась лапами по стволу, трусливо заскреблась вниз.

Одна женщина в нашем дворе, любительница кошек, встала под деревом и ласково позвала: «Кис-кис-кис». Услышав это, кошка закрывала отвратительным детским голосом. Она быстрее и увереннее заскользила по стволу к земле. Но, спрыгнув, не пошла в руки к доброй тетке, а метнулась за штукетник в траву и пропала.

Папа-ворона несколько раз подлетал к ясеню в этот день, кружился над ним и садился на ту самую ветку, с которой запугал кошку. Должно быть, он мысленно восстанавливал ход поединка и вновь упивался победой. Зачем она ему была нужна — эта победа в отдалении от гнезда? Вряд ли папа-ворона вступил в смертельно опасную игру, чтобы пощекотать себе нервы. У него была какая-то скрытая важная цель. Воронята еще не умели летать, а родителям приходилось надолго отлучаться в поисках пищи — вот и прибегнул папа-ворона к приему, обезвредившему врага прежде, чем тот обнаружил гнездо с птенцами. Папа-ворона внушил хищнику мысль, что не легкая добыча ожидает того в зеленых ветках, а унижения и погибель. Вот о чем, я думаю, кричал папа-ворона на весь двор и шептал на ухо кошке.

На другой день он почистил перышки воронятам, совершил с ними утренний туалет, помахал черными крыльями и скрылся за крыльями.

Бедный, несчастный папа-ворона,

накаркал ты вчера беду! Отвадил одного врага, но выдал себя другому. Этот враг до вчерашнего дня не подозревал о твоём гнезде. Своим взволнованным криком ты привлёк его недоброе внимание.

Матушка-ворона вдруг закричала хрипло и тоскливо. Она забилась в воздухе рядом с тополем, не смея броситься на врага. Её хриплый голос звучал умоляюще. Но не таковский был этот враг, чтобы отступить или поддаться жалости. Он был разгорячен азартом.

Услышав вороний крик, я выглянула из окна и встретила с его блестящими разбойничьими глазами. Я крикнула: «Не трогай, ради бога, оставь их, слезь с дерева!» На меня из раздвинутых веток смотрело красивое мальчишеское личико, смуглое и живое. Я встречала этого мальчишку во дворе. Его звали Андрюша. Лицо его выражало решимость и злорадность.

Под деревом стояли дворовые ребята и заинтересованно смотрели вверх. Обнаружение гнезда казалось им большой удачей, настоящим сюрпризом в этом излазанном вдоль и поперек, наскучившем дворе. Ворона, прошивая листву своим телом, едва не задевала Андрюшу. «Вз, она меня обнаружила!» — крикнул он мальчишкам. — Пугните её, вз!» Кто-то бросил вверх теннисный мячик. Андрюша ещё ближе придвинулся к гнезду.

Ворона взлетела на крышу и быстро застучала лапками по железу. Она каркала, кланялась и выбивала чечетку, выражая свою полную беспомощность и отчаяние. Последнее, что я видела из окна, — как Андрюша забрался рукой в гнездо и как оттуда с шумом прыгнули два птенца. Я выбежала во двор.

Птенцы разбились. Один замертво упал на землю, а другой, ещё живой, дрожал как в лихорадке, и клювик его был в крови. Мертвого мальчишки забросили в бетонную трубу, а трепещущего, живого, немного повертели и отдали подоспевшим маленьким девочкам. Те его гладили, пытались накормить черешней и спорили, кому он достанется. А с дерева осторожно слезал Андрюша с новой добычей. Птенцы были у него за пазухой. «Они кусаются, ой! царапаются», — приговаривал он.

По-моему, мальчишки были слегка ошарашены смертью вороненка, свалившегося к их ногам. Вида они, конечно, не подавали. Но интерес к разорённому гнезду и к воронятам постепенно убывал. Ну что ж, они посмотрели воронят, потрогали их, посмеялись над переполохом, поднятым во дворе воронами, — теперь и

папаша вернулся и, низко летая над землей, кричал своим боцманским голосом — а дальше что? Дальше я стала их умолять, чтобы они положили оставшихся в живых воронят обратно в гнездо, а они раздумывали и молчали. Только Андрюша подрацки замотал головой: «Спасибо. Не хочу. Очень вкусно. Кушайте сами».

— Мы этого себе возьмем, — сказали девочки. — Мы его вырастим и отпустим.

— Нет, девочки, он так погибнет. Его надо вернуть в гнездо.

— Я своего не отдам, — сказал Андрюша. — Жорик, возьмишь второго? Возьмешь себе?

— Не знаю, — сказал Жорик. — Мать вряд ли согласится.

— Дурак, мы на чердаке их спрячем, посадим в ящик...

Жорик заколебался. Он сделал нетерпеливое движение головой, наверное, ему захотелось быстрее побегать на чердак и там заняться новым интересным делом. Я поняла, что дела плохи, и испытала отвратительное чувство беспомощности. Одного вороненка уже не было в живых. Но эти-то трое, вот они, тут, а я не знала, как помешать их гибели. Слов нужных не находилось, и комок застрял в горле.

Тут к нам подошла одна сгорбленная старушка и гневно застучала палкой о землю: «Злыдни бездушные! Отец с матерью летают, слезами заливаются. Вот поймете, каково это, когда своих деток нарождаете, а их станут обижать, мучить...»

— Деток нарожаем, — засмеялись мальчишки.

— А будут, будут, — сказала старушка. — Тебя родили, и у тебя будут... Хотя головы-то вы им не поотрывали, а?

— А поотрываем, — сказал Андрюша, явно передразнивая тон старушки. — Они вредные, вред приносят, цыплят воруют, понятно? Скажи, Жорик, вредные?

Я взяла из рук девочек вороненка. Он карябнул меня скрюченными коготками и притих. Сколько дней я наблюдала за ним на расстоянии, а теперь держала в руках его щуплое горячее тельце, разглядывала вблизи его широкий курносый клюв, желтенький изнутри, удивительные, далеко расставленные горестные глаза и пыльные сухие перышки. Вороненка время от времени сотрясала дрожь. Я не знала, кого держу в руках — Чёртика, Дюлика или одного из Блинецов. Я различала их только тогда, когда они находились вместе.

— Ну, что натворили? — строго спросил мужчина с грудным ребёнком на руках, подхвывая к ребя-

там. — А? Да за такие дела надо руки оторвать! — Он сощурился и пристырил рот, разглядывая воронят. — А вообще-то этих стоит, — сказал он. — Надоели, орут как софоны, второй день без продыху...

— Так заорешь, — сказала старушка. — Горе!

— Горе! — насмешливо сказал мужчина. — А потом, может, от них зараза какая. — Он брезгливо скривился и, бережно прижимая к груди белый сверток, пошел к скамейке.

Из подъезда выскочила курчава девочка и закричала:

— Ой, ой, вон Севка Ганнибала ведёт. Сейчас вам Севка даст!

С пустыря в нашу сторону направлялся парень. Рядом с ним, переваливаясь на тяжёлых ногах, топал сенбернар. Все ребята с почтительностью и удовольствием уставились на огромного, заросшего шоколадной шерстью пса с кудлатой головой медведя. В крошечных глазах Ганнибала светились ум и кротость. Его хозяин курил коротенькую трубку. Он вынул изо рта трубку и поздоровался с ребятами.

— Вывалились из гнезда? — спросил он. — Бедолаги. Это у них бывает. Так чего вы ждете? Давай, Жорик, ползи на дерево.

— Да мы, Сев, хотели их на чердаке устроить, в ящике...

— Погибнут, — сказал Сева. — Зачем же их в неволю? Кому они тут помешали?

— Они вредные, — быстро сказал Андрюша. — Я читал, правда. Вороньи цыплят воруют, огорсды портят.

— Да где у нас тут цыплят и огороды? — засмеялся Сева. — Как раз они пользу приносят, жуков поедает в страшном количестве.

Жорик обхватил ногами ствол и потянулся за птенцами.

— Только поосторожнее, поосторожнее, ты их, смотри, не придави, — закричала девочка.

Я отдала Жорику птенца и пошла домой.

Весь следующий день воронята не могут прийти в себя. Вид у них вялый и печальный. Вдобавок ко всему они стали вываливаться из гнезда — из-за контузии, что ли, или от желания побыстрее научиться летать. Как ужасно душераздирающе кричат вороны, летая над опустевшим гнездом!

В гнезде лежит трупик. По нему ползают мухи. Другой лежит на дне бетонной трубы. В неё опасливо заглядывают маленькие девочки.

Мальчишки понуру бродят по двору. Играть — не играется. Ни о чем интересном не думается. Мучительно все-таки это воронье карканье!

Приходит во двор мальчик с оре-

ховыми глазами, похожий на лисенка, в нарядных джинсах с отворотами. Глаза его мягко светятся. Он поднимает выпавшего вороненка, разглядывает окровавленную, но не поврежденную лапку и, положив его за пазуху, снова лезет на дерево. Это Жорик.

Под деревом собираются девочки. А мальчишки забежали на пятый этаж черной лестницы и оттуда переговариваются с Жориком. Жорик обнаружил трупик и выбросил его из гнезда. Но живой вороненок в это время в страхе замахал крыльями и перевалился через край. Он опустился на землю плавно, но взлететь сам не смог. Он заковылял, запрыгал от бросившихся к нему девочек. Но его схватили, и Жорик снова вскарабкался на дерево и вложил вороненка в гнездо.

Как только вороны поднимали крик и начинали низко летать над землей, становилось ясно, что опять выпал вороненок, и кто-нибудь бежал его искать. В траве за штакетником бродили кошки, и медлить было опасно. Так весь этот день носились над землей вороны, бегали дети и подпрыгивали в траве воронята в попытках взлететь.

А потом двор опустел. Ребята постепенно разъехались. Вороны с воронятами куда-то исчезли.

Теперь плетеная корзинка под моим окном потихоньку ветшает. Когда я слышу знакомое скрипучее карканье, меня тянет выглянуть из окна. Но вороны пролетают всегда стороной, за выступом дома, мне их не видать. Недавно небольшая черная тень проскользнула мимо моего окна. Послышалось скрипучее — даже не карканье, а какое-то кваканье, и птица скрылась на крыше. Может, это был подросток Дохлик? Или один из Блинецов? Или Чёртик? Я уж не знаю. Я ведь так и не поняла тогда, кто из них выжил, а кто погиб в тот жаркий майский день. Да и не хочется об этом думать.

у врача

Не беда, если у вашего ребенка «нет слуха», то есть он не обладает абсолютным музыкальным слухом, а беда, если он действительно плохо слышит.

Тот, кто плохо слышит, отстает в умственном развитии; речь его становится монотонной, малоразборчивой, невнятной — ведь она всегда развивается на основе слуха и некоторых врожденных звуковых рефлексов. Нарушается звукопроизношение. Формируются нежелательные черты характера: чрезмерная застенчивость, робость, легкая тормозимость, переживание собственного дефекта. Он не может четко дифференцировать звуки окружающих и контролировать собственную речь. В некоторых случаях неправильное формирование звуков усугубляется окружением: недостатками речи у близких, многоязычной средой, изнеживанием, ошибками воспитания, «сюсюкающей» речью родных, воспитанием в условиях изоляции, когда отсутствует возможность речевого общения.

Иногда дети совсем перестают слышать. Если слух потерян в возрасте до 1—2 лет — дети становятся немыми, если в 2—4 года — речь может сохраняться до года, затем распадается, если в 5—6 лет — речь теряется редко, но голос становится неестественным, нарушаются ударения, интонации, словарь становится резко ограниченным. Чем раньше потерян слух и чем глубже эти нарушения, тем тяжелее дефект речи и труднее лечение, тем сильнее задержка психического развития.

Плохослышащий не может быть ни музыкантом, ни машинистом,

у врача

ни шофером, ни артистом, ни летчиком ни пограничником, ни связистом. Ему трудно общаться с людьми, он как бы отгораживается от коллектива, становится менее уверенным, чем другие, а если тугоухость прогрессирует, ему все труднее бывает участвовать в общем разговоре, он становится замкнутым и раздраженным.

Ясно, что если у ребенка нарушается слух, нужно как можно раньше лечить его. В ряде случаев нужно определить его в специальный детский сад или школу, где он научится говорить. Иногда необходимо подобрать ему слуховой аппарат. Во многих случаях может помочь слухоулучшающая операция.

Но что значит — хорошо слышит? Проверить это можно и дома, предварительно, конечно, до врача.

Слух считается нормальным, если ребенок на расстоянии 6 метров слышит шепот, причем попеременно то одно, то другое ухо должно быть закрыто и ребенок не должен смотреть на исследующего, чтобы не «читать с губ».

Конечно, внимательные родители довольно рано обнаруживают «неполадки» с ушами и пытаются их устранить. Прежде чем идти к врачу, важно вспомнить, чем вызвана болезнь — не передалась ли по наследству, не болел ли кто в семье туберкулезом, не болела ли мать до рождения ребенка гриппом, воспалением легких, желтухой, токсоплазмозом, диабетом, не было ли почечных приступов, авитаминоза, не были ли загрязнены или застужены уши в младенчестве? К нарушению слуха может привести воспаление среднего

берегите уши

у врача

у врача

уха, особенно гнойное; развивается оно нередко после гриппа, кори, скарлатины, удара по уху, падению с высоты и т. д.

В некоторых случаях при воспалении среднего уха, особенно если воспаление переходит на находящийся поблизости мозг, рекомендуется произвести разрез барабанной перепонки для того, чтобы создать условия для оттока гноя наружу. Возражения против разреза барабанной перепонки, которые могут возникать, ничем не обоснованы, так как эта манипуляция не портит слуха, а между тем нагноение может привести к резкой необратимой потере слуха.

Вероятно, каждый замечал, что даже при легком насморке слух ухудшается и почти каждый звук кажется более слабым. Это объясняется тем, что ухо тесно связано с носом и в этом случае нарушается проходимость слуховой трубы.

Конечно, лечить больные уши, исправлять слух будут врачи, но предупредить глухоту, научить детей правилам обращения со слухом — дело родителей.

Прежде всего — никаких «игр» с ушами.

Маленькие дети иногда всовывают себе и другим различные мелкие предметы в уши: бусинки, пуговицы, горох, вишневые косточки, камешки, различные зерна. Все это

кладется на стол врача не так уж редко, к сожалению. Опасно иковыряние в ушах шпильками, спичками, спицами, грифелями и другими тонкими предметами.

Еще до школы дети должны твердо знать, что никакие конфликты не должны разрешаться при помощи ушной раковины, этой соблазнительной и удобной рукоятки. Пусть они усвоят, что надрывы ушной раковины, ушибы и переломы ушного хряща ведут к уродству ушей, глухоте. Даже при купании надо помнить об ушах, беречь их и не стесняться этого. От лихого прыжка в воду, если он неправильно выполнен, может повредиться барабанная перепонка, нельзя подставлять ухо под удар волны, после плавания обязательно «вытрясти» воду из уха, — это и неприятно и опасно, ведь холодная вода, попавшая в ухо, может вызвать головокружение, воспалительный процесс в ухе и глухоту. Проникновение в ухо морской воды сказывается более пагубно, чем речной, — соль остается надолго в ухе и притягивает к себе влагу. Если уши не совсем здоровы, нужно или не купаться, или заткнуть их ватой, пропитанной вазелиновым маслом или воском.

Нельзя без конца удалять ушную серу, защищающую ухо от неблагоприятных воздействий внешней среды, заливать их водой при умывании.

Но самая, пожалуй, важная и действенная мера предосторожности — ограждать ухо от излишнего шума.

Резкий звук, подобно яркому свету, способен вызвать боль и даже кровоизлияние в ухо, что также мо-

жет вести к глухоте, хотя и быстро проходящей. Если в младенчестве родители защищают уши от резких звуков — громких звонков, погремушек, хлопания, то детей постарше надо приучить к культуре слушания; чтобы они не «запускали» магнитофон на полную мощность, уменьшали звук телевизора, приемника, привыкали не кричать на улице, не считали шум непременным признаком веселья.

Контроль за такими правилами принесет больше пользы, чем это может казаться на первый взгляд. Важно, чтобы и вне вашего воздействия они их соблюдали, особенно в стенах школы.

У детей быстрее, чем у взрослых, утомляются уши. Утомление же наступает тем быстрее, чем больше шума в школе. Шум голосов, как, впрочем, и всякий другой шум, резко притупляет слух. Обычно в начале урока дети с заболеванием ушей еще в состоянии слушать учителя, а к концу последнего урока плохо понимают его. Для ушей вредно, если целый класс хором читает стихотворение или что-то повторяет.

Медики во всем мире озабочены проблемой шума в городах. Выясняются допустимые нормы шума, которые в состоянии вынести человеческие уши, инженеры изобретают противозумные устройства. Но без помощи самих «пациентов», хорошо представляющих себе значение для их здоровья хорошего слуха, без умения беречь слух, вовремя предупреждать опасность эти усилия будут недействительными. Поэтому — научите детей беречь уши.

Б. ШЕВРЫГИН,
доктор медицинских наук

«Мне очень приятно было видеть, как нашего маленького шишкина представляли музыкантам и говорили: «Вот это Сережа», а те, кому его представляли, спрашивали: «В каком тоне ваша симфония?», то есть уже, значит, его заочно знали». Это письмо Марии Григорьевны Прокофьевой, отправленное мужу из Москвы в Сонцовку, где Сергей Александрович служил управляющим большого поместья, помечено ноябрем 1902 года. «Шишкину», Сереже, было в то время одиннадцать лет и в его изложении те же события выглядят куда более сдержанно: «Вчера вечером мама и я ездили в Благородное Собрание на концерт. Пел Шаляпин, и поэтому было много публики. Там я видел С. И. Танеева. Он меня познакомил с Аренским, задачи которого по гармонии я делаю... Любящий тебя Сергей Прокофьев».

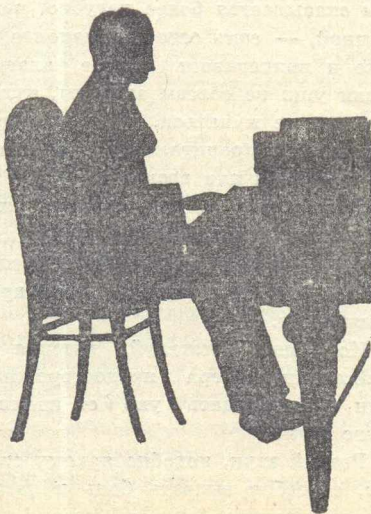
Сережа был чрезвычайно одаренным ребенком, но его миновали обычные для вундеркиндов болезни рано возбужденного тщеславия и непомерной гордыни. Иммунитет к этому заразительному вирусу выработали у него окружающие, и сделали это с редким достоинством и глубоким тактом. Влияние родителей, и особенно матери, на формирование человеческой и творческой личности будущего композитора было огромным и, пожалуй, определяющим, хотя вслед за дилетанткой Марией Григорьевной учителями Прокофьева были Глазир, Танеев, Глазунов, Лядов и Римский-Корсаков.

Ожидая рождения сына в тихой уединенной Сонцовке, Мария Григорьевна играла по шесть часов в день — «будущий человечихна формировался под музыку». Не прервала она своих занятий и после того, как 11 апреля (23) 1891 года родился Сережа. Когда мальчику исполнилось четыре года, музыка, наполнявшая дом, начала пробиваться сквозом плену неокрепшего восприятия, становясь осознанным запоминающимся переживанием. Так вошли в его жизнь бетховенские сонаты, прелюдии, мажурки и вальсы Шопена, мелодии Листа, Чайковского, Рубинштейна. Свои ежедневные упражнения Мария Григорьевна начинала с энзержисов Ганона и этюдов Черни. Сережа приставлялся у рояля и стучал по клавишам верхнего регистра. «Довольно варварский ансамбль, — вспоминал впоследствии композитор, — но расчет матери оказался правильным, и вскоре «дитя» стало подсаживаться к роялю самостоятельно, пытаясь что-то подобрать».

Затем «игра в музыканта» усложнилась: Сережа стал упражняться по «нотам» — собственным карандашным каракулям, начерченным на девяти линейках без всякого обозначе-

детство замечательных людей

прокофьев

ния тактов. В семейной хронике Прокофьевых сохранилась история, как Сережа протянул матери вот такую «нотную запись» и объявил: «а я сочинил рапсодию Листа». Мария Григорьевна, конечно, посмеялась, но отнеслась к этому случаю вполне серьезно — объяснила, почему ей стало смешно, и с тех пор не переставала заниматься с сыном музыкальной грамотой.

Довольно скоро совместные занятия пригодились — на бумагу, разлинованную конторщином Ванькой, легли ноты первой Сережиной пьески. Сочинитель, которому недавно исполнилось пять лет, дал своему произведению довольно неожиданное название: «Индийский галоп» (в Индии был голод, и взрослые часто говорили на эту тему). Слушатели пытались указать на несоответствие между неприятным содержанием и экзотическим названием пьески, но упрямый автор уступил лишь одну букву: «индейский» переправили на «индийский».

Вид собственной мелодии, записанной на нотных строчках, произвел на Сережу неизгладимое впечатление, с этих пор он стремился записывать любой музыкальный обрывок, возникший в его сознании.

Затем последовали новые пьесы, а за ними — марш для игры в четыре руки, то есть музыка, «которую нельзя было подобрать, а надо было складывать в голове». Первая партитура! Тетя Таня, младшая сестра матери, в восторге от замечательного племянника увезла все Сережины записи в Петербург, отдала переписать и переплела в альбом, на обложке которого красовалась крупная надпись золотом: «Сочинения Сереженьки Прокофьева».

Успехи сына еще больше убедили Марию Григорьевну в правильности избранного ею пути: как можно больше времени уделять знакомству с музыкальной литературой и минимум — упражнениям. Поначалу они занимали всего 20 минут в день и лишь много позже, годам к десяти, растянулись до часу. Прежде чем предлагать что-то ученику, Мария Григорьевна проигрывала все пьески сама и отбирала наиболее интересные. Отобранные вещицы тщательно обсуждались с Сережей — что ему нравится, что не нравится и почему. Самостоятельность суждений у юного композитора становилась все обоснованней и серьезней...

Сонцовское «затворничество» превратилось для Сережи лишь в 1900 году, когда родители взяли его в Москву. Здесь он впервые попал в оперу — на «Фауста». Многие мелодии оперы были уже знакомы Сереже, однако разобратся в сюжете ему оказалось трудно — запомнилась лишь сцена дуэли

и гибели Валентина. Драматический эпизод произвел на мальчика поистине неизгладимое впечатление — игра в театр, начавшаяся по возвращении в Сонцовку, отныне непременно включала поединки на шпагах. Оружием дуэлянтам служили палочки, предохранявшие куртину с лилиями от нападения кур.

Посещение театра имело и более глубокое последствие. Однажды Сережа явился к матери и заявил:

— Мама, я хочу написать свою оперу.

— Как можешь ты написать оперу? — довольно сердито возразила мать. — Зачем говорить вещи, которые не в силах исполнить!

Но тут Мария Григорьевна, обычно проникательная, ошиблась — и начала лето 1900 года Сережа закончил рукопись «Великана».

Конечно, первая Сережина опера вышла сочинением, как вспоминал маститый композитор, «довольно курьезным». Но названия частей ее партитуры звучали торжественно и заправски: увертюра, речитатив, ариозо, ария, дуэт... Кроме Великана и Короля — существ, одинаково фантастических для воображения восьмилетнего мальчика, — в опере были выведены вполне конкретные лица: Я (сам композитор), Стеня (дочь экономки) и Егорна (младший брат конторщика, поставляющего разлинованную бумагу). Потом, по настоянию консервативно настроенных взрослых, герои получили более солидные имена: Сергеев, Егоров и Устинья. Но сюжет оставил без изменений, несмотря ни на какие резоны, уговоры и попытки высветить особенно наивные повороты. Великан возник неизвестно откуда и неизвестно как (во втором акте Сергеев сообщал об этом Королю в следующих непринужденных и не совсем правильных выражениях: «Что это такое? Место здесь плохое. Появился Великан нам из незнакомых стран»). В первом действии он пугал Устинью и убегал от ее защитников — Сергеева и Егорова, во втором акте в борьбу включались войска, присланные Королем. Казалось, сюжет клонится к тому, что Великан, третировавший Устинью, будет счастливо изгнан. Но финал, несколько неожиданный даже для самого автора, совершенно ошеломлял слушателей: «В разгар праздника появляется Король (!). Он растрепан и держит в руках нож. Король поет, что не может больше бороться с Великаном, что он всех проигрывает и закалывается ножом. Все потрясены, но затем поют: «Да здравствует наш Великан!» — и на этом опера кончается».

Как и предыдущие сочинения, «Великан» был захвачен тетей Таней и переплетен в красное с золотом.

А композитор принялся за новую оперу — «На пустынных островах». Уступая первой в занимательности, новая решительно выигрывала в размерах: каждая картина была чуть ли не со всего «Великана». Может быть, поэтому предприятие осталось незавершенным — за полтора года композитор сочинил увертюру и первый акт.

Драматическим постановкам везло куда больше. Пьесы обычно придумывались, репетировались и разыгрывались в один день. Излюбленным жанром была реалистическая драма. Ничего сказочного, чудес и фантастических эффектов, «голая действительность»: за кулисами происходит крушение поезда, грохот и скрежет, на сцену летят обломки, «из окна вагона» падает путешественник Васин... Край глухой и дикий. В доказательство за деревьями (надки с олеандрами и финусами) на фоне водопада (вода переливается из одной замаскированной бочки в другую) пробегает медведь (маска и вывороченная шуба). Между уцелевшими пассажирами вспыхивает ссора, кончающаяся неизбежной дуэлью. Повод — украденный в суматохе бумажник. Роковой удар, благородный путешественник ранен и без сил опускается на колени. Но в это время выснакивает медведь и набрасывается на торжествующего негодяя! Порок наказан...

Новая поездка в Москву (зимой 1902 года) принесла знакомство с Таневым. Увидев золотые буквы на переплете «Великана», знаменитый композитор укоризненно покачал головой:

— Почему же «Сочинение Сереженьки Прокофьева»? Сергея, Сергея. Ну в крайнем случае — Сережи.

Самое сочинение заслужило менее критический прием. Сергей Иванович заинтересовался мальчиком и пообещал подыскать учителя — настоящего композитора и милого человека, которого не испугает перспектива провести лето в далекой Сонцовке. По чести сказать, Мария Григорьевна усомнилась, но в начале лета обещанный учитель приехал. Звали его Рейнгольд Морицевич Глиэр, и он оказался и «милым», и «настоящим», в полном соответствии со словами Танеева. Кроме двух или трех часов занятий с Сережей, Глиэр сам упорно работал — по утрам сочинял струнный секстет, а вечерами переписывал законченное. Но при всем том он был не прочь сыграть в крокет или в шахматы, или даже принять вызов на дуэль. Дрались на пистолетах, стрелявших палочками с резиновыми наконечниками, и когда шагали и «барьеру», сердце ученика еще более пылко устремлялось к учителю.

Дела шли успешно, и скоро Глиэр добавил к занятиям гармонией уроки

инструментовки. Не успели просохнуть ноты первой прокофьевской партитуры для полного оркестра, как беспокойный ученик заявил:

— А теперь я хочу написать симфонию.

Глиэр попытался сбить Сережу на что-нибудь, с его точки зрения, более реальное:

— Пиши, например, анданте для оркестра. Или рондо.

Но после трехдневной борьбы Сережа настоял на своем и к осени первая часть симфонии была оркестрована полностью, а вторая и третья наполовину. На следующий год Глиэр учел аппетиты ученика и предложил ему написать уже не какое-то рондо, а струнный квартет или секстет. Однако в Сережиных планах значилась опера. Глиэр в который раз запротестовал, но в конце концов пошел в кабинет старшего Прокофьева за Пушкиным — подыскать подходящий сюжет. К дню отъезда Глиэра упрямый сочинитель закончил «Пир во время чумы»...

В начале зимы 1904 года Мария Григорьевна с Сережей отправились погостить в Петербург. Здесь за дело взялась тетя Таня. Если в Москве Танев, в Петербурге — Глазунов, к которому у нее «есть кое-какие ходы». Глазунов удалось добиться не сразу, но наконец он назначил день и час. Сережа играл «Пир во время чумы» и, казалось, особого впечатления не произвел. Мария Григорьевна была разочарована: «это не то, что милый, заботливый Сергей Иванович». Но через несколько дней Глазунов, появившись в их временной квартире, заявил:

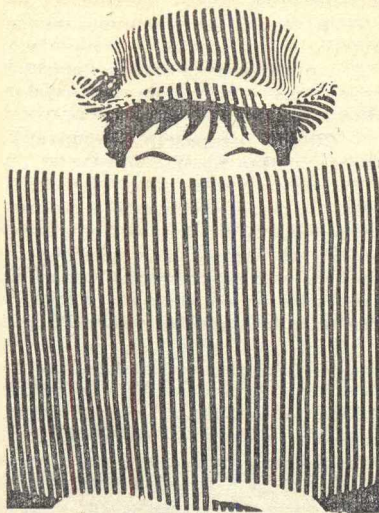
— Я здесь для того, чтобы попытаться уговорить вас отдать сына в консерваторию.

Мария Григорьевна заколебалась: хорошо, если Сережины способности будут развиваться, а если нет? Они с отцом предпочитают, чтобы из сына вышел гражданский инженер или архитектор, а в свободное время...

— Вы ведь хотите, чтобы он стал хорошим архитектором? — возразил Глазунов. — Для этого придется целиком отдаться своей профессии. Либо музыка, либо архитектура...

После ухода Глазунова Мария Григорьевна еще какое-то время раздумывала, переписывалась с отцом, советовалась с родственниками, но по сути дела поступление тринадцатилетнего Прокофьева в консерваторию было предreshено.

В. ШАТЧЕНИН

„дар аллаха“ В МОЛОЧНОЙ

— Два кефира, пожалуйста!

Что может быть обычнее такой покупки? А было время, когда секрет приготовления кефира был известен лишь жителям Северного Кавказа и охранялся очень строго. Считалось, что кефирные грибки нельзя ни продавать, ни дарить: это вызовет гнев высших сил, и весь запас кефирной закваски погибнет. Горцы называли кефир «даром аллаха», посланным им за честность и трудолюбие. Старинная легенда гласила, что однажды по указанию пророка люди поднялись на Эльбрус и на кустах, растущих по склонам, увидели «зерна Магомета». Это и были кефирные грибки. Как давно это было и что за кусты нашли горцы — об этом легенда умалчивает.

Лишь в середине XIX века слухи о таинственном напитке из молока, вкусном, питательном и слегка опьяняющем, проникли в Россию. Считалось, что он исцеляет недуги и продлевает жизнь.

Поэтому, когда производство кефира было налажено — это было уже в 1908 году, — поначалу его пили лишь в больницах. Считается, что само название напитка происходит от турецкого слова «неф», что означает здоровье. А может быть, слово «кефир» пришло из горского наречия, в котором «кейф» значит веселье.

Современная медицинская наука также признает лечебные свойства кефира. Он тонизирует нервную и сердечно-сосудистую системы, улучшает работу почек и кишечника, восстанавливает нарушенные обменные процессы.

По своим питательным свойствам кефир равен молоку, но он гораздо лучше усваивается. Ведь при приготовлении этого напитка продлевается часть той работы, которую должен делать желудок. Кефир обладает своеобразным вкусом и ароматом, которые придают ему молочная кислота, углекислый газ и алкоголь (естественно, в «гомеопатических» дозах!). Это улучшает аппетит.

(«Химия и жизнь», № 8, 1972 год)

подарок из космоса

Еще в начале столетия ученые сильно опасались, что Земле угрожает «железный голод». Считалось, что запасы железных руд должны истощиться примерно к 1970 году. Как вдруг обнаружили неисчислимы запасы железистых кварцитов, и диагноз сразу переменялся: теперь, по всей видимости, запасов железа хватит на многие тысячелетия. Потому что железные кварциты залегают не только на всех континентах, но и на дне океанов и морей.

Откуда ж, однако, взялись эти относительно бедные содержанием железа, но исключительной распространенностью своей поистине спасительные руды? Ученые спорят об этом давно — в споре участвовали еще В. А. Обручев, В. И. Вернадский... «Земные» объяснения этой загадки оказались неудовлетворительными. И тогда поневоле пришлось обратить свои взоры и небесам.

Две светящиеся полосы Млечного пути, которые каждый из нас видит ночью на небе даже невооруженным глазом, состоят не только из скопления звезд — сюда же входят газовые и пылевые туманности. А пылевые туманности, как установили астрофизики, состоят из мельчайших частиц железа. Мельчайших-то мельчайших, но всех вместе их так много, что масса некоторых туманностей впятеро превышает массу Солнца.

Земля вместе с Солнцем вращается вокруг центра нашей звездной системы — Галактики, совершая один оборот примерно за 200 миллионов лет. И вот, по-видимому, когда она проходила через одну или несколько таких ту-

манностей, богатых железом, ей и удалось основательно пополнить свои железные кладовые. Даже если Земля прошла всего через одну такую туманность, то и тогда полученный ею подарок из космоса должен быть велик, ибо даже сейчас, без всякой встречи с туманностями, на Землю ежегодно выпадает, по подсчетам ученых, от нескольких тысяч до нескольких миллионов тонн внеземного вещества.

(«Природа», № 7, 1972 год)

за чужой счет

Давно известна кукушнина манера подкидывать свои яйца в чужие гнезда: пусть, мол, кто-нибудь другой моих детей воспитывает! Само это слово — «кукушка» — стало нарицательным, им называл народ нерадивых человеческих мам, бездумно перекладывающих заботу о своих детях на чужие плечи.

Но откуда взялось у кукушек это нерадение? С человеческой кукушкой понятно — все от лени идет, от эгоизма. А ведь в животном мире лентяев не бывает. Зачем же понадобилось эволюции, чтобы многие созданные ею же виды существ перешли, подобно кукушке, к паразитическому существованию?!

Карл Вилкс, автор статьи «В чужом гнезде», не дает на это ответа — не дает прежде всего потому, что его не дала пока что и сама наука. Он отмечает лишь,

что, создав паразитарные ветви, эволюция не сулит им благого конца: «Выживаемость не увеличилась, прибавьте к этому зависимость паразитов от другого вида, отсутствие пути назад, эволюционный тупик».

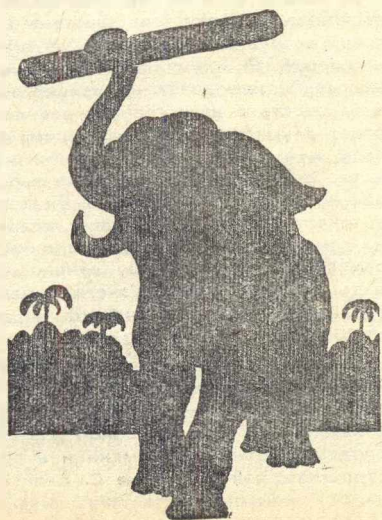
Оказывается, тунейдцев и вне человеческого рода ждет неминуемое возмездие!

(«Наука и техника», № 8, 1972 год)

школы четвероногих

В стихотворении Маршана повстречавшийся лодырям кот жаловался, как известно: «Школы не построены для котят, научить нас грамоте не хотят...»

Да, для котят школ пока нет, это верно. Но вот для слонят уже есть. И давно. Где? В тропических странах, где пока мало техники и много слонов. Поступают туда слонята в пятилетнем возрасте и обучаются там шесть лет. В первый год они только знакомятся с «учителями» (к каждому прикреплен свой «учитель»), разучивают простейшие команды, проходят атлетическую подготовку. Со второго года слонят разделяют на классы: одни приобщаются к корчеванию, другие служат вместо подъемного крана, третьи удаляют чести нести храмовую службу. У этих счастливых особенно много уроков музыки — горе погонщику, если он не отличается музыкальностью! Разгневанный ученик не только выходит из повиновения, но и норовит сбросить наездника.

Через шесть лет слоны выпускаются из школы «квалифицированными специалистами», а их воспитатели отправляются ловить новых слушателей...

(«Вокруг света», № 8, 1972 год)

стиль мужских причесок

Сколько бывает споров между родителями и сыновьями по поводу причесок! Поэтому хорошо бы и тем и другим прочесть статью «Новые штрихи» мастера 1-го класса московского салона «Чародейка» Ю. А. Лаповока.

Мужские прически более стабильны, чем женские, и все же время вносит в их моду свои коррективы. В этом году стиль мужских причесок характеризуется некоторым удлинением волос, в том числе удлинением их на висках до полубанов. Популярны по-прежнему классические прически, но они становятся несколько пышнее. Возможны любые проборы и полупроборы. В ходу и произвольная прическа: у нее отсутствует окантовка на шее, вместо пробора волосы разделяются по кругу, модель эта имеет легкий, воздушный вид.

Общее удлинение волос вовсе не означает, пишет автор, что мужские прически станут напоминать женские; те молодые люди, которые отращивают волосы чуть ли не до плеч, лишены вкуса, уродуют себя.

В дополнение к статье в журнале приведены фотоснимки со всеми видами современных мужских причесок.

(«Служба быта», № 5, 1972 год)

груша, да не аграфена

— Груша?.. — задумывается человек, которого спросили, от какого имени это слово происходит. — От Аграфены, конечно.

Иные, более умудренные, добавляют:

— Или от Агриппины.

Точно так же и имя Дуня большеинство из нас посчитает уменьшительным от Авдотьи или Евдокии.

Но оказывается, дело обстоит не совсем так. Послушаем, что думал об этом виднейший русский языковед профессор А. И. Соболевский (статью его перепечатал с

некоторыми дополнениями журнал «Русская речь»).

Слово «груша» известно на Руси с глубокой древности; столь же почтенно и слово «дуня», многократно встречающееся в памятниках древнерусского языка. Причем слова эти скорее всего родственники, ибо «дуня» происходит, по-видимому, от слова «дуля», обозначающего в великорусском и малорусском наречии одим из видов груши. Эти же слова — «груша» и «дуня» — с давних пор употреблялись, по-видимому, и в качестве женских имен. Уже через много лет после принятия христианства — до конца XVII века — русские люди продолжали употреблять свои, нехристианские личные имена. Женские русские имена до нас почти не дошли; но, судя по тому, что у болгар и сербов, где нехристианские имена так и не были вытеснены христианскими, и по сей день встречаются в обиходе Вишня, Конопля, Малина, Маслина, а также Дуля и Дуня (болгарские), Дуня и Гдуня (сербские), видимо, нечто подобное наблюдалось когда-то и у нас. Дуня и Груша были у нас сначала нехристианскими именами, а потом благодаря созвучию их окончаний с окончаниями уменьшительных имен (Маша, Маня) их тоже стали понимать как уменьшительные и соединять с созвучными им христианскими именами Аграфена и Авдотья.

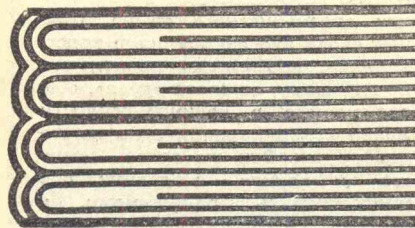
(«Русская речь», № 4, 1972 год)

кто быстрее сварит суп?

Супы-пюре очень важны в лечебно-профилактическом питании. Но они варятся долго. Еще дольше готовятся слизистые супы. При этом потери сухих веществ составляют 50—70 процентов. Между тем в лаборатории кафедры технологии Ленинградского института советской торговли установлено, что дробленные крупы развариваются в шесть — восемь раз быстрее, а количество пищевых веществ, переходящих в отвар, возрастает до 85—90 процентов.

Дегустация супов-пюре из крупиной муки показала: они вкусны, однородны и эластичны. Большой интерес представляет использование этой муки для диетических блюд. Стоимость таких супов не выше, чем супов из цельной крупы.

(«Общественное питание», № 7, 1972 год)

главный праздник

Книги о революции для младших школьников

Спросите своего сына или дочь, что им известно о событиях Октября 1917 года, и ребята, даже если им по 8—9 лет, назовут вам самые главные приметы того времени, с которыми связано для них понятие «революция»: Ленин и партия большевиков, город Петроград, штурм Зимнего, легендарный крейсер «Аврора»...

Но что такое революция? Как она происходила? Об этом сегодняшние мальчишки и девочки знают, как правило, в общих чертах. Вся революция сводится для них к самому яркому ее эпизоду — штурму Зимнего дворца.

А ведь уже младшим школьникам можно рассказать о революции так, что отрывочные сведения придут, как говорят, в систему, помогут формированию их нравственных убеждений.

И поможет этому — среди других книг — удачно написанная книжка Л. Савельева «Часы и карта Октября».

О каждом из событий революции автор рассказывает так лаконично, что текст порой напоминает телеграмму. Рядом с текстом нарисованы часы. Читая текст и поглядывая на часы, ребенок будет узнавать о том, что происходило в Петрограде 24, 25, 26 октября 1917 года.

Удача этой книжки не только в том, что по ней можно проследить последовательность всех революционных событий с точностью до часа. Читая книжку, ребенок поймет, что ход всех незабываемых событий тех далеких октябрьских дней был предусмотрен ленинским планом вооруженного восстания.

Этот план автор приводит в самом начале книжки, цитируя письмо Ле-

нина. Не бойтесь, что восприятие исторического документа будет сложно для ребенка. Сразу же после плана он увидит карту расстановки революционных сил в Петрограде накануне восстания. Она поможет ему лучше понять значение всех задач, стоявших перед бойцами революции.

Бойцы революции, люди, вошедшие в легенду... Это они превратили день 7 ноября в главный праздник нашей страны. Их мужественные лица ребенок увидит в начале книжки, на фронτισписе, выполненном художником Н. Ляминам. Пусть это всего лишь небольшой отряд, но он воспринимается здесь как символ всей революции, как подтверждение идеи о ее мощи и непобедимости. Вообще рисунки в книжке рассмотрите внимательно. Они настолько удачно дополняют текст, что по существу Н. Лямина можно назвать соавтором произведения.

...Кончается книжка. В памяти остается еще одна дата: 26 октября 1917 года, 6 часов утра. В эти часы с трибуны II Всероссийского съезда Советов звучит голос человека, чей облик для ребенка уже неотделим от революции. Это Ленин. Его имя стояло рядом с главными событиями Октября, о которых рассказывали короткими тексты-телеграммы Савельева. Поэтому неплохо было бы после книжки Савельева дать ребенку рассказ В. Бонч-Бруевича «В первые дни Октября».

Если книжку Савельева можно назвать летописью революции, то этот небольшой рассказ можно назвать летописью одного дня ленинской жизни, 25 октября 1917 года. Он тоже документален, потому что строится на личных воспоминаниях автора о встречах с Ильичем.

Факты ленинской жизни, этого дня, которые у Л. Савельева уместились в одну лаконичную фразу, в рассказе В. Бонч-Бруевича обрастают новыми подробностями, которые может сообщить только непосредственный очевидец. Если у Л. Савельева ребенок шаг за шагом тщательно проследит весь путь революции, то у В. Бонч-Бруевича он также тщательно проследит за всей напряженной деятельностью Ленина в этот день: от его прихода в Смольный до написания им первых декретов Советской власти. А еще он почувствует великолепно переданную атмосферу этого дня: и бурлящую обстановку Смольного, и напряженное ожидание известий о штурме Зимнего, и ту радость, с которой Ильич поздравил всех с первым днем социалистической революции.

Как и книжка Л. Савельева, этот рассказ кончается сообщением о II съезде Советов. Давайте вновь вернемся к первой книжке, к тем четы-

рем лозунгам, которые провозгласил съезд: «Мир — народам», «Земля — крестьянам», «Фабрики и заводы — рабочим», «Власть — Советам». Сумеют ли разобраться в этих понятиях сегодняшние мальчишки и девочки?

Возьмите книжку С. Алексеева «Октябрь шагает по стране». Она объяснит сущность этих понятий очень доступно, через значение их в жизни всех народов России. Вот, например, как раскрывается значение Декрета о мире в небольшом рассказе «Как Васянка отца увидел».

Четвертый год тянется война. «Ради захвата земель гонят русские капиталисты и помещики русских солдат на немцев. Богатеи немецкие гонят русских солдат на русских. Идут друг на друга англичане, австрийцы, венгры, французы...» Не нужны чужие земли солдату Ракитову. «Увижу ли Васянку?» — думает он перед очередной атакой. Все мысли его о сыне, о жене, о далекой и родной деревне Ракитовне. И так же, как он, вздыхают в окопах солдаты: «Увидим ли дом родной?» И этот многомиллионный солдатский вздох по родным домам подчеркивает ненужность войны так убедительно! Он сразу же вызывает представление о ней как о войне несправедливой.

Весть о революции, о Декрете о мире С. Алексеев сравнивает со вспыхнувшей зарницей среди ночи. Возвращение Ракитова домой превращается у писателя в настоящий праздник. Ракитов едет в деревню под радостный перестук колес: ведь революция освободила его не только от войны. Она сделала его хозяином и поля, и леса, и речки-поилицы. Вот почему так радостно улыбается Ракитову в родном краю небо: ведь все теперь для него — «и мир, и земля, и Советская власть».

Не только в этом, во всех других рассказах С. Алексеева шествие Октября по нашей стране превращается в радостный, ликующий праздник. Радость захватывает не только людей. Вместе с ними ликует вся природа: и красное солнце, и дремучие леса, и высокие горы, и необъятное море. Эпический размах этого шествия не может не увлечь ребенка. Так увлечает его поток широких колонн на демонстрации. Яркая, праздничная атмосфера помогает ему лучше оценить значение октябрьского переворота в жизни всех народов нашей страны.

Ну, а как сопоставить это значение с сегодняшним днем мальчишек и девочек? Обратимся к другому произведению. В нем нет такой широты охвата событий во времени и в пространстве, как в книжке С. Алексеева. Все значение революции показано здесь на примере тех перемен, кото-

рые произошли в течение двух дней в жизни маленького захолустного городка.

Городок этот описан в рассказе Л. Жарикова «Флаги над городом». С книжкой С. Алексеева рассказ Л. Жарикова роднит то ощущение праздника, с которым тогдашние мальчишки и девчонки встречали все новое, что внесла в их жизнь революция: от права говорить каждому светлое и красивое слово «товарищ» до права учиться в школе.

У С. Алексеева каждый герой выступает не просто как конкретное лицо, а как олицетворение определенного общественного слоя или класса. Так, купеческий сын Меркурий олицетворяет собой все купечество, а солдат Ракитов — крестьянство.

В рассказе Л. Жарикова, напротив, подробно раскрыт характер каждого персонажа. Писателю удалось через индивидуальные переживания каждого героя донести до наших детей значение таких ставших для нас привычными понятий, как школа, завод, работа на субботнике, митинг.

Возьмем самое близкое для детей понятие: школа. Что такое школа в жизни сегодняшнего второклассника? Место, где он постоянно узнает что-то новое, где он с охотой (или, увы, неохотой) овладевает премудростями науки. А осознает ли он ее как один из итогов революции?

Пусть сегодняшний школьник прочитает, как мечтал о учении Леняна Жариков и другие дети городской бедноты. С завистью смотрел он вместе со своим другом Васькой на окна гимназии, за которыми учились буржуйские сынки. Когда гимназисты выбегали на перемены и забрасывали мальчишек грудой камней, Леняне и Ваське было обидно не от того, что их избили, а от того, что нельзя учиться.

Но вот не прошло и двух дней после революции, как всех ребятшек городской бедноты созвали в школу. Для них это была самая радостная новость тех дней. Радость ребят не омрачало ничто: ни то, что в коридорах гимназии было холодно, что окна были выбиты, а парты изрезаны ножиком. Пусть не было тетрадей и ручек, а писать приходилось угольками на старых газетах.

Пусть же светлая Ленинская радость заставит его сегодняшнего ровесника по-иному посмотреть на ставшие для него привычными вещи. Конечно, осознание всей ценности тех богатств, которые принесла революция, придет к нашим детям не сразу. Воспитать его помогут новые книги, новые впечатления.

В. СЕМЕНОВА,
старший библиотекарь
Государственной республиканской
детской библиотеки РСФСР

заряд стойкости

*Айвен Саутолл. ПОСЕЛОК
ТОПОЛИ. Перевод М. Лорие.
Рисунки О. Коровина. М., «Дет-
ская литература», 1971.*

Пока с тобой не случилось что-то неожиданное, страшное — ни за что не веришь, что с тобой может случиться такое. Где-то там — в книжке, в кино — да. Или хотя бы — далеко, где-то в другом месте, с кем-то другим. Но почему со мной? А если однажды и тебя настигнет? Какое ощущение ты тогда?

Такое испытание нагрянуло на жителей маленького поселка, о котором рассказывает популярный австралийский писатель Айвен Саутолл в книге «Поселок Тополи», получившей национальную премию года.

В аннотации сказано, что едва ли не главный герой книги — пожар. Это и так и не так.

Да, пожар на этой раскаленной земле совсем не то, что мы привыкли вкладывать в это понятие в обычной жизни. Здесь, где на тысячи миль необозримая безводная сушь, где жесткая трава и кустарник, словно фитиль, только и ждут малейшей искры, где лес — точно гигантская бомба замедленного действия, где неистовый жаркий ветер — точно огонь без пламени, здесь пожар — это величайшее бедствие, память о котором — в крови поколений, грозный враг, о котором не забывают никогда, словно в осажденном городе.

Но как ни впечатляюще рисует автор картины пожара, все же главный герой книги не пожар, а люди, которых он призвал как тревожный зов сирены.

Очень точно найденный прием — пока грозная весть еще не обрушилась на людей, автор рисует их всех по отдельности.словно в разрозненных киноновеллах, камера показывает поочередно каждый дом. Воскресное утро. Просыпается одно семейство за другим. Банингемы. Фэрхоллы. Джорджи. Каждый замкнут в своем доме, своем участке, своей ферме. Всюду свои планы, свои заботы.

Очень трудно выйти за черту этого привычного огороженного мира. Не сразу они могут поверить в страшную новость. Старик Джордж поначалу буркает: «Если где и горит, пусть другие тушат. У нас своих забот хватает», И Банингем успокаивает

его жену: «Горит не на нашем участке. И не на нашей улице. Горит — если вообще еще горит — так далеко, что нам решительно все равно, есть там пожар или нет».

Но затем зарево пожара придвигается вплотную и словно сметает все заборы и перегородки между людьми. Нет отдельного дома, отдельной судьбы. Нельзя смотреть, как горит дом соседа, и спастись самому. Все связаны со всеми.

Мужчины и женщины уезжают добровольцами в зону пожара. Дома остаются только старики и дети. Но пожар перенидывается и сюда.

Дед Таннер укрывает от опасности двух малышей, которых оставил ему на попечение. Стелла помогает Лорне, с отцом которой случился приступ. Потом бросается разыскивать своих брата и сестренку. Зовет себе на помощь Питера. Правда, утром они поссорились, мальчик все еще на нее обижен. Но разве сейчас время для обид? «Неужели ты на меня дуешься? В такое время... Ты же видишь, какое небо. Ты же понимаешь, что будет? Если мы чего-то не сделаем, люди могут сгореть заживо». Перед лицом опасности в каждом пробуждаются все резервы души. И даже трое подростков, которые оказались нечаянными виновниками бедствия и были поглощены только своим страхом, спешили куда-то убежать, спрятаться, исчезнуть, — даже они останавливаются в своем паническом бегстве, не могут не откликнуться на отчаянный призыв Лорны, не могут бросить ее с умирающим отцом...

Эта книга — из тех, которые стоит дать в руки каждому, особенно подростку. Быть может, над ней не раз перехватит дыхание, возможно, прольется и не одна слеза. Но повесть эта заставляет каждого проверить себя, примерить к подобному испытанию, много заставит устыдиться мелкого нытья в куда более благополучных условиях. Это книга, которая несет такой необходимый для жизни заряд стойкости.

Э. КУЗЬМИНА

советую: прочтите

Н. ЩУРКОВА,
кандидат педагогических наук:

У этой книги притягательное для самого широкого круга людей и значительное название. Она называется «Мастерство воспитателя» (М., «Просвещение», 1971). Автор ее, Ю. П. Азаров, педагог интересный и оригинальный, обладающий свободным литературным слогом.

Проблема педагогического мастерства настойчиво привлекает все большее внимание теоретиков и практиков воспитания. Такая ясная и простая на первый взгляд, проблема эта оказывается сложнейшей при подступе к ней. Потому и растет упорно численность авторов, отчаянно бросающихся на штурм этой нехитрой с виду крепости.

Педагогическое мастерство чаще всего представляют себе в виде наглядно-конкретного образа учителя или тренера, мамы или бабушки, у которых успешно идет процесс воспитания и дети которых добры и трудолюбивы, жизнерадостны и умны. А точного определения мастерства как педагогической категории мы до сих пор не имеем. Не дает такого определения и Ю. Азаров. И однако, читая его книгу, мы ясно видим основной признак педагогического мастерства; он заключается в достижении поставленной воспитательной цели с минимальной затратой сил.

Конечно, в первую очередь Ю. Азаров обращается к педагогам-профессионалам; и все же многие волнующие его мысли созвучны чаяниям «рядовых» воспитателей, всех, кто имеет дело с детьми. Оттого я и рекомендую ее читателю «Семьи и школы».

А. ЮЖАКОВ,
старший научный сотрудник
Института физики
имени Л. В. Киренского,
кандидат
физико-математических наук:

Кто в наше время не знает формул длины окружности и площади круга: «два-пи-эр» и «пи-эр-квадрат», где греческой буквой «пи» обозначено иррациональное число, выражающее отношение длины окружности к ее диаметру. Число «пи» «присутствует» в шаре и в цилиндре, в маятнике часов и в движении планет. С первыми двумя десятичными знаками мы используем его в нашей повседневной прантике и при решении школьных задач по физике и математике. В более точных инженерных расчетах присутствуют шесть десятичных знаков: 3,141592. При расчете траектории космической ракеты требуется уже 50 десятичных знаков числа «пи». С необходимостью знать число «пи» люди столкнулись в глубокой древности и считали его равным 3. Но уже в древнем Египте и Вавилоне обнаружили, что это число больше 3. С числом «пи» тесно связана задача о квадратуре круга — построить с помощью циркуля и линейки квадрат, равновеликий данному кругу, поставленная древнегреческими математиками.

В истории числа «пи» как в капле воды отразилась история математики, история человеческой цивилизации. Обо всем этом в яркой и увлекательной форме рассказывает книга профессора Яского университета (в Румынии) Флорика Кымпан «История числа «пи»» (М., «Наука», 1971). Книга читается легко и с интересом, как исторический роман. Вместе с тем любознательный читатель, внимательно разбирая математические рассуждения в тексте и примечаниях, найдет интересные и полезные упражнения для развития ума. Книга может быть рекомендована учащимся 8—10-го классов, а также всем интересующимся математикой.

г. Красноярск

Ф. ГОЛЬДИН,
профессор
Кировоградского
педагогического института:

Хотя эту небольшую книжечку (Михаил Гринин, «Пароход идет в Ростов») написал юноша, едва окончивший школу, хотя эта книжечка вышла в детском издательстве, ошибется тот, кто подумает, что она адресована только детям. Каждый взрослый должен прочитать ее, а затем и вторично — с детьми.

Вы испытаете немалое удовольствие, познакомившись с замечательной семьей, с казалось бы обыденными, но забавными фантами нашей жизни, вызывающими веселый смех и добрую улыбку. Дочитав до конца, будете сожалеть, что книга закончилась и вам нужно расстаться с озорными и непоседливыми, но такими хорошими ребятенками. Вы задумаетесь над всем повествованием и судьбой автора, о которой узнаете из предисловия.

Дети! Как часто, глядя на них, мы не замечаем их большой, насыщенной высокими порывами жизни. Как часто и любознательность принимаем за детскую шалость и проказы, сохраняя «традиционные» суждения, что ребенок — это еще не личность!

Повесть Миши Гринина, трагически погибшего на пороге взрослости, раскрывает некоторые стороны становления человека. Она поучительна остротой взгляда на обыденное и возвышенное, комическое и трагическое. Она открывает мир золотого детства в восприятии и характеристике умного, наблюдательного, улыбчивого семиклассника (герой, от лица которого идет повествование, младше автора).

К повести Михаила Гринина хотелось бы поставить эпиграф: «Внимание: дети!» Ведь талантливых детей — много. Они живут рядом с нами.

недавно выпущено

Агапов Б. Вспоминается разум. М., «Сов. Россия», 1972. 384 с. с илл. 30 000 экз. 97 н.

Эта поэтичная книга известного советского писателя посвящена теме «Художник и наука». Она о роли фантазии в творчестве ученого, она в защиту «лирики» в «физике», она о все новых и новых высотах, на которые взбирается человеческий разум.

Анимушкин И. Занимательная биология. Изд. 2-е. Худож. А. Колли и И. Чураков. М., «Мол. гвардия», 1972. 303 с. с илл.; 16 л. илл. 100 000 экз. 82 н.

Переиздание книги биолога-популяризатора, автора многих увлекательных сочинений. В обычной для себя непринужденной и остроумной манере он рассказывает о зарождении и путях развития жизни на Земле.

Блюда иностранной кухни. Авт.: Г. П. Фесенко, П. И. Куценко и П. А. Василию. Под ред. В. М. Бурлакова. Киев, «Вища школа», 1972. 167 с. с илл. 600 000 экз. 52 н.

Капама из курицы, рольмопс (сельдь под маринадом), оладьи с ревенем или тыквой, суп из просто-кваши — эти и многие другие рецепты болгарской, венгерской, немецкой, польской, румынской и чехословацкой кухни изложены здесь.

Борисов В. Г. Знай радиоприемник. М., ДОСААФ, 1972. 111 с. с илл. 300 000 экз. 22 н.

Для тех взрослых и юных читателей, кто хочет научиться, не обращаясь в мастерскую, устранять простейшие неисправности в своем ламповом или транзисторном приемнике.

Встречи с прошлым. Изд. 2-е, испр. Сборник неопубликованных материалов Центр. гос. архива литературы и искусства СССР. Вып. 1. Вступит. статья И. Андроникова. М., «Сов. Россия», 1972. 381 с. с илл. 75 000 экз. 1 р. 19 н.

Воспоминания и другие материалы о жизни и творчестве Ф. Достоевского, Л. Толстого, А. Чехова, А. Блока, В. Маяковского, Ф. Шалапина, К. Брюллова, Р. Роллана, С. Прокофьева и других выдающихся деятелей русского, советского и зарубежного искусства.

Глязер Г. Автомобиль, самолет и медицина. Пер. с нем. В. О. Горенштейна. М., «Медицина», 1972. 175 с. с илл. 10 000 экз. 68 н.

Название книги известного австрийского врача и общественного деятеля довольно точно отражает ее содержание: она исследует психофизиологические причины аварий, несчастных случаев и травм, связанных с вождением автомобиля, самолета, корабля, в том числе и космического.

Евер Я. Звериные тропы и птичьи пути. Пер. с норвеж. В. Якуба. Предисл. Л. Серебряного. М., «Мир», 1972. 200 с. с илл. 44 н.

Норвежский писатель-натуралист, исследователь Арктики и Антарктики, рассказывает о животных и птицах Гренландии. Это не научное ис-

следование и не беллетристика, а этюды с натуры.

Клинчин А. Николай Хрисанфович Рыбаков. М., «Искусство», 1972. 176 с.; 17 л. илл. 50 000 экз. 1 р. 15 н.

«В последний раз в Лебедяни играл я Велизария, сам Николай Хрисанфич Рыбаков смотрел». А. Н. Островский, вложивший эти благоговейные слова в уста героя комедии «Лес», и сам очень любил Рыбакова, по праву считавшегося первым трагиком русской провинции. Книга о знаменитом актере вышла в серии «Жизнь в искусстве».

Липац А. А. Будь донором. М., «Медицина», 1972. 32 с. 100 000 экз. 7 н.

Проблему донорства автор раскрывает подробно: говорит о составе и группах человеческой крови, о ее функциях в организме, о том, что во время проведенное переливание крови нередко спасает человека от неминуемой гибели. И потому облик донора встает со страниц книги возвышенным и благородным.

Мариковский П. По Семиречью. М., «Мысль», 1972. Фото и рис. авт. 240 с. с илл.; 16 л. илл. 65 000 экз. 87 н.

Семирежье — это юго-восток Казахстана; здесь озеро Балхаш, могучий хребет Заилийский Алатау, реки Или, Чарын... О природе этих живописных мест рассказывает известный натуралист, профессор.

Перельман Я. И. Занимательные задачи и опыты. М., «Дет. лит.», 1972. 463 с. с илл. 100 000 экз. 86 н. (Для восьмилетней школы).

У Я. И. Перельмана много интересных книг: «Живая математика», «Занимательная физика»... Из этих и других книг замечательного советского популяризатора взяты интересные задачи и опыты, объединенные в данном сборнике.

Погодин Р. Включите северное сияние. Повести и рассказы. Рис. С. Спицына. Л., «Дет. лит.», 1972. 303 с. с илл. 50 000 экз. 69 н. (Для детей среднего и старшего возраста).

Произведения ленинградского детского прозаика Радия Погодина, напечатанные в этой книге, уже известны читателю, за исключением двух рассказов под общим названием «Где леший живет». Что касается рассказа, по которому названа книга, то это дополненная переработка его прежнего рассказа «Шутка».

Погосян Х. П. Погода на земном шаре. М., «Знание», 1972. 64 с. с илл. 43 900 экз. 12 н.

О том, из чего складывается погода и как она исследуется учеными, рассказывает видный специалист, доктор географических наук.

Радченко Б. Г. Покупатель о часах. М., «Экономика», 1972. 79 с. с илл. 55 000 экз. 10 н.

Каждый из нас рано или поздно становится покупателем часов. А значит, каждому и полезно услышать советы по выбору часов и уходу за ними — советы, которые можно найти в данной книге.

Рожнов В. Е. Алкоголь — враг человека. М., «Медицина», 1972. 72 с. с илл. 400 000 экз. 18 н.

Еще одна брошюра об алкоголизме и его приверженцах, о борьбе, которую ведет наше общество с пьянством.

Ростан Э. Сирано де Бержеран. Героич. комедия. В 5-ти д. Пер. с франц. Т. Л. Щепиной-Куперник. Худож. Г. А. В. Траугот. М., «Дет. лит.», 1972. 383 с. с илл. 75 000 экз. 2 р. 21 н. (Для детей старшего возраста).

Выпущенная в прекрасном цветном издании известная пьеса о жизни реально существовавшего в XVII веке французского поэта-вольномудца — пьеса об отваге и скромности, о гордости и чести, о бескорыстии и любви, знать которую детям прямо-таки необходимо.

Созина С. А. На горизонте — Эльдorado! Из истории открытия и завоевания Колумбии. Худ. Г. Юдин. М., «Мысль», 1972. 198 с. с илл. и карт.; 4 л. илл. 60 000 экз. 45 н.

Слово «Эльдорадо» давно уже стало символом золотой лихорадки и безудержной наживы. А здесь серьезный, хотя и увлекательный, очерк о культуре и обычаях индейцев Колумбии.

Три лесных стрелка. Англ. нар. баллады в пер. Игн. Ивановского. Рис. А. Снолозубова. Л., «Дет. лит.», 1972. 159 с. с илл. 50 000 экз. 35 н. (Для детей среднего и старшего возраста).

В свое время в переводе И. Иванова вышла детская книжечка «Баллады о Робин Гуде». Нынче она дополнена новыми балладами.

Холодов Ю. А. Человек в магнитной паутине. Магнитное поле и жизнь. М., «Знание», 1972. 144 с. с илл. 55 000 экз. 29 н.

Магнит притягивает не только железо, но и интересы ученых, особенно медиков и биологов. Доктор биологических наук Ю. А. Холодов рассказывает о бурном развитии новой отрасли биофизики — магнитобиологии, изучающей влияние магнитных полей на живые организмы.

Шёгрэн Б. К забытым островам. Пер. со швед. Е. Грищенко. Отв. ред. и послесл. А. Д. Дридзе. Фот. авт. 222 с. с илл. и карт.; 16 л. илл. 90 000 экз. 1 р. 09 н.

Хорошо иллюстрированная и красочно оформленная книга шведского писателя, исследующего один из самых удивительных уголков земли — Малые Антильские острова (в восточной части Карибского моря). Живая, темпераментная манера Шёгрена-рассказчика делает его книгу еще интереснее.

Шовен Р. Поведение животных. Пер. с франц. Под ред. и с предисл. Л. В. Крушинского. М., «Мир», 1972. 487 с. с илл. 2 р. 35 н.

Эта книга научная, но затрагивающая столь интересную и актуальную тему, что читатели у нее найдутся, видимо, и за пределами ученого круга.

по пути „ЗОЛОТОГО ЖУКА“

Помните ли вы увлекательный (особенно в те дни, когда вы были ребенком) рассказ Эдгара По «Золотой жук»?

Напомнить его содержание придется.

Разорившийся богач, франко-американец, находит в песке на океанском берегу Северной Америки клочок пергамента. На случайно нагретом пергаменте проступает изображение черепа... Затем обнаруживается изображение козленка.

Вильям Легран — человек логического ума, из числа любимых Э. По персонажей. Он быстро догадывается, что перед ним написанная симпатическими чернилами записка пирата (черепа Кидда (kid — «козленок»). Снова прибегнув к подогреванию Легран видит текст, состоящий из тайных знаков.

К удивлению своего туповатого друга-рассказчика (точь-в-точь Уотсон у Конан-Дойля) этот Шерлок Холмс начала XIX века, потрудясь прочитывает непонятную записку. Он отправляется с верным слугой-негром и этим своим другом в дикие заросли холмистого побережья и, справляясь с записями, находит клад капитана Кидда, спрятанный в земле лет 200 или 300 назад.

Ему приходится объяснить, как он дошел до истины, потрясенному другу. Тут-то и оказывается, что помог ему осуществить это «закон буквы». Как он воспользовался им?

Найдя непонятные знаки, Легран заметил: не все они одинаково часто встречаются в грамотке. Чаще всего попадался значок в виде цифры 8. Почему? Раскинув умом, Легран вспомнил: в английской письменной речи чаще всего встречается буква «е». Значит, можно допустить (раз автор — Кидд, документ должен быть написан по-английски), что восьмерка и есть «е».

Попались ему и пять пар восьмерок; а ведь англичане двумя буквами «е» — и это сочетание встречается часто — обозначают звук «и». Значит, все 88 надо было записать как «еи».

Ясно стало и еще одно существенное обстоятельство. Перед половиной английских существительных стоит определенный артикль. Он пишется *the*. Значит, где встречается слово из трех знаков с «8» в конце, это может быть *the*. Тогда и

два других знака совпадают. Так и есть: семь раз повторялись вместе точка с запятой, четверка, восьмерка. Легран узнал уже значение трех разных знаков. Началось же все с немногочисленного: со знания, что «е» встречается в английском языке чаще других букв.

Долго ли, коротко ли, искусник прочел всю надпись и записал ее содержание: «Хорошее стекло в трактире епископа на чертовом стуле двадцать один градус и тринадцать минут на северо-северо-восток главный сук седьмая ветвь восточная сторона стреляй из левого глаза мертвой головы прямо от дерева через выстрел на пятьдесят футов...»

Мы бы сочли задачу нерешимой. Леграну она не составила труда.

ЗАКОН БУКВЫ

Лев УСПЕНСКИЙ

Он нашел и «трактир епископа» — нагромождение скал и утесов и «чертов стул» — выступ и нишу в скале. Он сообразил, что «хорошее стекло» — подозрительная труба, увидел в нее, сев на «чертов стул», череп на суке дерева, опустил потом из глаза черепа, как отвес, золотого жука, отсчитал нужные футы, и...

«Одних золотых монет... было не менее чем на четыреста пятьдесят тысяч долларов... Было сто десять бриллиантов... Восемнадцать рубинов... Триста десять превосходных изумрудов, двадцать один сапфир и один опал... Мы оценили содержимое нашего сундука в полтора миллиона долларов...» И еще оказалось впоследствии, что «оценка клада была слишком скромной»!

Рассказ написан, как это умел делать Э. По; если вам 14 лет, вы

проглотите его. Если 44 — прочитаете с большим интересом. Я прочел его моему внуку-первокласснику: он слушал затаив дыхание.

Писать так о сапфирах и миллионах долларов легко. Но разве не на много труднее с такой же увлекательностью рассказывать о... Да вот, о «законе буквы», буквы «е» английского языка, которая, вдруг оказывается, обладает свойством попадаться чаще других букв в английском письме. Но я следил: и эту часть рассказа мой внук слушал, так же широко раскрыв глаза, так же волнуясь и переживая, как и ту, приключенческую, с бриллиантами...

Вы можете спросить у меня: «А они правильны, эти рассуждения Леграна, касающиеся букв? Ведь «Золотой жук» не языковедная работа: автор-фантаст мог допустить в нем какие угодно предположения и гипотезы, лишь бы они были занимательны и вели его к цели.

Но нет — с «законом буквы» все обстоит если и не «прецизионно», то достаточно точно. Что если попробовать произвести для русского языка такие же подсчеты, которые, будучи произведены некогда в Англии, дали в руки Вильяму Леграну отправную точку его расшифровки, а с ним и его полтора миллиона долларов?

Конечно, можно прямо полезть в справочники и выудить оттуда нужные данные. Но мне захотелось предварительно, на ваших глазах, уважаемые читатели, так же, как Легран в «Золотом жуке» расшифровывал старую надпись на клочке кожи, так же произвести для начала опыт таких подсчетов «своими руками».

Я сделал эксперимент, который, собственно, может повторить каждый из вас. Я взял пять фрагментов из совершенно неравноценных друг другу произведений, пяти непохожих друг на друга, живших в разные времена, обладавших разной мерой таланта авторов. Писателей-беллетристов.

Я выбрал авторов не по моим личным склонностям; так в беспорядке лежали друг на друге пять книг на столе у моего сына. Это оказались А. П. Чехов, раскрытый на «Бабьем царстве», Н. Г. Гарин-Михайловский

(«Студенты»), А. И. Куприн (маленькая книжечка — «Белый пудель»), Д. Н. Мамин-Сибиряк, в котором оставленная кем-то закладка указывала на рассказ «В камнях», и, наконец сборник научно-фантастических рассказов Лениздата «Тайна всех тайн», где первым по порядку стоит мой собственный рассказ «Эн-два-О плюс икс дважды».

Продолжение. Начало в № 7, 9, 10.

Никаких возможностей сравнения, ни малейшей нарочитости в выборе; объективность подсчетов гарантирована.

Я решил у всех этих авторов рассмотреть по 12 первых строк из указанных произведений. Шрифты и форматы книг были, конечно, неодинаковыми, но при беглом подсчете выяснилось, что в этой дюжине строк всюду укладывалось что-то около 460—500 знаков.

Любопытный результат! За малым исключением числа попаданий той или другой буквы в данные 12 строк текста очень близки друг к другу, несмотря на всяческую несхожесть авторов. Буква «о» вышла на первое место и у Чехова, написавшего «Бабье царство» в подмосковном Мелихове в 1893 году и у Л. Успенского, писавшего свою повесть почти через 60 лет после этого в послеблокадном Ленинграде. Нет никакой возможности предположить какой-либо сговор между ними или случайное совпадение: там 50 «о», здесь 56 «о». Это тем более немыслимо, что и у инженера-путейца Гарина-Михайловского, и у попавшего в Сибирь Мамина-Сибиряка, и у Куприна, у всех у них в 12 строчках «о» повторилось всего чаще — 49, 68, 59 раз. За «о» поспевает «а» — и поспевает примерно в одном темпе у всех пятерых авторов: Мамин-Сибиряк почему-то вырвался вперед, но вот это как раз особый случай, требующий специальных разысканий: почему у него на столько больше «а»?

Больше чего? Больше нормы. Так, значит, есть «норма», по которой каждому звуку положено зазвучать в нашей речи, каждой букве «встать в строку» рядом с другими? Неужели это определяется не случайностью?

В какой-то степени да. А. И. Куприн начал «Белого пуделя» пейзажным кусочком, описанием Крыма. В этом описании, естественно, оказалось довольно много прилагательных с их характерными суффиксами «-ый», «-ный». Вот вам и пять-шесть возможностей для появления «ы».

Или, например, естественно, что у трех авторов из пяти в их отрывках не обнаружилось «ф»: после «фу-истории» мы понимаем, в чем тут дело: закономерность! А вот почему у Л. Успенского, скажем, эта редкость вдруг обнаружилась? Чистая случайность: повесть «Эн-два-О» начинается со сценки экзамена: студентка хочет получить зачет у профессора. Получай она его у доцента, «ф» исчезло бы бесследно.

Но в связи с этим мне вспомнился один интересный экспонат, кото-

рый в 30-х годах демонстрировался в перельмановском Доме занимательной науки в Ленинграде.

То была доска с бортиками, по этим бортикам застекленная и закругленная в верхней части своей. С самого верха, сквозь плоскую воронку можно было сыпать пшено или перловую крупу. По всей длине доски, снизу доверху в нее были набиты в шахматном порядке гвоздики. Каждое падающее сверху зернышко на своем пути вниз ударялось об один гвоздик, отскакивало к другому, седьмому, пятнадцатому. Первая сотня крупинок ложилась у нижней кромки прибора в полном беспорядке.

Но если высыпали 100 граммов крупы, уже обнаруживалось, что больше зерен собирается на середине нижнего края, меньше — к бокам. Средняя выпуклость росла, росла, и когда весь выданный вам на руки мешочек с крупой бывал израсходован, она на поле доски укладывалась точь-в-точь по одной, уже заранее намеченной там красной краской линии — статистической кривой. Было совершенно безразлично, быстро или медленно сыпали вы крупу, всю сразу или отдельными порциями, — беспорядочный «крупопад» образовывал внизу очень «упорядоченную фигуру». Один школьник, долго дивившийся на этот феномен, в конце концов чрезвычайно точно сформулировал его сущность: «Странно... Крупинки падают в беспорядке, а ложатся в порядке...»

Нечто аналогичное этому наблюдается и в языке, в потоке звуков и в распределении букв.

В те времена, когда в Доме занимательной науки производился этот опыт по статистике, никто из языковедов еще не собирался применять статистику к языку и его явлениям; во всяком случае если такие исследования кое-кем и производились, то в самых скромных масштабах.

С тех пор прошло три с половиной десятилетия, и положение переменялось до чрезвычайности.

Я беру книгу. Она называется «Основы языкознания». Автор Ю. Степанов. Издательство «Промсвещение», 1966 год.

«Простейший лингвистический вопрос, разрешить который помогает математика, — пишет автор, — частота фонем (то есть значащих звуков. — Л. У.) в речевой цепи... Если, — продолжает он, — для упрощения принять, что каждая буква русского алфавита обозначает фонему, то...»

Дальше он «представляет частоту букв... в таблице...» и из этой таблицы выводит, что в любом русском

тексте «на тысячу наугад выбранных в речевой цепи букв и пробелов между буквами приходится в среднем» 90 «о», 62 «а» и так далее, до «ф», которых на тысячу всего 2.

Возьмите сравните с теми результатами, которые дали нам наши кустарные, не претендовавшие ни на какую точность подсчеты, и вы увидите, что в общем-то мы попали при своих попытках довольно близко к яблочку мишени. И у нас на первое место попала буква «о», на второе — «а», а «ф» оказалась фактически почти не присутствующей в тексте залетной пташкой.

Прошло, как я уже сказал, немного больше трех десятилетий с поманутого мною такого недавнего и уже такого бесконечно далекого довоенного времени, но за это время в мире науки произошли грандиозные перевороты. Возникла, в частности, и совершенно не существовавшая до войны математическая лингвистика, как возникла в другой области интересно связанная с нею кибернетика, как возникли электронные счетно-решающие устройства и возможности математического перевода и так далее и тому подобное...

Благодаря всему этому и вопросы языковедной статистики получили совершенно новое значение.

Теперь уже ставится вопрос о возможности или невозможности — «атрибуции», то есть как бы «приписания» какого-либо литературного памятника, считавшегося до сих пор безымянным, тому или другому давно усопшему автору — на основании статистического (но, конечно, во сто раз более сложного, чем то, что я вам показал) учета и звуковых, и буквенных, и лексических, и синтаксических, и любых других элементов текста. При помощи счетных машин стало возможным из сложно наслоившихся на первоначальную основу древнего произведения — эпоса Гомера, русских былин-старин — выделять статистически-аналитическим путем и основное ядро и последующие наслоения...

Все это, конечно, лежит далеко за пределами наших с вами возможностей не только «изучения», но даже и беглого описания. Я и не стану занимать вас всем этим.

Но вот указание на то, что буквы нашей письменной речи вне какого бы то ни было нашего сознательно-го на них воздействия или вмешательства, сами собою, по «закону букв», которому они подчиняются, способны накапливаться и разрежаться, располагаться, как им то свойственно, — в этом, я надеюсь, вы могли убедиться.

возвращение капюшона

«Беда моя — это была кепка. Кепку, как известно, у мальчишек редко найдешь новую. Кепку забрасывают на заборы и крыши, бьют ею в спорах оземь. Кроме того, она часто заменяет футбольный мяч». Стоит заглянуть на любой двор, и эта цитата из «Судьбы барабанщика» Аркадия Гайдара окажется и месту: с многочисленными, но не меняющими сути дела вариациями, подобные эпизоды повторяются во все времена. Школьные форменные фуражки изображают штанги, шапки и береты планируют в воздухе, беспомощно повисая на деревьях... И лишь капюшон, единственный из всех детских головных уборов, не слетает на землю, не теряется и не залетает на крыши.

Капюшон не назовешь отирываем — он известен с незапамятных времен, и бывали целые эпохи, когда он безраздельно царствовал, покрывая головы дам и кавалеров, путников и монахов, рыцарей и палачей.

Иногда ему предпочитали другие формы, но никогда не забывали совсем. Современная мода вновь возвратила капюшону его бывшее разнообразие. По обилию расцветок с нынешними капюшонами могут соперничать разве что средневековые образцы — блестящие и матовые, пестрые и однотонные, подобранные в цвет одежды или по контрасту, они увенчивают чуть ли не все существующие формы костюма. Профессиональные модельеры и домашние мастерицы «пристегивают» капюшон, ставший приметой «модерна», к плащам и пальто, шубам и пелеринам, к платьям, курткам, комбинезонам и даже к пляжным костюмам. Но подлинная новизна чувствуется только в объеме и крое. Нынешние капюшоны гораздо меньше бывших моделей, и форма их, при всем ее детальном разнообразии, в принципе тяготеет к закругленности, что еще больше подчеркивает компактность и не нарушает модные пропорции всего силуэта. Форма «колпака», излюбленная прежде в моделях для детей, уступила место шлемовидным, «космическим» линиям. От этого и более расчлененный, «мозаичный» покррой. Довольно часто капюшоны выкраиваются как бы с «забралом», высоким и наглухо закрывающим шею. Застегивается этот своеобразный воротничок, чаще всего, прямо под подбородком, и тогда пуговицы, молнии или пряжки создают ему дополнительную нарядность и декоративность. Но, кроме украшательских соображений, модный капюшон хорош и своими чисто практическими свойствами: он плотно прилегает к голове и (даже без поддетых шапочек и платочков) надежно защищает от ветра, дождя и снега. Изрядным минусом прежних капюшонов было то, что они съезжали во время игр, но современный крой счастливо избежал и этих упреков.

Е. ОВДАК,
художник по костюму

Кинозрители любят смеяться. Особенно дети. С какой готовностью откликается зрительный зал на каждую искорку комического!

Недавно по радио передавали одно интервью. Вопросы задавали грем писателям и одному режиссеру. И все они дружно отвечали, что главная цель их работы — доставить зрителю радость, подарить ему несколько безоглядно веселых минут. И авторы как будто ни сколько не стыдились откровенной «несерьезности» своей творческой задачи. Они даже радовались тому, что их попытка удалась, что зритель смеется над их героями, смеется вместе с ними и любит их. Любит и героев, и авторов, хотя, пожалуй, не все, кто на коротке с первыми, хорошо знают имена последних.

Мы говорим о фильмах серии «Ну, погоди!» и о создателях — писателях Феликсе Камове, Александре Курляндском, Аркадии Хайте и режиссере Вячеславе Котеночкине.

Историю грубого Волка и милого

пусть живёт заяц. и волк тоже

К 4-й странице обложки

Зайца знают все. Этим героев безоговорочно восторженно принимает всякая аудитория.

Но особенно весело смотреть эти фильмы вместе с детьми. Детская радость заразительна, и, глядя на смеющиеся детские личики, чувствуешь благодарность к авторам. Для того чтобы вот уже третий год смешить всех до слез, нужны большая изобретательность и талант. И — высокая требовательность к себе: нельзя сбавить темп, нельзя повториться.

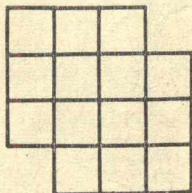
Нам кажется, что авторы серии любят и понимают цирк. Потому что обаяние их фильмов сродни обаянию той народной комедии, которую вот уже сотни лет разыгрывают два клоуна — Белый и Рыжий. И в этом — глубинные корни их кинопредставления.

Авторы обещали, что жизнь Волка и Зайца будет длиться до тех пор, пока герои сохраняют любовь зрителей. Что ж, в нашей привязанности им сомневаться еще не приходится.

Н. ВЕНЖЕР

математический
фокус

сумма
четырёх

Тот, кто показывает фокус, держит такую примерно речь:

— Пожалуйста, пусть кто-нибудь выберет одну из карточек с числами. Выбрали? Теперь закройте карточку вот этой, с вырезами по углам. Поворачивать ее можно как угодно. Что получилось? Покажите мне, пожалуйста. Спасибо, мне достаточно одного взгляда. Теперь задумайте любое число (из тех, что на карточке), запишите его, а мне не показывайте. Задумали? Возьмите две полоски бумаги и закройте ими числа, которые по горизонтали и по вертикали стоят рядом с задуманным. Я ничего этого не вижу. Задумайте еще одно число (из тех, которые остались не закрытыми), опять-таки запишите его потихоньку от меня. И снова закройте полосками числа рядом. И еще одно число задумайте (из незакрытых!) и запишите. Используйте последние две полоски из шести имеющихся у вас. Осталось не закрытым одно число. Запишите его тоже. Итан, у вас записаны четыре числа, и я их не знаю. Сложите их, а я вам скажу, какая сумма получилась. Не верите? Проверьте, пожалуйста...

И «фокусник» называет сумму. Только однажды взглянул он на карточку (помните?), но этого было достаточно. Он увидел два числа, оставшиеся по углам не закрытыми, сложил их, а сумму уложил на 2. Вот и весь секрет.

Проверьте на любой из карточек, действует ли этот ключ, и вы убедитесь, что действует исправно.

А вот в чем секрет самого ключа, попробуйте догадаться сами. Но даже если не догадаетесь, фокус все равно показывать сможете.

Г. ГОЛЬ

1	11	21	31
2	12	22	32
3	13	23	33
4	14	24	34

41	51	61	71
42	52	62	72
43	53	63	73
44	54	64	74

61	71	81	91
62	72	82	92
63	73	83	93
64	74	84	94

23	33	43	53
24	34	44	54
25	35	45	55
26	36	46	56

44	54	64	74
45	55	65	75
46	56	66	76
47	57	67	77

4	14	24	34
5	15	25	35
6	16	26	36
7	17	27	37

37	47	57	67
38	48	58	68
39	49	59	69
40	50	60	70

35	45	55	65
36	46	56	66
37	47	57	67
38	48	58	68

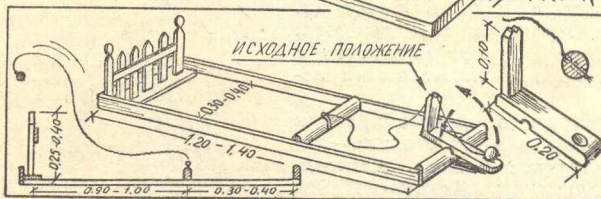
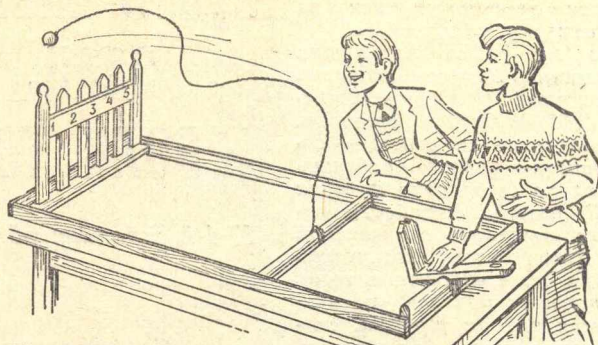
Игры на столе

заборчик

Как сделать игру, ясно видно из рисунка. Как играть, тоже в общем, понятно, но все-таки немного подробнее об этом.

Заборчик — это пять мишеней в одной. Задача в том, чтобы поразить их последовательно — от 1 до 5. «Перескакивать» к более высокому номеру нельзя, не поразив очередного. Промах, «перескок», «недоскок» — и ход передается сопернику.

Побеждает, естественно, тот, кто быстрее доберется до цели.

баскетбол

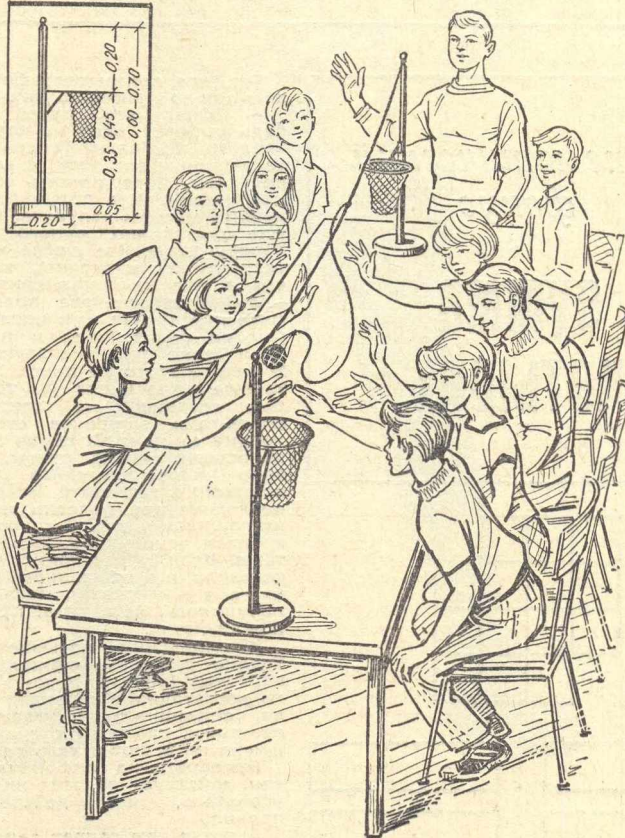
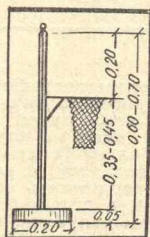
Тут вся хитрость в том, что играть можно только одной рукой.

Мячик может быть резиновым, но лучше всего взять шарик от настольного тенниса, поместив его в сеточку.

Продолжительность тайма — 5 минут. Во втором тайме команды меняются местами.

Чем длиннее стол, тем больше игроков.

С. ГЛАЗЕР,
мастер спорта

как король занятие сорвал

В тот вечер я взял учебник и — за шахматы. Но, видно, устал и задремал прямо за доской. Разбудил меня странный шепот. Кто там? Приоткрываю глаз: карандаш переговаривается с шахматными фигурами!

— А сейчас, — говорит он им, — повторим, что такое мат и пат. Белых — Короля, Ферзя и Слона — прошу стать на f3, на b4 и на b1.

Подумать только! — Карандаш ведет занятие! Откуда он такой ученый? Ба! Ведь читая учебник, я вожу им по строчкам!

Белые фигуры расположились, как на первой диаграмме, и тогда Карандаш указал поле черному Королю. Тот дошел до него, но тут же повернул обратно.

— В чем дело? — рассердился Карандаш. — В чем дело?

— А мне там сразу мат получается! — Ну и что? Мы же повторяем, что такое мат!

— И повторяйте себе... А я не желаю под мат лезть.

— Какой же мат без Короля? Без Короля мата не бывает.

— Это каждому известно. Но я тут не единственный Король!

— Значит, вы отказываетесь заниматься?

— Не отказываюсь. Но под мат лезть не стану!

— Подумаешь, важный какой! — вмешалась Бритва.

— А тебя никто не спрашивает! — огрызнулся черный Король. — Ты остри, когда Карандаш чинишь.

— Хорошо, — сказал Карандаш. — Тогда пройдите вы туда.

— А там я не влезу под мат?

Черный Король прошел на эту новую клетку.

— Сейчас вы увидите мат в один ход, — обратился Карандаш ко всем фигурам и пешкам. — Пусть белый...

С криком выбежал черный Король со своего поля:

— Что это?! Опять мне мат объявлять?! Да отсохни моя подкладна, если я позволю издеваться над собой наному-то Карандашу! Да поблenni моя черная краска, если я...

— Но ваше Черное Величество! — перебил белый Король. — Это же про-

сто показательный мат. Учебный! Мы его даже не включим в наш счет. Ведь нужно...

— Может быть, и нужно, ваше Белое Величество, но почему объявляют мне, а не вам? Да сломайся мой верхний шарик, если...

— Ну, хорошо, хорошо, черный Король, успокойтесь... Не будем про мат повторять. Я вас только попрошу занять вон то поле. Чтобы получился пат. Против пата вы ведь не возражаете?

— Не собираюсь я по чьей-то указке носиться по доске!

Занятие было сорвано, фигуры разбрелись по доске...

И вот теперь я пытаюсь сообразить: на какие клетки посылал карандаш черного короля? Но, признаться, у меня что-то не получается. Может быть, вы поможете? Итак:

1. Где черный Король оказался бы под матом?

2. Где черному королю белые дали бы мат в один ход?

3. Где появление черного короля вызвало бы пат?

со второго взгляда

Посмотрите на позицию на второй диаграмме.

Черная пешка грозит стать ферзем. Празда, и у белых есть пешка на седьмой линии, но ведь поле ее превращения бьется слоном a2. Выходит, белым нужно сдаться? С первого взгляда, может быть, и так. Но со второго можно обнаружить, что белые все-таки спасаются. Покажете им путь и ничьей?

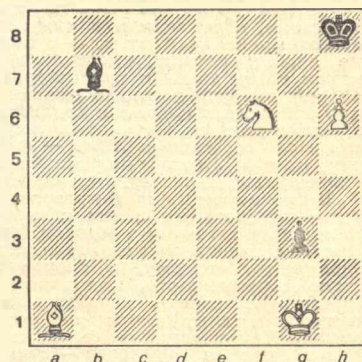
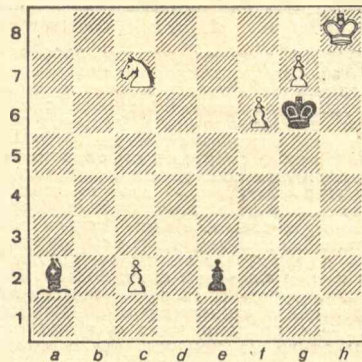
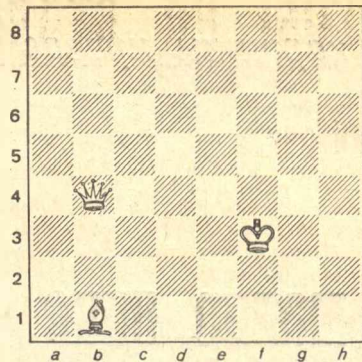
задача с намеком

На диаграмме третья задача. В ней белые объявляют мат в 5 ходов.

— В пять? — удивится, наверное, кто-нибудь. — Да тут яснее ясного, что для мата требуются всего четыре хода! Я буду действовать прямолинейно: пойду слоном на c3, потом на b4, потом на f8, а потом дам на q7 мат. Как можно этому помешать?!

Казалось бы, рассуждение верное... Но пусть послужит вам наменом указание на то, что у черных все же есть способ предотвратить такой «прямолинейный» четырехходовый мат. И когда вы найдете этот маневр черных, все станет на свои места: вы убедитесь, что мат дается только в 5 ходов.

Ю. БАРСКИЙ

Главный редактор
Л. М. ИВАНОВА

Редакционная коллегия:

М. В. ГОГОЛЕВА, В. В. ДАВЫДОВ, М. В. ЖИЛИНСКАЯ, О. М. ИВАНОВА, И. И. КАРПЕЦ, Н. П. КУЗИН, Р. А. КУРБАТОВА, Т. В. МАТВЕЕВА, И. П. РУДЕНКО, В. А. РЫБАКОВ, Э. С. СОКОЛОВА, А. Г. ХРИПКОВА, О. Э. ЧКАЛОВА.

Оформление номера
Юрия Колышева

Художественно-технический редактор Т. Мухина

Издательство «Педагогика»

Адрес редакции:
129278, Москва, И-278
улица Павла Корчагина, 7

Телефоны редакции:
283-85-16, 283-82-18, 283-80-09

Рукописи и фотоснимки
не возвращаются.

Литературных консультаций
редакция не дает.

Подписано к печати
9 октября 1972 г. А11251. Тираж
1 300 000 (1—1 150 000) экземпляров.
Заказ 449. Бумага 84×108/16.
Печ. л. 4+вкл. 0,25 (6,72+вкл. 0,42).
Уч.-изд. л. 10,29.

Ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградская типография № 1
«Печатный Двор» им. А. М. Горького
Главполиграфпрома
Государственного комитета
Совета Министров СССР
по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли,
г. Ленинград, Гатчинская ул., 26.

Обложка и вкладка отпечатаны
в Ленинградской типографии № 3
имени Ивана Федорова,
Звенигородская, 11.

картины нравов

маляр НИКО

В 1916 году на первом заседании только что организовавшегося Союза художников Грузии появился плохо одетый болезненный человек с бледным одухотворенным лицом, освещенным огромными черными глазами. В конце собрания он обратился к художникам со словами, не менее впечатляющими, чем его внешность: «Вот что нам нужно, братья. Посредине города, чтобы всем было близко, нужно построить большой деревянный дом, где мы могли бы собираться: купим большой стол, большой самовар, будем пить чай, много пить, говорить о живописи и об искусстве... — и добавил тихо и грустно: — Вам этого не хочется, вы о другом говорите». На следующие заседания общества он не приходил.

Встретить его можно было на улочках окраин, в духанах и винных погребах, но не за столом, а в полутьме задних комнат, в промозглых чуланах среди бочек и кувшинов. Он развешивал олифой дешевые краски и писал на черных клеенках странные, озаренные ровным, непонятно откуда льющимся светом, картины — «карточки маляра Нико», как называли их заказчики и заведующие заведениями. На крышке ящика, в котором он держал самодельные кисти и нехитрый набор порошковых красок, был нарисован джентльмен в цилиндре, и, может быть, поэтому, а скорее за мягкую отрешенность, молчаливость и затаенную горечь в обращении, странному маляру присвоили титул «граффа». Плата «графу» была установлена раз и навсегда — станан вина и обед. Покончив с заказом, маляр Нико прихватывал свой ящик и, высокий и сутуловатый, в изодранном черном пиджаке, шел искать ужин — начинать новую «карточку». Его клеенки и картонки висели по стенам почти всех тифлиссских духанов, в тесных расписочных и мелочных лавках, чуть ли не в каждом здании по Молоканской улице, куда он приходил на ночь — в подвал дома № 29. Этот адрес знали всего один-два человека, да и вообще о существовании «маляра Нико» могло бы не остаться никаких свидетельств: олифа темнела, «карточки» выбрасывались, клеенками рачительно закрывались бочки... Художнику было уже 50 лет, когда его работы впервые попали в внимательному профессиональному взгляду.

Жарким летом 1912 года в один из окраинных кабачков зашли братья Здановичи — начинающий живописец и молодой поэт — и их гость, студент Академии художеств Михаил Ле Дантю. «Карточки» Нико, развешанные в подвале кабака, встретили их своим странным сумеречным све-

том. Трое художников чувствовали себя «как путники, неожиданно набредшие на рассыпанные брильянты». Никто в кабачке не знал, где живет безвестный художник, и три его внезапных поклонника потратили не один день, пока случайно не забрели на Молоканскую улицу и не увидели «маляра Нико». Он работал прямо на тротуаре — писал вывеску молочной — «повернулся, с большим достоинством поклонился и продолжая трудиться, изредка репликами поддерживал разговор». Когда у него спросили, известно ли ему, «что он большой художник», оказалось, что безвестный «маляр» пишет картины за кусок хлеба вовсе не оттого, что не знает цены своим произведениям. Он многое постиг в ежедневной, но все же не ставшей для него пооденной работе — не знающий эскизов, мгновенно схватывающий натуру, яркую, броскую и неповторимую, как всё, что наполняло улицы древнего города.

Ты прочитал иероглифы, и хроники тебе дались, а видел ли, какой олифой старинный выкрашен Тифлис? Блуждая в шумных Сираханах, былого ярком очаге, дивился ль бурдюкам в духанах, и чианурам, и чарге? Вино на кладбище не льется, оборван на платке гайтан, о чоку черную не трется, и дверям привязанный баран. Исчез кулачный бой, амкары, игра в артуру, плясаны. Все это — достояние старой, давно забытой старины.

Он знал себе цену — Нико Пиросманашвили, бытописатель ушедшего Тифлиса, и несмотрит на все тяготы, выпавшие на его долю, был глубоко удовлетворен тем, что «каждый день люди смотрят на его картины» — огромную выставку работ, развешенную по всем окраинам. На черном фоне клеенок радостно и приподнято звучали краски: в алых архаюках под синей чохой, с пестрыми платками на шее, с широченными шароварами, заправленными в шерстяные узорчатые носки, гуляют и пьют уличные остроусловы и кутилы, мелочные разносчики-кинто («Кутеж винто с органичком», «Ночной кутеж», «Александр Гаранов»); возле лавок и духанов старательно позируют торговцы, надутые, чернобровые, черноусые, исполненные корпоративной коммерческой гордости (портреты Титичева и другие); тяжелой медлительной поступью, с напряженными лицами, обросшими буйной бородой, шагают грузчики-муш («Муша с бурлюком», «Муша с боченном»); в ярких платьях с оголенной грудью, дородные и крутобровые, сидят уличные красотики из Ортачала... «Когда я пишу погибших ортачалских красавиц», — сказал как-то Пиросмани, — я их помещаю на черном фоне черной жизни, но и у них есть любовь и жизни — это цвет вокруг фигур и птички у плеч. Я пишу их в белых простынях, я их жалею и белым цветом прощаю им грех».

Белой краской прощания, с цветами в руках и желтыми птичками над головой написал Нико и «Красавицу Марго» — женщину, из-за которой оказался вынужден вести свое полугодное существование. Было время, когда Нико держал собственную молочную. Друзья собрали денег, а сам он, впервые взявшись за кисть, расписал стены яркими фигурами коров. Увидев Марго во время одного из ее выступлений (она была певицей, приехавшей из Франции в поисках удачи), Пиросмани предложил ей свое сердце и состояние. Доверчивость, так и не растратенная Нико до конца

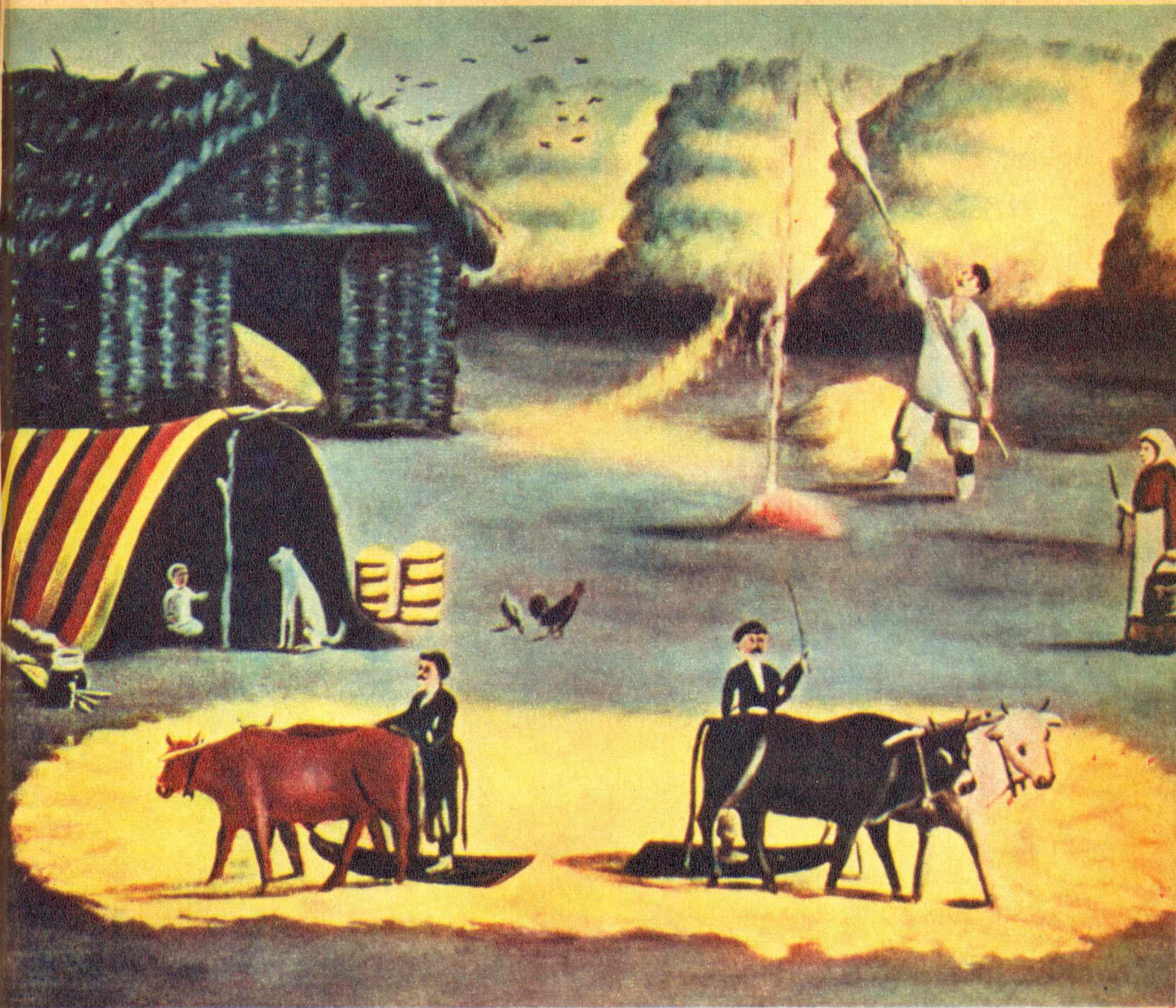
жизни, стоила ему всего, что он имел, — Марго бесследно исчезла, оставив художника безутешным и разоренным. Но страдание не озлобило Нико, он продолжал любить Маргариту и простил ей все причиненное горе — простил белыми красками содранного по памяти портрета.

Такой же глубокой, сильной и ровной любовью была для Пиросмани родная Кахетия. Писать ее художнику тоже пришлось по памяти. Еще в детстве покинув свое село Мирзаани, Нико вернулся было в него на несколько лет, а потом вновь уехал и уже навсегда, но родные пейзажи, деревенские праздники и работы не переставали возникать на «карточках»: «Кахетинский эпос», «Свадьба в Кахетии», «Храмовый праздник», «Сбор винограда», «Крестьянка с сыном»...

К кахетинскому циклу относится и «Молотба хлеба», написанная Пиросмани в 1912 году. Картон, находящийся сейчас в коллекции Государственной Третьяковской галереи, переносит нас в июньские дни (уборка хлеба начиналась в Кахетии в июне и продолжалась до конца месяца) 80-х годов прошлого столетия, когда сирота Нико, похоронив в Тифлисе старшую сестру, вернулся в деревню. Но и здесь жить легче не стало: уже несколько лет невиданные болезни поражали лоу, и не только в Мирзаани, но и по всей Кахетии, славной своими винодельческими селами — Цинандали, Карданахи, Мунузани — не было урожая на виноград. Крестьяне, до того почти не занимавшиеся хлебопашеством, взялись за самодельные плуги и деревянные бороны. Хлеб жали серпами, вязали в снопы и перевозили на арбах. Орудия молотбы были еще древнее этой средневековой земледельческой техники. На переднем плане картины Пиросмани помещил две пары быков, тянувших по расстеленным на земле колосьям широкие доски — «квари». С нижней стороны досок укреплалось множество обломков кремня, «обдиравших» колосья. Перед плетеным амбаром, строившимся для защиты от птиц и непогоды — никаких заборов и даже дверей в нем не было, — художник изобразил палатку, в которой ночевали крестьяне. Судя по всему, гумно этой кахетинской семьи находилось далеко от деревни, возле арендованного участка. По-видимому, урожай выдался неплохой, об этом говорят и высокие скирды на заднем плане и та основательность, с которой семейство выехало на молотбу, забрав с собой ребенка, собаку и кур. Фигуры животных и людей, силуэты построек и скирд, веер подброшенного зерна и отлетающих в сторону плевел, плетеные стены и сторону палатки написаны художником легко и свободно, единым духом, уверенными и законченными мазками. Пиросмани не изучал законов перспективы, но расположение предметов на картине и круговой поступательный ритм движения создают свою, неповторимую многоплановость и объемность. Она угадывается и в темном провале палатки, и в проеме амбара, и в тяжелых шапках скирд, разделенных зазубренными полосами теней. Пиросмани предпочитал, чтобы в картине звучали всего лишь несколько красок. «Молотба», написанная в серовато-желтой гамме, казалась бы, должна и выглядеть серо. Но картина производит впечатление декоративного, праздничного полотна.

Так празднично и мажорно звучали в душе Пиросманашвили воспоминания о родной Кахетии, и которой ему было не суждено возвратиться.

А. БОРИСОВА

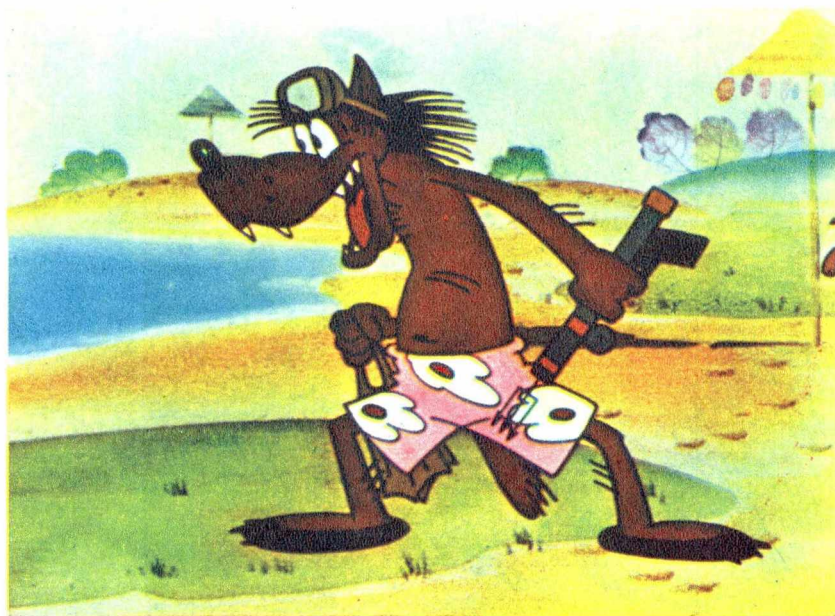
МАЛЬЧИШКИ ИЗ НЕАПОЛЯ

Южный трудовой город
просыпается рано.
Но раньше всех, кажется,
просыпаются здесь мальчишки.
Они спешат на работу —
в кафе, магазины,
рестораны, парикмахерские.
Мальчишки разносят товары,
засывают покупателей
и прислуживают в лавках,
торгуют снедью и сигаретами,
спешат через улицу
с „чашикой кофе для синьора“...

Было раннее утро.
На безлюдной еще улице
у тележки с овощами
хлопотала маленькая фигурка.
Тележка никак не желала
вставать так,
как хотелось мальчонке.
Но вот кто-то помог,
И все уладилось.
Ушел и наш туристский автобус.
А вечером, когда было
уже совсем темно,
возвращаясь в гостиницу,
я увидела
знакомую тележку
и маленького продавца.
Он еще ждал
запоздалого покупателя...
М. ОКУШКО

*волк и заяц,
к которым
мы так
привыкли*

*О героях популярных мультфильмов
читайте на 61-й странице*

